ГАРРИ КЕМЕЛЬМАН

В ПЯТНИЦУ РАВВИН ВСТАЛ ПОЗДНО

ГАРРИ
КЕМЕЛЬМАН

В ПЯТНИЦУ РАВВИН ВСТАЛ ПОЗДНО

Изд-во "СОВА"
Тель-Авив

1976

FRIDAY THE RABBI SLEPT LATE

Harry Kemelman

Перевел с английского: Моше Ледер

© 1964 by Harry Kemelman
© русского перевода - Изд-во "СОВА", Тель-Авив
Published by agreement with
Scott Meredith Literary Agency, Inc.
580 Fifth Avenue, New York, N.Y. 10036
OCR Давид Титиевский, сентябрь 2020 г., Хайфа

Они сидели в молельне и ждали. Их было только девять мужчин, и они ждали десятого, чтобы можно было приступить к утренней молитве. Пожилой президент конгрегации Джейкоб Вассерман уже надел филактерии, а молодой раввин Дэйвид Смолл, который только что пришел, как раз надевал их. Он освободил левую руку из рукава пиджака и засучил рукав рубашки до самой подмышки. Надев черную коробочку, содержащую стихи из Торы, выше локтя - поближе к сердцу, - он обмотал руку семь раз ремешком филактерии, затем три раза вокруг ладони, так чтобы получилось первая буква Господнего имени, и наконец вокруг среднего пальца в виде кольца, символизирующего неразрывное единение с Богом. Все это, вместе со второй филактерией, которую он теперь надевал на лоб, было буквальным исполнением библейского завета: "И НАВЯЖИ ИХ (слова Господа) В ЗНАК НА РУКУ ТВОЮ, И ДА БУДУТ ОНИ ПОВЯЗКОЮ НАД ГЛАЗАМИ ТВОИМИ".

Остальные, в молитвенных накидках, отороченных серебром, на плечах и в черных ермолках, сидели небольшими группами, вяло заглядывая в свои молитвенники и время от времени сверяя свои часы с висевшими на стене.

Раввин, теперь уже готовый к утренней молитве, прохаживался по средине молельни - не из нетерпения, а просто как пассажир, слишком рано явившийся на вокзал. До него доносились обрывки разговоров: о делах на работе, в семье, на стадионах. Такие разговоры вряд ли приличествуют людям, готовящимся приступить к молитве, - подумал он, - но тут же осадил себя. А разве не грех быть чересчур набожным? Разве не должны мы наслаждаться жизнью? Радостями семейной жизни? Трудом и отдыхом от трудов? Он был еще очень молод - еще и тридцати не было - и любил копаться в собственной душе, так что все время задавал себе вопросы и отвечал на них вопросами же. Мистер Вассерман вышел из помещения, но тут же вернулся.

- Я только что позвонил Эйбу Райху. Он обещал прийти минут через десять.

Бен Шварц, невысокий полный мужчина средних лет, внезапно поднялся.

- С меня хватит! - буркнул он. - Чем ждать здесь этого сукиного сына Райха для полноты минъяна, уж лучше я помолюсь дома один.

Вассерман бросился к нему и догнал уже у самого выхода.

- Никуда ты не пойдешь, Бен. Ведь тогда даже с Райхом у нас не будет минъяна.

- Очень жаль, Джейкоб, - сухо ответил Шварц, - но у меня важное деловое свидание, и мне надо идти.

- Ты ведь пришел сказать Кадиш по отцу, - сказал Вассерман, разводя руками. - Какое же может быть деловое свидание? Неужели ты не подождешь еще несколько минут, чтобы отдать должное покойному родителю?

Вассерману шел уже седьмой десяток. Он был самый старший в конгрегации. Говорил он с легким акцентом, который, однако, выражался не столько в неправильном произношении слов, сколько в особой тщательности их произношения. Видя, что Шварц колеблется, он добавил:

- А кроме того,Бен,у меня у самого сегодня Кадиш.

- Ладно, Джейкоб. Не надо бить на мои эмоции, - улыбнулся Шварц. - Так и быть, подожду уж.

Однако Вассерман еще не кончил.

- И вообще, что у вас за распря с Райхом? Я все слышал, что ты себе там буркнул под нос. Ведь вас с ним было водой не разольешь.

Шварц не заставил себя просить.

- Извольте. На той неделе...

Вассерман поднял руку.

- О, ты про эту историю с машиной? Я уже слышал об этом.Если ты считаешь,что он тебе что-то должен, то подай на него иск, и дело с концом.

- Нет, по такому пустяку в суд не подашь.

- Тогда разберитесь как-нибудь иначе. Мы не можем допустить, чтобы два уважаемых члена нашей конгрегации не могли даже составить минъян. Это позор.

- Послушайте, Джейкоб...

- Ты когда-нибудь подумал об истинной функции синагоги в общине, подобной нашей? Она должна быть местом, где евреи улаживают свои споры. - Он подозвал раввина. - Я только что сказал Бену, что синагога - это святое место, и что все евреи,приходящие

сюда, должны жить в мире друг с другом. Если у них какие-нибудь распри, то именно здесь они и должны их уладить. Может быть, для синагоги это даже более важная функция, чем служить местом для молитвы. Как вы думаете, рабби?

Молодой раввин нерешительно смотрел то на одного, то на второго. Он зарделся.

- Боюсь, я с вами не совсем согласен, мистер Вассерман. Синагога сама по себе вовсе не святыня. Наш древний храм был ею, конечно, но общинная синагога вроде нашей - это обыкновенное здание. В нем молятся, изучают Танах и Талмуд; оно, конечно, свято, но не более любой группы людей, собравшихся с целью помолиться. Что же касается улаживания споров, то это, по традиции, функция не синагоги, а раввина.

Шварц молчал. Он считал неприличным, что молодой раввин открыто прекословил президенту конгрегации. Если разобраться, Вассерман - его непосредственный босс, а летами годится ему в отцы. Джейкоб, однако, не обиделся. В его глазах появился огонек, и казалось, что возражение раввина даже доставило ему удовольствие.

- Итак,если между членами общины возникает ссора, то что же надо делать по-вашему, рабби?

- Ну, в старое время я бы предложил "Дин-Тору", - робко улыбнулся молодой человек.

- А что это такое? - спросил Шварц.

- Слушание, судебное разбирательство, - ответил раввин. - Кстати, это как раз одна из главных функций раввина: разбирать дела и выносить решения. В старое время, то есть в европейских гетто, не синагога нанимала раввина, а все местечко. И его нанимали не для того, чтобы он руководил молитвой или опекал синагогу, а чтобы разбирать дела, которые ему представлялись на суд, и выносить решения в соответствии с законом.

- Как же мог он выносить решения? -спросил Шварц, невольно заинтересованный.

- Как и любой другой судья. Сначало дело слушалось - им одним, либо вместе с двумя учеными людьми, - допрашивали истца, ответчика, свидетелей,если было нужно, а затем, основываясь на Талмуде, выносили решение.

- Боюсь, что нам это бы ничего не дало, - сказал Шварц с улыбкой. - У нас речь идет об автомобиле.

Вряд ли вы найдете в Талмуде что-нибудь об автомобилях.

- В Талмуде вы найдете все, - убежденно ответил раввин.

- И об автомобилях?

- В Талмуде, конечно, автомобили не упоминаются, зато там речь идет о нанесенном ущербе и об ответственности за него. В деталях ситуации меняются из века в век,но общие принципы остаются одни и те же.

- Что же, Бен, - спросил Вассерман, - согласен ли ты вынести свое дело на суд?

- За мной дело не станет. Я хоть кому готов рассказать все как было. Чем больше людей будет знать, тем лучше. Пускай вся община знает,какая гнида этот Эйб Райх.

- Нет, я говорю серьезно, Бен. Вы оба состоите членами правления. Вы оба отдали синагоге массу своего времени. Почему бы вам не прибегнуть к традиционному еврейскому суду для улаживания спора?

- По мне... - пожал Шварц плечами. - Пожалуйста.

- А вы, рабби? Вы согласны?

- Если мистер Райх и мистер Шварц согласны, то отчего же - я с удовольствием устрою "Дин-Тора".

- Да Эйб Райх никогда в жизни не согласится, - бросил Шварц.

- Я ручаюсь, что Райх явится, - сказал Вассерман.

Шварц все более и более загорался.

- Тогда в чем же дело? Но когда? Когда состоится этот... как его... "Дин-Тора"? И где?

- Да хоть сегодня вечером, - предложил раввин. - В моем кабинете. Как вы смотрите на это?

- Чудно, рабби. Понимаете, этот Эйб...

- Если мне предстоит разбирать это дело, - мягко перебил его раввин, - то лучше дождемся присутствия также противной стороны, вы не думаете?

- Конечно, конечно, рабби. Я вовсе не...

- Итак, сегодня вечером, мистер Шварц?

- Приду всенепременно.

Раввин кивнул и отошел прочь.

Шварц долго смотрел ему в спину, затем сказал:

- Знаете, Джейкоб, если хорошенько подумать, то я сморозил глупость, согласившись на это дело.

- Почему же глупость?

- Потому... потому что это ведь будет, пожалуй, настоящее разбирательство...

- Ну и что?

- А кто судья? - Он уныло кивнул в сторону раввина, намекая на дурно сидящий костюм молодого человека, на его всклокоченные волосы, пыльные ботинки. - Вы только посмотрите на него - юноша, ну студент... Да ведь я ему, пожалуй, гожусь в отцы. И чтобы он меня судил! Понимаете, Джейкоб, если верно, что в функции раввина входит выступать, что ли, в роли судьи, то Эл Бекер и его бражка, пожалуй, не так уж неправы, говоря, что нам нужен раввин постарше, посолиднее, что ли. Вы действительно думаете, что Эйб Райх согласится участвовать во всем этом? - Ему вдруг пришла мысль. - А скажите,Джейкоб, если Эйб не согласится, то есть не явится на это... на это состязание, что ли, то разве это не будет означать, что дело выиграл я?

- А вот и он сам, - сказал Вассерман. - Сейчас начнем. Что же касается вечера, то ни о чем не беспокойся, Бен: он придет. Я ведь поручился...

✡

Кабинет раввина находился на втором этаже. Его окна выходили на асфальтированную стоянку для машин. Вассерман как раз входил во двор, когда подъехал раввин, и они вместе поднялись по лестнице.

- Я не знал,что вы придете тоже, - сказал раввин.

- Шварц начал колебаться, вот я ему и пообещал, что приду тоже. Вы возражаете?

- Нисколько.

- Скажите, рабби, - продолжал Вассерман. - Вы когда-нибудь проводили что-нибудь в этом роде?

- Дин-Тору? Конечно, нет. Я ведь консервативный раввин, а в консервативном еврействе кто же станет проводить Дин-Тору. На что в ортодоксальных общинах, и там к раввину никто со своими спорами не обращается.

- Но в таком случае...

- Не беспокойтесь, все будет в порядке, - успокоительно улыбнулся раввин. - Не думайте, что мне ничего не известно о жизни нашей общины. Кое-какие слухи доходят и до меня. Я знаю, что эти двое были еще не так давно закадычными друзьями, а теперь из-за чего-то повздорили. Лично я считаю, что ни тот, ни другой не очень этой ссоре рады, а наоборот - им обоим ничего так не хочется, как положить ей конец. Может быть, мне и удастся найти какой-нибудь

общий знаменатель.

- Вы правы, - облегченно кивнул Вассерман. - Признаться, я уже начал беспокоиться. Как вы только что сказали, они были близкими друзьями. И довольно долго. По всей вероятности,в конце концов окажется, что во всем виноваты жены. Жена Бена, Мира, настоящая язва. У нее тот еще язычок...

- Я знаю, - грустно кивнул раввин. - Еще даже лучше, чем хотелось бы...

- А Шварц - слабак, - продолжал Вассерман. - В их семействе всем заправляет она. Они и Райхи долго жили по соседству и жили очень дружно. Недавно отец Шварца умер и оставил ему какие-то деньги. И вовсе не недавно, а прошло уже добрых несколько лет, потому что Бен ведь не первый раз пришел сказать по отцу Кадиш. Тогда-то Бен и переехал в Гров-Пойнт, стал дружить с Бекерами, Пирлстейнами, словом - со всей той бражкой. И вот мне кажется, что вся эта ссора оттого, в основном, и произошла, что Мире не терпится порвать окончательно со своими прежними друзьями.

- Что ж, скоро мы все доподлинно узнаем, - ответил раввин. - Кажется, они приехали.

Хлопнула входная дверь, и на лестнице послышались твердые шаги. Затем открылась и закрылась наружная дверь, и в кабинет вошел Шварц. Минуту спустя явился и Эйб Райх. Похоже было, что они поджидали друг друга, чтобы удостовериться, что придет и второй. Раввин усадил их по обоим бокам своего письменного стола.

Райх был рослый мужчина, довольно приятной наружности, с высоким лбом и гладко зачесанными назад волосами,в которых пробивалась уже седина. Одевался он несколько щеголевато. На нем был черный костюм с узкими лацканами и накладными карманами, по европейской моде. Брюки узкие, без единой морщинки. Он был начальником местного отделения сбыта большой компании по производству недорогой обуви и держал себя с подобающим его положению достоинством, к которому примешивалась некоторая начальническая решительность. Он всячески пытался скрыть свое смущение под маской равнодушия.

Шварц тоже испытывал смущение, но пытался свести все дело в шутку, в остроумную игру, которую придумал его добрый друг Джейкоб Вассерман,и которую он,

как свой парень, не станет портить.

Шварц и Райх не только не разговаривали друг с другом; они даже избегали смотреть друг на друга. Райх что-то сказал Вассерману, так что Шварцу ничего другого не осталось, как обратиться к раввину.

- Ну, - сказал он с ухмылкой, - что же теперь будет? Вы напялите на себя судейскую мантию, а мы все должны будем встать? А Джейкоб здесь в качестве служки или свидетеля?

Раввин улыбнулся. Затем он придвинул свой стул, показывая этим, что готов начать слушание.

- Надеюсь, вы оба понимаете, - начал он, - что нас здесь не связывают никакие формальности и процедурные правила. Вообще-то стороны должны, как правило, заявить, что они признают юрисдикцию этого суда и подчинятся решению раввина. В данном случае, однако, я на этом настаивать не буду.

- А я-вот не возражаю, - сказал Райх. - Я готов подчиниться вашему решению.

Чтобы не отстать, Шварц тоже поспешил заявить:

- А мне и подавно нечего бояться. Я тоже,конечно, подчинюсь.

- Прекрасно, - сказал раввин. - Поскольку вы, мистер Шварц, так сказать, потерпевшая сторона, то я предлагаю, чтобы мы начали с вас. Расскажите нам, пожалуйста, все, что вам известно по делу.

- Да тут и рассказывать-то нечего, - запальчиво начал Шварц. - Все очень просто. Вот Эйб одолжил машину моей Миры и по явной халатности угробил ее. Мне придется теперь купить новый мотор. Вот и все дело.

- Ну, такими простыми дела обычно не бывают, - сказал раввин. - Расскажите нам лучше про обстоятельства,при которых он одолжил у вас машину. Кстати, это ваша машина или машина вашей жены? Я спрашиваю об этом просто для ясности. Вы только что сказали, что это машина жены, и тут же говорите, что мотор придется купить вам.

- Это моя машина в том смысле, что заплатил за нее я, - ответил Шварц, улыбаясь, - но она в то же время машина жены в том смысле, что ездит на ней обычно она. Это Форд выпуска 63-го года, с откидным верхом. Лично я езжу на Бьюике.

- Выпуска 63-го года? - Брови раввина взлетели вверх. - Выходит, новая машина. Гарантийный срок

уже истек?

- Да вы что, рабби, смеетесь, что ли? Какая же фирма возместит, хотя бы гарантийный срок и не истек, ущерб, причиненный по халатности хозяина? Я приобрел машину в магазине Бекера, и по части гарантии на него можно так же положиться,как на любую другую фирму. Все же, когда я ему намекнул на гарантию, Эл Бекер в два счета доказал мне, что ни о каком гарантийном ремонте тут речи быть не может. Фирма тут решительно ни при чем.

- Я понимаю, - кивнул раввин, давая понять, что у него больше нет вопросов.

- Ну, у нас тут сколотился в свое время кружок, и мы все делаем сообща: вместе ходим в театр, вместе выезжаем за город и так далее. Началось все как домашний, что ли, клуб: мы все жили по соседству, дружили, вот с этого оно и пошло. Потом некоторые переехали в другие районы. Но связь мы все-таки не теряли друг с другом и продолжали встречаться раз в месяц. На этот раз мы поехали покататься на лыжах в Белькнал в Нью-Хэмпшире. Поехали на двух машинах: Альбертсы поехали на своем лимузине, захватив с собой Райхов, а я взял свой Форд и посадил туда еще и Сару, Сару Вайнбаум. Она вдова. Вайнбаумы тоже входили в наш кружок, а с тех пор как она овдовела, мы все равно всюду берем ее с собой. Выехали мы в пятницу в полдень, чтобы успеть походить на лыжах еще в тот же день - тут всего три часа езды. В субботу мы тоже катались - все, кроме Эйба. Он схватил насморк и все время кашлял. Потом, в субботу вечером Саре позвонили дети - у нее два сына: одному семнадцать, а второму пятнадцать лет, - и сказали, что они попали в аварию. Они, правда, уверяли, что ничего страшного не случилось, что Бобби отделался царапиной, а Майрону - то есть старшему - пришлось наложить парочку швов, вот и все. Все же Сара ужасно расстроилась и захотела домой. Ну, ее можно было понять. Так как приехала-то она с нами, я ей предложил нашу машину. Но было уже поздно, стоял туман, так что Мира и слушать о том не хотела, чтобы отпустить ее одну. Тогда Эйб вызвался отвезти ее домой.

- Вы согласны со всем тем, что рассказал нам до сих пор мистер Шварц? - обратился раввин к Райху.

- Да, все так точно и было.

- Очень хорошо. Продолжайте, мистер Шварц.

- Когда мы потом вернулись домой в воскресение вечером, машины в гараже не оказалось. Мы не стали беспокоиться, так как подумали, что не стал же Эйб оставлять машину в гараже, чтобы потом пойти домой пешком, больной. Наутро я поехал в контору на своей машине, а жена позвонила ему, чтобы договориться, как нам забрать у него наш Форд. И тогда он ей сказал...

- Одну минуточку, мистер Шварц. До сих пор вы рассказали нам то, что было вам лично известно. Отсюда вы сможете рассказать только то, что вам сообщила жена, а не то, чему вы сами были свидетелем.

- Я думал, нас не связывают никакие кляузы...

- Это не кляузы, мистер Шварц. Просто мы хотим узнать обо всем, так сказать, из первых уст. Поэтому я считаю, что будет правильнее, если дальше расскажет мистер Райх. Будем держаться хронологического порядка.

- Что ж, пускай так.

- Прошу вас, мистер Райх.

- Все было именно так,как рассказал Бен. Я выехал с миссис Вайнбаум.Стоял туман и было темно,конечно, но мы продвигались довольно хорошо. И вот, когда мы уже почти добрались, мотор вдруг заглох. К счастью, тут же подъехала полицейская машина, и дежурный спросил,в чем дело. Я ему сказал, что машина не заводится, и он обещал прислать за нами буксир. И действительно, не прошло и пяти минут, как подъехал буксирный грузовичок из гаража на окраине и оттащил нас в город. Было уже поздно - помнится, за полночь, - в гараже не было ни одного механика, так что я остановил такси и отвез миссис Вайнбаум домой. Когда же мы подъехали к ее дому, там нигде не горел свет, а она, как назло, забыла ключ.

- Как же вы вошли в дом?

- Она сказала, что всегда оставляет одно окно незапертым, и если взобраться на веранду, то до него можно достать. Однако для этого нужно было подняться по очень крутой лесенке, а я был в таком состоянии, что это было мне не под силу. Миссис Вайнбаум, разумеется, тоже не могла. Правда, таксист был молодой парень, но он сказал, что одна нога у него хромая и что он тоже не может. Может, он и хромал, а может, испугался, что мы пытаемся запутать его в кражу со взломом. Все же он нам сказал,что дежурный

полицейский обычно заходит в это время на молочный завод неподалеку, чтобы покурить и выпить чашечку кофе. К этому времени миссис Вайнбаум была на грани истерии, так что пришлось попросить таксиста, чтобы он сходил за дежурным. И не успел он вернуться - с полицейским, конечно, - как к дому подъезжают - угадайте-ка кто? Дети миссис Вайнбаум! Они просто пошли в кино. Миссис Вайнбаум была так рада, что ее сыновья целы и невредимы, что кинулась в дом, даже позабыв поблагодарить меня, так что мне самому пришлось объяснить полицейскому все.

Почувствовав в словах Райха скрытый укор, Шварц вмешался:

- Сара действительно была вне себя от страха и так далее. Вообще же она очень чуткая женщина.

Райх ничего не ответил и возобновил свой рассказ.

- Так вот, я рассказал полицейскому всю историю. Он мне ничего не сказал, а только бросил на меня обычный для полицейского подозрительный взгляд. Вы просто представить себе не можете, в каком я тогда был состоянии. Нос у меня совершенно распух, все кости ныли, и меня начало знобить. Все воскресение я пролежал в постели, а когда вернулась жена, я спал и даже не слышал, когда она вошла. Наутро я все еще чувствовал себя разбитым и решил не пойти в контору. Когда Мира позвонила, ей ответила Бетси, моя жена. Она меня разбудила, я коротко рассказал ей обо всем и назвал ей гараж, чтобы она передала Мире по телефону. Однако не прошло и десяти минут, как снова раздался звонок. Звонила,конечно же, Мира и потребовала к телефону меня. Я, конечно, подошел, и тут она мне сказала, что только что позвонила в гараж, что ей сказали оттуда, будто я совершенно угробил машину: дескать, гнал ее без единой капли масла в картере; что мотор сгорел, что виноват во всем я и так далее и тому подобное. Разговаривала она со мной довольно резко, я чувствовал себя неважно,вот я ей и сказал: - Делай что хочешь, чорт возьми, только оставь меня в покое, - повесил трубку и полез обратно в постель.

Раввин вопросительно посмотрел на Шварца.

- Судя по тому, что мне рассказала жена, он говорил еще и другое, но в общем и в целом все,пожалуй, так и было.

Раввин повернул свой вращающийся стул и подкатил

на нем к стеклянной двери книжного шкафа, стоявшего у стены. Некоторое время он рассматривал корешки книг, затем достал одну. Шварц улыбнулся и, поймав взгляд Вассермана, подмигнул ему. Райх тоже с трудом подавил улыбку. Раввин же принялся листать фолиант, забыв обо всем на свете. Время от времени он останавливался на какой-нибудь странице, кивая и потирая себе лоб, словно для того чтобы облегчить себе процесс мышления, затем он близоруко пошарил глазами по столу, нашел линейку и заложил ею страницу. Потом он достал еще один фолиант, но его он листал гораздо увереннее и быстро нашел нужное место. На этот раз он заложил страницу маленьким пресс-папье. Наконец он отодвинул оба тома в сторону и благожелательно взглянул сначала на истца, а затем и на ответчика.

- В этом деле имеются некоторые не совсем ясные аспекты. Я заметил, например, что вы, мистер Шварц, говорите просто о "Саре", тогда как вы, мистер Райх, называете ее миссис Вайнбаум. Объясняется ли это просто бесцеремонностью мистера Шварца, или тем, что миссис Вайнбаум состоит со Шварцами в более близких отношениях, чем с Райхами?

- Она была членом нашего кружка. Мы все были друзьями. Кто бы ни устраивал у себя вечер или что-нибудь в этом роде, непременно пригласит и ее.

Раввин посмотрел в сторону Райха, и тот сказал:

- Я бы сказал, что с ними она была в более близких отношениях. Мы и познакомились с ней через Бена и Миру. С ними она была особенно близка.

- Да, это, пожалуй, так, - согласился Шварц. - Но что из этого?

- И поехала она тогда в вашей машине? - спросил раввин.

- Да, но это было просто случайно. Куда вы клоните, рабби.

- Я клоню к тому, что она практически была вашей гостьей, и что вы отвечали за нее в несколько большей степени, чем мистер Райх.

Мистер Вассерман нагнулся вперед.

- Да, я полагаю, что вы правы, - согласился Шварц и на этот раз.

- В таком случае, вызвавшись отвезти ее домой, мистер Райх, может быть, оказал вам услугу в какой-то мере?

- Он и самому себе оказал услугу. У него был сильнейший насморк и ему очень хотелось домой.

- Разве он намекнул вам на это до того,как миссис Вайнбаум позвонили из дому?

- Нет, но мы все и так знали, что он хочет домой.

- А если бы миссис Вайнбаум не позвонили, думаете ли вы, что он попросил бы у вас машину?

- Вряд ли.

- Тогда, я думаю, мы можем считать установленным, что, доставив миссис Вайнбаум домой, он оказал вам услугу, какой бы выгодной она ни была для него самого.

- Никакой разницы я тут не вижу. Что же из всего этого следует?

- А то, что в первом случае он был бы просителем, во втором же - вашим агентом. Это разные вещи,и законы, которые на них распространяются - тоже разные. В качестве просителя вся ответственность за сохранность машины лежала бы на мистера Райха. Чтобы сложить с себя ответственность, ему пришлось бы доказать, что налицо была течь, и что никакой халатности он не допустил. Мало того, он должен был бы проверить состояние машины, прежде чем сесть за руль. В качестве же агента он вправе был предположить, что машина в хорошем состоянии, и доказательства о том, что она была исправна,обязаны представить вы, мистер Шварц. И вы же обязаны доказать, что имела место халатность.

Вассерман улыбнулся.

- Никакой разницы я тут не вижу. В обоих случаях он допустил грубую халатность, и я могу это доказать. В картере не было ни капли масла. Это не я говорю, а механик гаража. Разве ж это не халатность - ездить на машине и не позаботиться о масле?

- А откуда мне было знать, что нехватало масла? - вскипел Райх.

До сих пор они обращались только к раввину,а если им нужно было что-то сказать друг другу, то тоже только через раввина. Но тут Шварц резко повернулся к Райху и выпалил:

- Ты же заправил ее бензином?

- Ну заправил. - Райх тоже обернулся к Шварцу. - Сев за руль, я заметил, что там меньше полубака. Проездив с час, я завернул на заправку и набрал полный бак.

- Но ты не велел проверить масло?

- Нет. Ни масло, ни воду в радиаторе и в аккумуляторе, ни давление воздуха в шинах. Рядом со мной сидела нервная, чуть ли не истеричная женщина, которая даже заправки бензином никак дождаться не могла. Да и зачем было проверять все? Машина ведь новая, не какой-то там старый драндулет.

- А вот Сара сказала Мире, что она обратила твое внимание на масло.

- Точно. Но только после того, как мы отъехали от заправки километров десять или пятнадцать. Я еще удивился - зачем? И тут она мне рассказала, что по дороге туда ты велел проверить масло и даже долил несколько литров. "Тогда нам тем более не нужно" - сказал я, на том разговор о масле и кончился. Вскоре она задремала и проснулась только тогда, когда мотор заглох; ей показалось, что мы уже дома.

- Ну, знаешь, - настаивал Шварц, - когда отправляются в такую дорогу, то обычно проверяют масло и воду при каждой остановке.

- Минуточку, мистер Шварц, - перебил его раввин.- Я, правда, не механик, но все-таки мне непонятно, для чего нужно долить в новую машину несколько литров масла.

- Потому что где-то была небольшая течь. Ничего серьезного. Просто я как-то заметил в гараже несколько капель масла на полу и сказал об этом Элу Бекеру. Он сказал, что исправит и что беспокоиться мне не о чем: я могу ездить сколько угодно, а там пригоню ему как-нибудь машину, и он тут же все сделает, что нужно.

Раввин взглянул на Райха - может, тот хочет что-то добавить в ответ, - затем откинулся в своем кресле и задумался. Наконец он снова выпрямился и положил руки на стол.

- Вот это, - показал он на лежавшие перед ним книги, - два из трех трактатов Талмуда, в которых речь идет о том, что мы назвали бы не связанным с нарушением контракта или договора правонарушением, дающим, однако, право на предъявление иска. Эта тема разработана в Талмуде весьма и весьма подробно. В первом томе речь идет об ущербе вообще: один лишь раздел, трактующий о бодливом быке, например, занимает целых сорок страниц. Разработан один общий принцип, который применялся раввинами очень широко

при рассмотрении всевозможных дел,связанных с ущербом. Речь идет о фундаментальном различении между ТАМ и МУАД, то есть между обыкновенным быком и тем, который уже заслужил себе репутацию бодливого раньше. В случае увечия, на хозяина последнего возлагалась гораздо большая ответственность, чем на хозяина обыкновенного быка, так как тот знал о бодливости своего быка и, следовательно, должен был принять особые меры предосторожности. - Он взглянул на Вассермана, который кивнул в знак согласия.

Раввин встал из-за стола и начал прохаживаться взад и вперед по кабинету. Сам того не замечая, он впал в традиционную напевность талмудистов, когда принялся развивать свою мысль:

- В нашем же случае вы тоже знали, что налицо течь. Я полагаю, что речь идет не о нескольких каплях - по крайней мере во время езды, - а о гораздо большем количестве, коль скоро вы сочли нужным долить пару литров масла по дороге туда. Если бы мистер Райх выступал в роли просителя, - и тут мы переходим ко второму тому, в котором разрабатываются обе темы: как заимствование, так и действие агента, - если бы мистер Райх сказал, к примеру, что он чувствует себя неважно, что ему надо домой, и попросил бы у вас машину, то он был бы обязан - либо спросить вас, исправна ли машина, либо самому проверить ее исправность. И если бы он этого не сделал, то он был бы ответствен за причиненный ущерб, хотя бы обстоятельства были те же. Но ведь мы уже установили, что он действовал не как проситель, а скорее как ваш же агент, так что вы обязаны были сказать ему, что масло вытекает, и что нужно следить за его уровнем.

- Одну минуточку, рабби, - перебил его Шварц. - Вовсе незачем было предупреждать: на щитке приборов вмонтирован специальный масляный сигнал. Когда человек правит машиной, он обязан посматривать изредка на щиток приборов, и если бы Эйб это сделал, он не мог бы не заметить красный свет, который ему и подсказал бы, что масла в картере очень мало.

- Это вы правильно подметили,мистер Шварц, - кивнул раввин. - Что вы на это скажете, мистер Райх?

- Сигнал, конечно, загорелся, и я его тут же заметил, но загорелся он уже тогда, когда мы были на автостраде, станции техобслуживания либо заправки

никакой не было поблизости, а вскоре мотор вовсе заглох.

- Я понимаю, - сказал раввин.

- Но механик сказал, что он должен был почувствовать запах гари задолго до этого, - упорствовал Шварц.

- Не при таком насморке. Миссис же Вайнбаум, как мы слышали, спала. - Раввин покачал головой. - Нет, мистер Шварц, мистер Райх вел себя так, как повел бы себя на его месте любой другой водитель в подобной ситуации. Поэтому у нас нет никакого основания приписать ему халатность. А коль скоро не было халатности, то нет и ответственности.

Решительность его тона указывала на то, что на этом слушание кончилось. Райх поднялся первым.

- Для меня это было целое откровение, рабби, - сказал он тихо.

Раввин кивком головы принял к сведению его благодарность.

Райх нерешительно повернулся к Шварцу, надеясь, что тот выразит чем-то свою готовность к примирению. Шварц, однако, сидел, уставившись на пол, и в растерянности тер руку об руку.

- Что ж, в таком случае я пойду, - произнес Райх после неловкой паузы. У двери он остановился и сказал: - Я, кажется, не видел вашей машины на стоянке, Джейкоб. Может, подбросить вас?

- Да, я пришел пешком, - ответил Вассерман, - но с удовольствием поеду с вами домой.

- Тогда я подожду вас внизу.

Только когда дверь закрылась за ним, Шварц поднял голову. Он был явно задет.

- Боюсь, я не так понял задачу этого вашего слушания. Или вы поняли ее не так. Ведь я же сказал вам - или попытался сказать, - что я вовсе не собираюсь предъявить Эйбу иск. В конце концов мне гораздо легче заплатить за ремонт, чем ему. Если бы он мне и предложил деньги, я бы от них отказался. Но зато мы бы остались друзьями. Вместо этого он обругал мою жену, а муж должен, не так ли, заступиться за жену. Она, я знаю, тоже хороша,и я теперь вполне понимаю, почему он поступил так, как поступил.

- В таком случае...

- Нет, вы меня не поняли, рабби, - покачал Шварц головой. - Я надеялся, что это слушание приведет

нас к какому-то компромиссу, откроет путь к примирению. А что получилось на самом деле? Вы его полностью оправдали, а это значит, что вся вина лежит на мне. Но я не считаю, что во всем виноват я. В конце концов, что я такого сделал? Мои друзья захотели поехать домой, и я им одолжил свою машину. Что тут плохого? Мне кажется, что вы действовали не как беспристрастный судья, а, скорее, как его защитник. Все ваши вопросы и доводы были направлены против меня. Я не юрист и, конечно, не заметил слабых мест в ваших рассуждениях, но если бы у меня был защитник, он непременно заметил бы. Так или иначе, а он, я уверен, нашел бы путь к какому-нибудь компромиссу.

- Но мы ведь нашли с вами что-то получше, - сказал раввин.

- Что вы имеете в виду? Вы сняли с него халатность, а меня облегчили на несколько сот долларов.

- Боюсь, вы не поняли все значение доказательств по делу, - улыбнулся раввин. - Правильно, мы сняли с мистера Райха упрек в халатности, но это вовсе не возлагает вину на вас.

- Я не понял.

- Давайте еще раз посмотрим,что у нас получилось. Вы купили машину с небольшим дефектом. Когда вы обнаружили этот дефект, вы сразу оповестили об этом завод через его представителя,мистера Бекера. Правда, дефект был ничтожный, и ни у вас, ни у мистера Бекера не было оснований для тревоги. Он, верно, не подумал о том, что длительное путешествие может усугубить дефект, не то он вас, конечно, бы предостерег, и вы не стали бы ехать на этой машине в Нью-Хэмпшир. Все же остается фактом, что в результате длительной езды, да еще на большой скорости, утечка масла усилилась, отчего вам и пришлось долить пару литров по дороге туда. Ну так вот. При создавшихся обстоятельствах завод может требовать только лишь нормальную осторожность. Я думаю, вы согласитесь со мной, что мистер Райх не допустил ничего такого, от чего на его месте воздержался бы другой осторожный водитель...

- Выходит, виноваты они, рабби? - Шварц мгновенно оживился. - Это вы хотите сказать?

Мистер Вассерман широко улыбнулся.

- Вы угадали, мистер Шварц. Я утверждаю, что вина

лежит на заводе, и что, поскольку гарантийный срок еще не истек, он и должен понести убытки.

- Но это же прекрасно, рабби! Теперь, я уверен, Бекер брыкаться уже не станет. В конце концов, это же не из его кармана. Тогда все в порядке. Послушайте, рабби, если я что-нибудь сказал не так...

- В данной ситуации это было вполне простительно, - перебил его раввин.

Шварц пригласил всех на рюмочку чего-нибудь, но раввин извинился:

- В другой раз, если вы не возражаете, мистер Шварц. - Листая эти фолианты, я наткнулся мимоходом на несколько интересных мест. Они не имеют ничего общего с нашим делом, а все-таки мне хотелось бы пробежать их, пока все это еще свежо в памяти.

Он пожал им обоим руку на прощание и проводил их до дверей.

- Ну, что ты теперь скажешь о нашем раввине? - не удержался Вассерман от вопроса, когда они спускались по лестнице.

- Умница! - ответил Шварц.

- Гаон, Бен, настоящий гаон.

- Я не знаю, что это такое "гаон", Джейкоб, но коль вы говорите, то так оно, наверно, и есть.

- А как теперь насчет Эйба?

- Между нами говоря, Джейкоб, тут все дело было в Мире. Вы же знаете, как эти бабы переживают, когда теряешь несколько долларов...

Из окна своего кабинета раввин смотрел на стоянку для машин, где все трое мужчин мирно беседовали. Итак, примирение состоялось. Раввин улыбнулся и отошел от окна. Его взгляд упал на фолианты, лежавшие на столе. Придвинув поближе настольную лампу,он раскрыл один из томов.

2

ЭЛСПЕТ БЛИЧ ЛЕЖАЛА НА СПИНЕ И ЕЙ КАЗАЛОСЬ, что потолок опускается то в одну, то в другую сторону. Она даже вцепилась в одеяло из страха, как бы не выпасть из постели. Она проснулась, как всегда, от звона будильника, попыталась подняться, но у нее закружилась голова и она опустила голову обратно на подушку.

Солнце, заглядывавшее сквозь щели опущенных жалюзи, предвещало чудесный июньский день. Она что было силы зажмурила глаза, чтобы прогнать ощущение надвигающихся на нее стен и потолка. И все же она ощущала солнце в каком-то красном тумане и в то же время чувствовала, что кровать ходила под ней, как дно лодки в бурю. Хотя утро было прохладное, ее лоб был весь в поту.

Усилием воли она снова села в кровати. Затем, не надевая даже шлепанцев, она побежала в крошечную ванную. Помывшись холодной водой, она почувствовала себя лучше и вернулась в комнату. Она села на край кровати и вытерла лицо полотенцем, вяло думая о том, а не лучше ли ей прилечь еще на полчасика. Словно в ответ на ее путанные мысли в дверях раздался стук, и дети - Анджелина и Джонни - заорали:

- Элспет, Элспет, вставай уже! Мы хотим на улицу.

- Хорошо, Энджи, - крикнула она им. - Ты поднимись пока с Джонни наверх и тихонько играйте там, а Элспет сейчас придет. Но только играть тихо. Не разбудите, смотрите, маму и папу.

По счастью, дети послушались, и она с облегчением вздохнула. Натянув на себя халат и шлепанцы, она вскипятила себе чашку чая и нажарила немного тоста. Покушав, она почувствовала себя еще лучше.

С ней уже давненько происходило что-то странное, но в последние дни эти симптомы значительно усилились. Со вчерашнего она чувствовала себя по-настоящему больной. Вчера утром, когда ее стошнило, она сначала подумала, что это от равиоли, которым ее накормила на ужин миссис Серафино; может быть, она поела больше чем нужно. Но вчера она целый день почти ничего не ела; может быть, как раз от этого у нее закружилась голова?

Она могла бы поговорить об этом со своей подругой Силией Сондерс. Силия была старше ее и, наверное, знала какое-нибудь средство против этих головокружений. В то же время она понимала, что было бы неосторожно описывать эти симптомы слишком подробно. Она все еще надеялась, что ее недомогания вызваны, может быть, чем-то совершенно другим.

Дети начали шуметь наверху. Она не хотела, чтобы миссис Серафино увидела ее, прежде чем она успеет одеться и привести себя в порядок. Еще больше она стеснялась мистера Серафино и потому начала спешно

одеваться. Сняв халат и ночную рубашку, она взглянула на себя в большое зеркало шифоньера. Никакого изменения она на своем теле не заметила. Все же она решила надеть новый пояс: он был гораздо крепче старого и лучше обтягивал ее фигуру.

Одевшись, она почувствовала себя совсем хорошо. Она с удовольствием посмотрела на себя в зеркало: белое рабочее платье очень к ней шло. А вдруг это-таки то? Страшного ничего нет: наоборот, может получиться даже очень удачно. Однако, сначала надо знать точно, а для этого нужно съездить к доктору, может быть, даже в ближайший четверг, когда у нее выходной.

✡

- Тогда почему же ты не попросил раввина,чтобы он уж заодно написал рекламацию в Форд? - вызверился Эл Бекер. Это был невысокий, но крепко сбитый мужчина, с мощным туловищем на коротких толстых ногах. Его нос и подбородок воинственно выдавались вперед, и у рта, почти без губ, из которого вечно торчала толстая черная сигара, выделялась не менее драчливая складка. Вынимая сигару из рта, он держал ее обычно между изогнутым большим и указательным пальцем правой руки, и тогда казалось, будто он зажал в кулаке горящее оружие. Его глаза напоминали тускло-голубые стеклянные шарики.

Бен Шварц пришел к нему полный хороших новостей. Он был уверен, что его друг будет рад этому новому повороту дел,который сэкономит ему немалые расходы, связанные со сменой двигателя. Однако Бекер был вовсе не рад. Конечно, убыток понесет не он сам, а завод, но сколько придется хлопотать - может быть, даже писать объяснения, - прежде чем завод признает претензию...

- А что это раввин вдруг суется в эти дела? - захотел он знать. - Ведь ты же умный парень, Бен. Я тебя спрашиваю: разве это входит в обязанности раввина?

- Да ты ничего не понял, Эл. Говорили вовсе не о ремонте машине. То есть, об этом тоже...

- Да ты отвечай толком: говорили или не говорили об этом?

- Конечно, говорили. Но пришел-то я к нему вовсе не с этим. Он случайно узнал,что мы в ссоре с Эйбом Райхом, вот он и предложил Дин-Тору...

- Дин чего?

- Дин-Тору, - раздельно ответил Шварц. - Это когда стороны какого-либо конфликта или спора обращаются к раввину, чтобы он рассудил их и вынес решение в соответствии с Талмудом. Раввины всегда это делают.

- Первый раз слышу.

- Признаться, я и сам до этого не слышал, однако же дал согласие, и мы с Эйбом, а также Вассерман - в качестве свидетеля, я полагаю, - пошли к раввину. Он выслушал нас и пришел к выводу, что ни Эйб, ни я никакой халатности не допустили. А раз с нашей стороны халатности не было, то, значит, дело в машине, и завод должен принять ущерб на себя.

- Да ну тебя! Завод только тогда признает твою претензию, если так решу я. А как же я предъявлю им такую претензию - ущерб ведь вон какой! - на основании каких-то раввинских небылиц? - Бекер никогда не разговаривал особенно тихо; когда же он сердился, он форменно орал.

- Но ведь течь-то была? - упавшим голосом сказал Шварц. - Разве ж я тебе об этом не говорил?

- Подумаешь, несколько капель в неделю. Из-за такого пустяка мотор, небось, не сгорит.

- Да, когда она стояла в гараже, то течь действительно была небольшая. Но когда я поехал в горы, течь, видно, увеличилась: только по дороге туда мне пришлось долить два литра масла. Это тебе не несколько капель. А уж это-то я могу засвидетельствовать лично.

Открылась дверь и в кабинет Бекера вошел его младший компаньон Мельвин Бронштейн. Бронштейн был моложавый мужчина лет сорока, высокий и стройный, с чубом вьющихся волос, в которых только начала пробиваться седина у висков; с глубокими черными глазами, орлиным носом и чувственными губами.

- Что у вас тут за крик? - спросил он. - На личной почве, или разрешается присутствовать и постороннему? Вас слышно за целый квартал.

- А то у нас, - ответил Бекер, - что наш раввин занимается чем угодно, только не тем, чем надо.

Бронштейн в недоумении взглянул на Шварца. Тот, конечно, обрадовался новому, куда менее воинственному слушателю, и рассказал всю историю от начала до конца. Бекер тем временем шелестел бумагами за

своим столом, выражая всем своим видом, что это дело его совершенно не касается.

Бронштейн отошел к двери и кивком подозвал своего старшего компаньона. Бекер неохотно поднялся,но все-таки подошел. Шварц отвернулся, чтобы не подумали, будто он подслушивает.

- Бен - наш старый клиент и один из лучших, - шопотом сказал Бронштейн. Я думаю, завод возражать не будет.

- Вот как? Если хочешь знать, у меня были дела с автозаводами, когда у тебя еще сопли не высохли под носом, - громко сказал Бекер, - и в твоих советах я ничуть не нуждаюсь.

Однако Бронштейн знал своего компаньона. Он засмеялся.

- Ты сначала подумай, Эл, - продолжал он уже громко. - Если ты обидишь Бена, то будешь иметь дело с Мирой. А ведь она в этом году председательница женской организации...

- И в прошлом году была, - не удержался Шварц.

- При чем тут женская организация? Бабы, небось, машин не покупают.

- Зато покупают их мужья.

- Ну тебя к Богу, Мел! Как же я потребую от завода новый двигатель только на том основании, что раввин так решил?

- А ты про раввина не пиши вовсе. Тебе даже незачем объяснять, как все произошло. Просто напишешь, что картер потек во время езды, все и дела.

- А что, если завод пришлет комиссию?

- А они уже много прислали тебе комиссий, Эл?

- Нет, зато посылают в другие фирмы.

- Что ж, - с ухмылкой сказал Бронштейн, - тогда ты поведешь ее к раввину.

У Бекера внезапно сменилось настроение. Истово глотнув, он повернулся к Шварцу:

- Ладно, Бен. Я напишу на завод. Посмотрим, может что-нибудь и выйдет. Но делаю я это только потому, что ты тут наговорил Бену черт те что, а он сразу и раскис. Он ведь у меня чистое дитя, да еще самое жалостливое во всей округе.

- Ну, ты тоже только потому закусил удила, что тут замешан раввин, - заметил Бронштейн. И, повернувшись к Шварцу:-Если бы вы не упомянули раввина, он бы с самого начала сделал все, что надо, лишь

бы угодить клиенту.

- Что ты имеешь против раввина, Эл? - спросил Шварц.

- Что я имею против раввина? - Бекер вынул сигару из рта. - А вот что я имею против раввина.Он просто не подходит для своей должности, вот что я имею против раввина. Ведь он должен представлять нас всюду, говорить от нашего имени, не так ли? Но вот скажи правду, Бен, ты бы его взял агентом по сбыту в свою фирму. Не виляй хвостом, а отвечай положа руку на сердце.

- Конечно, я бы его взял, - ответил Шварц, но без особого подъема.

- Что ж, если ты такой дурак, что взял бы его к себе на работу, то я могу лишь надеяться,что у тебя хватило бы ума выгнать его после первого же фортеля.

- А когда он выкидывал фортели?

- Будто не знаешь! Забыл, что ли, какой он номер отчубучил тогда на утреннике "Отцов и Детей"? Мы специально пригласили Берни Гиллигена из "Красных Чулков", чтобы тот выступил перед ребятами. А что сделал раввин? Встает - якобы, чтобы представить гостя, - а под шумок толкает ребятам речугу, что у нас, мол, в героях ходят ученые, а не атлеты, и прочая такая мура. Я готов был провалиться под землю от стыда.

- Ну, знаешь...

- А помнишь, когда твоя собственная жена пригласила его выступить перед девушками из женской организации и сагитировать их на сбор хануккального подарка для синагоги, а он взял и наговорил им тогда, что хранить верность еврейству в сердце и вести кошерный дом, для еврейки, мол, куда важнее, чем собирать подарки для синагоги.

- Минуточку, Эл. Ты сам понимаешь, что я не стану оговаривать свою собственную жену, но что было, то было. Они тогда устроили завтрак, и Мира подала к коктейлю креветки. Креветки - это, конечно, не кошерная пища, дива и нет, что раввин осерчал.

- И при всех этих внутренних раздорах ты меня еще агитируешь записаться в члены конгрегации ? - вставил Бронштейн, подмигнув Шварцу.

- А почему бы и нет? - ответил его компаньон. - Как еврей и как житель Барнардз-Кроссинг ты ради

самого себя - ну, и ради общины, конечно, тоже, - должен стать членом. Что же касается раввина, то он тут не на веки вечные...

3

ПРАВЛЕНИЕ СИНАГОГИ ПРОВОДИЛО СВОЕ ОБЫЧНОЕ воскресное заседание в одной из пустых классных комнат. Вассерман, в качестве президента конгрегации и председателя правления, сидел за столом учителя. Остальные - числом, примерно, пятнадцать, - уселись кое-как за парты, неловко протягивая ноги кто куда. Некоторые, сзади, уселись прямо на парты, поставив ноги на передние сидения. Не считая Вассермана, в правление входили более или менее молодые люди - половине из них не было еще и сорока. На Вассермане был легкий выходной костюм, но остальные были одеты так, как жители Барнардз-Кроссинг обычно одеваются в теплое июньское воскресение: легкие брюки, спортивные рубашки, свитера или жакеты для гольфа.

Через открытые окна проникал рокот электрокосилки, которой Стэнли, сторож синагоги, подстригал газон. Через открытую же дверь, снизу, из холла, доносилось визгливое пение детского хора. Заседание проводилось почти без всякого регламента, каждый брал слово, когда ему вздумалось, и нередко говорили несколько человек сразу.

Председатель постучал линейкой об стол.

- Джентльмены, давайте по одному. Что ж ты хотел сказать, Джо?

- Я п ы т а л с я сказать, что невозможно обсуждать дела при таком шуме. Почему бы нам, собственно, не проводить заседания правления в малом молитвенном зале?

- Этого вопроса нет в повестке дня, - перебил его кто-то. - Вопрос чисто процедурный, долой его!

- Что значит "нет в повестке дня"? - воинственно упорствовал Джо. - А вот я внесу сейчас предложение, чтобы все заседания проводились впредь в малом зале. Попробуй не включи в повестку дня!

- Джентльмены, джентльмены! Пока я председатель, каждый, у кого есть что-нибудь важное, сможет высказаться, несмотря ни на какую повестку дня. Не такие уже наши заседания сложные, чтобы нельзя было

и отступить от повестки дня, когда это нужно. Секретарь вмиг внесет необходимые изменения. А по существу вопроса, Джо, мы лишь потому не проводим заседания в малом зале, что там нет второго стола, и секретарю негде писать протокол. Однако, если члены правления считают, что классная комната не подходит для заседаний, то так и быть - Стэнли поставит еще один стол.

- Кстати, Джейкоб, как насчет Стэнли? По-моему, это нехорошо, что он работает в воскресенье на виду у наших соседей-христиан. Ведь он же ж тоже христианин, а в воскресенье у них праздник.

- Какой там праздник! Ты пройдись по Вайн-стрит и посмотри: все до одного если не копаются в саду и не возятся с газоном, то перекрашивают лодки.

- Все равно Джо прав, - сказал Вассерман. - Конечно, если бы Стэнли возражал, мы бы его ни за что не заставили. В сущности, он приходит на работу по воскресеньям только из-за школы, но все же было бы лучше, если бы он не выходил во двор. С другой стороны, разве его кто-нибудь заставляет работать? В этом отношении он сам себе хозяин:хочет - работает, не хочет - не работает. Он возится там с косилкой, потому что это ему доставляет удовольствие.

- Это-то так, а все равно нехорошо.

- Впрочем, осталось всего две недели, - сказал Вассерман. - Летом у него по воскресеньям выходной. - Поколебавшись с минуту и взглянув на часы, висевшие на стене, он продолжал: - В связи с этим возникает еще один вопрос, о котором мне хотелось бы сказать пару слов. До летних каникул у нас осталось всего два-три заседания. Вот почему я думаю, что нам следует решить вопрос о возобновлении договора с раввином.

- А это еще зачем? Ведь срок договора истекает только после Великих праздников.

- Так-то оно так. Договора с раввинами истекают, как правило, только после Великих праздников, так чтобы синагога не осталась на праздники без раввина. Но поэтому же принято возобновить договора в начале лета. Если конгрегация хочет заменить его, то у нее достаточный срок, чтобы найти и договориться с новым раввином. Тоже и раввин: он может не спеша подыскать себе другую синагогу. Вот почему я считаю, что теперь самое время решить вопрос о

продлении договора еще на один год и отправить ему письмо в этом духе.

- А зачем? Он хочет, что ли, уйти от нас? Он говорил кому-нибудь об этом?

- Нет, он ничего не говорил, - покачал Вассерман головой. - Просто я подумал, что лучше мы напишем ему прежде, чем он напишет нам.

- Минуточку, Джейкоб. А откуда мы знаем, что он желает возобновить с нами договор? Разве не должен он написать об этом первый?

- По-моему, ему у нас нравится, и я думаю, что он охотно продлит договор. Что же касается письма, то так уж принято, чтобы первым написал работодатель. Понятно, что нам придется повысить ему зарплату. Я думаю, что прибавка в пятьсот долларов будет вполне приличным признанием его заслуг.

- Мистер председатель, - раздался резкий голос Эла Бекера. Заместитель председателя оттолкнул стул, широко расставил ноги и нагнул свое мощное туловище вперед, упершись кулаками о парту. - Мистер председатель, мне кажется, что в том трудном положении, в котором мы как раз находимся, - новехонькая синагога и все такое прочее, - пятьсот долларов многовато.

- Что и говорить, пятьсот долларов - куча денег.

- Он ведь проработал у нас всего один год...

- Вот поэтому-то теперь самое время дать ему эту прибавку, по истечении первого-то года...

- И то верно. Какую-то прибавку дать надо, а пятьсот долларов - это всего лишь пять процентов его жалованья...

- Джентльмены, джентльмены! - Вассерман снова застучал линейкой по столу.

- Я предлагаю отложить это дело на неделю ила на две, - сказал Мейер Гольдфарб.

- Вот еще! Зачем откладывать?

- Когда надо платить, Мейер всегда рад отложить..

- Да платить-то тут - кот наплакал!

- Мистер председатель, - снова заговорил Эл Бекер. - Я поддерживаю предложение Мейера отложить это дело до будущего воскресенья. Мы всегда так делали: когда предстоял новый расход, мы всегда откладывали решение по крайней мере на неделю. А тут расход, по-моему, довольно немалый. Пятьсот долларов - это не какой-нибудь пустяк, а годовая зарплата

в десять тысяч долларов - и вовсе не пустяк. У нас тут даже кворума не наберется сегодня. Я считаю,что для решения такого важного вопроса необходимо гораздо более представительное собрание членов правления. Поэтому я предлагаю, чтобы Ленни написал и разослал всем членам правления специальное приглашение на будущее воскресенье, подчеркнув, что на повестке дня стоит важный вопрос.

- Но ведь уже есть одно предложение.

- Точно, в совершенно том же духе. Ладно, я вношу не предложение, а только дополнение.

- Будем обсуждать дополнение? - спросил Вассерман

- Одну минуточку, председатель, - крикнул Мейер Гольдфарб. - Ведь то, что внес Эл, это дополнение к моему предложению. Таким образом, если я его принимаю, то и обсуждать не надо. Я просто заново сформулирую свое предложение.

- Что ж, давай формулируй.

- Я предлагаю, чтобы предложение о продлении договора с раввином...

- Минуточку, Мейер, такого предложения не было.

- Как же не было? Джейкоб разве не предложил?

- Джейкоб никакого предложения не внес. Он просто высказал мысль. Кроме того, он ведь председатель...

- Джентльмены, - перебил их Вассерман, постучав линейкой. - не будем отвлекаться этой формалистикой: предложения, дополнения к предложениям, дополнения к дополнениям... Никакого предложения я не вносил. Или вносил? Как бы то ни было, а насколько я понял, правление считает, что вопрос о продлении контракта с раввином должен быть отложен до следующего заседания. Я правильно понял?

- Д-да.

- Конечно! Почему бы и не отложить? Раввин не волк, в лес не убежит.

- Даже из одного уважения к раввину, нас должно быть больше членов на заседании.

- В таком случае ладно, - сказал Вассерман. - Поговорим на будущей неделе. И если больше вопросов нет, - он выжидательно взглянул на остальных, - то заседание будем считать закрытым.

4

В ЧЕТВЕРГ ВЫДАЛАСЬ ЧУДНАЯ ПОГОДА. Элспет Блич и ее подруга Силия Сондерс, которая работала у Хаскинсов, живших рядом, повели своих детей в парк - запущенную лужайку неподалеку от синагоги. Самое важное в этих прогулках было - не дать детям разбредаться. Дети бегали впереди, но так как Джонни Серафино был еще очень маленький, Элспет всегда брала с собой легкую колясочку. Мальчик то ходил с нянями, держась за бок или за хромированную ручку коляски, а то залезал в коляску и требовал, чтобы его толкали.

Пройдя шагов двадцать, девушки обычно останавливались, чтобы собрать детей. Если они отстали, их подзывали; нередко приходилось подбежать к ним и разнимать, либо же, если они что-нибудь подняли с земли или достали из мусорной урны, заставить их тут же бросить.

Силия уговаривала подругу провести их общий выходной вместе, в Салеме.

- Там сегодня будет распродажа у Эйдельсонов, а мне нужно подобрать себе новый купальник. Могли бы поехать на автобусе, который отправляется ровно в час...

- Я собираюсь поехать в Линн, - сказала Элспет.

- Почему вдруг в Линн?

- Знаешь, последнее время я чувствую себя неважно и мне хочется зайти к врачу. Может, он даст мне какие-нибудь таблетки.

- Тебе никаких таблеток не нужно, Элси. Тебе нужно развлечься и хорошенько отдохнуть. Лучше послушайся меня: мы поедем в Салем,походим по магазинам, затем сходим в кино. Потом мы где-нибудь перекусим и пойдем поиграть в кегли. По четвергам там бывают чудные парни, и мы прекрасно проведем время. Никаких, конечно, вольностей, а просто посмеемся, вот и все.

- Гм... Все это звучит довольно заманчиво, но только сегодня мне не до этого, Сили. Днем я чувствую какую-то усталость во всем теле, а по утрам, когда я встаю, у меня почему-то кружится голова.

- О, я даже знаю, почему это у тебя, - уверенно сказала Силия.

- В самом деле?

- Ты просто не высыпаешься, вот и все. Ты же ведь ложишься только в два, а то и в три, и я просто удивляюсь, как ты вообще еще держишься на ногах. Шутка ли - шесть дней в неделю! Я не знаю другой девушки, у которой бы не было выходного в воскресенье. Эти Серафино просто эксплуатируют тебя,доводят до изнеможения.

- О, я сплю достаточно. Никто меня не заставляет ждать, пока они вернутся домой. Просто, когда я остаюсь одна с детьми, мне что-то не хочется раздеться и забраться в постель. Все равно я лежу себе на диване и частенько даже засыпаю. Днем я тоже сплю часок-другой, так что сна у меня достаточно.

- А по воскресеньям...

- Что ж по воскресеньям? Это единственный день в неделю, когда они могут бывать у своих друзей. И мне нисколько не трудно. Еще когда я к ним поступила, миссис Серафино сказала, что если мне захочется выйти когда-нибудь в воскресенье,она не станет возражать и что-нибудь придумает. Они очень хорошо ко мне относятся. Мистер Серафино даже сказал как-то, что если мне нужно в церковь, он с удовольствием меня подбросит - сама знаешь, как идут автобусы по воскресеньям.

Силия остановилась и как-то странно посмотрела на свою подругу.

- Скажи правду, Элспет, он тебе не надоедает?

- Надоедает?

- Я хочу сказать, не пытается приставать к тебе, когда хозяйки нету дома?

- Да ты что! - поспешно ответила Элспет. - Как это тебе пришло в голову?

- Я не доверяю этим типам из ночных кабаретов. И мне не нравится, как он пялит глаза на девушек.

- Глупости. Он со мной почти не разговаривает.

- В самом деле? Так вот, я тебе что-то скажу. Глэйдис - девушка, которая была у них до тебя, - ее твоя хозяйка оттого и выгнала, что застала ее с мужем - не за молитвой, конечно. А в сравнении с тобой, та была дурнушкой.

✡

Стэнли Добль был типичным жителем Барнардз-Кроссинга. Если взять определенный слой населения Старого города, то можно даже сказать, что Стэнли был

его прототипом. Это был плотный крепыш лет сорока, с рыжеватой головой, начинающей уже седеть. Его загорелое, точно дубленное, лицо говорило о том, что подавляющую часть своего времени он проводил на воздухе. Он умел построить лодку, умел отремонтировать, а то и установить,водопровод или электрическую сеть, мог целыми часами ухаживать за газоном на солнцепеке - подкашивать, подрезывать, убирать граблями. Он мог отремонтировать автомобиль или двигатель моторной лодки прямо на волнах и в бурю. Этим он в разное время и зарабатывал себе на жизнь, а также ловлей рыбы и крабов. Без работы он никогда не сидел, но и работал он лишь ровно столько, сколько нужно было для самого необходимого. Так продолжалось до тех пор, пока он не устроился работать в синагоге. Начал он еще тогда, когда община приобрела старое здание, которое было потом переоборудовано под школу, общинный центр и синагогу. В то время на его плечах лежало решительно все, потому что без него здание бы просто развалилось. Он обслуживал котельную, ухаживал за водопроводом и за электросетью, ремонтировал крышу, а летом все время что-нибудь красил. Когда была построена новая синагога, круг его обязанностей сильно, конечно, сузился. Теперь ремонтировать почти ничего не приходилось, зато он по-прежнему наводил порядок всюду, ухаживал за газоном,следил зимой за отоплением, а когда становилось тепло - за кондиционером.

В этот солнечный четверг он убирал граблями газон. Он уже нагреб приличную кучу листьев, сорняков и скошенных трав, и хотя убрал он лишь одну сторону, меньшую, все же он решил сделать перерыв и позавтракать. Потом, после завтрака, он успеет, если захочет, убрать и вторую сторону, а то оставит на завтра. Спешить некуда.

На кухне у него стояла в холодильнике бутылка молока, там же у него лежало немного сыра. Определенные мясные продукты, собственно, любое мясо, кроме купленного в специальных магазинах,которые он называл ZШЭ - так читал он выведенное на вывесках еврейское слово כשר (кошер) - ему не разрешалось держать в холодильнике. Молоко зато и сыр - сколько угодно: их ведь резать было не надо, значит, ничего трефного в них быть не может. А не поехать ли и выпить бокал пива? - подумал он. Его машина, ветхий

Форд 47-го года с откидным верхом - вернее, совсем без верха, - и окрашенный в желтый цвет остатками его последнего малярства, стоял перед синагогой. Он запросто смог бы махнуть в "Каюту" и вернуться через часок. Никто его, конечно, не контролировал, но миссис Шварц что-то говорила, будто он ей будет нужен, чтобы помочь украсить зал для какого-то женского собрания, так что никуда он, пожалуй, не поедет. А то еще встрянешь, чего доброго, в один из этих нескончаемых споров о том, скажем, что лучше для кровли прибрежного дома: гонт или тес, или - есть ли у "Кельтов" шансы выиграть первенство; и тогда и впрямь вернешься Бог знает когда.

Он помыл руки, достал из холодильника молоко и сыр и понес все это в свой личный уголок в подвале, где у него стояли шаткий столик,койка и даже мягкое кресло, которое он нашел во время очередной экскурсии на свалку - излюбленное времяпрепровождение определенной прослойки Барнардз-Кроссингского общества. Он уселся за стол, сделал себе бутерброды и принялся медленно жевать, запивая еду большими глотками прямо из картона и выглядывая в узкое окошко подвала, чтобы полюбоваться ногами прохожих: мужскими - в штанах, и стройными женскими - в прохладных нейлоновых чулках. Когда в его поле зрения попадала какая-нибудь особо ему понравившаяся пара женских ног, он изгибался, чтобы лучше рассмотреть их, одобрительно кивал и бормотал: "Красота!"

Он выпил свой литр молока и вытер рот тыльной стороной своей узловатой и волосатой руки. Встав с кресла, он сладко потянулся, затем снова сел, но уже на койку, почесал грудь и затылок своими сильными толстыми пальцами. Наконец он растянулся на койке, поудобнее примостил голову на подушке и принялся разглядывать кабели и трубы, тянувшиеся по потолку, словно артерии и вены на анатомической карте. Затем его взгляд остановился на "Художественной выставке" на стене напротив: вырезанные из журналов фотографии женщин во всевозможных стадиях раздевания. Все они были красивые, аппетитные, соблазнительные; он с удовольствием разглядывал то одну, то другую, и его губы распустились в довольную улыбку.

Снаружи, прямо перед его окошком, до него вдруг донеслись женские голоса. Он перевернулся на бок,

чтобы посмотреть, кто это там говорит, и увидел две пары женских ног в белых чулках, а чуть поодаль - колеса детской коляски. Ему показалось,что он знает этих двух девушек: они проходили мимо синагоги не раз. Ему доставляло особое удовольствие подслушать их разговор; почти такое же, как если бы он подсматривал за ними в скважину.

- ...А когда ты справишься, ты сможешь сесть на автобус, я бы тебя встретила в Салеме, и мы бы покушали на автостанции.

- Нет, я лучше останусь в Линне и пойду в кино.

- Но ведь там идет все та же старая картина. А как ты доберешься домой из Линна?

- Я проверила расписание: последний автобус уходит в половине двенадцатого, так что вполне успею.

- А ты не боишься ездить ночью одна?

- О, этот автобус всегда полон. Да и от остановки всего каких-нибудь два квартала... Энджи, сейчас же иди сюда!

Послышался топот детских ног, и сразу после этого женские ноги скрылись из виду.

Он снова перевернулся на спину и продолжал любоваться своей выставкой. На одном из снимков была изображена смуглая девушка, на которой ничего не было, кроме узенького пояса и черных чулков. Он долго не сводил глаз с этой девушки, потом ее волосы стали почему-то светлыми, а чулки - белыми. И вот у него раскрылся рот, и в каморке раздался громкий, ритмичный и гортанный храп, напоминающий судовой мотор в бурю.

Мира Шварц и ее две помощницы из женской организации были заняты украшением вестибюля для не то собрания, не то вечеринки - подавать, правда, будут одни лишь холодные закуски. Они стояли посреди вестибюля, наклонив головы набок.

- Чуточку выше, Стэнли, - попросила Мира. - Вам не кажется, девушки?

Стэнли, на переносной лестнице, послушно поднял гирлянду чуточку выше.

- Мне кажется, нужно опустить чуть ниже.

- Ты, пожалуй, права. Чуточку ниже, Стэнли, но самую малость.

Он опустил гирлянду на точно то же место, где она была раньше.

- Вот так держите, Стэнли, - приказала Мира. - Как вы думаете, девушки? По-моему, так хорошо?

Они восторженно закивали. Они были гораздо моложе ее, Эмми Адлер едва исполнилось тридцать, а Нэнси Дретман, хотя старше годами, но в организацию вступила совсем недавно. Так как им было поручено украшение вестибюля, они явились в синагогу в брюках - чтобы, мол, поработать, - тогда как Мира пришла разодетая,чтобы проверить - все ли идет хорошо. Нельзя сказать, чтобы эта работа им уж очень пришлась по душе, но это был как раз один из тех видов поручений, которые давались обычно молодым членам. Если они добросовестно выполнят это поручение попроще, им поручат в дальнейшем дела поважнее - назначат, например, в комиссию по сбору рекламных объявлений среди мужей и прочих бизнесменов для Ежегодника организации; или в благотворительный комитет, в качестве членов которого они должны будут посещать больных; и, наконец, когда они докажут свою работоспособность, что сводилось в основном к умению заставить работать других, их включат в список кандидатов на те или иные должности в исполнительном комитете; это и явится венцом их общественной карьеры.

Тем временем они энергично гоняли Стэнли туда и сюда. Они пришли на целый час раньше миссис Шварц и хотя и видели, что у Стэнли есть дело во дворе, они тут же позвали его к себе.

- Вы идите себе и начните, - ответил он, - а я приду немного погодя.

Миссис Шварц зато даже разговаривать ни о чем не стала, а только бросила:

- Мне нужна ваша помощь, Стэнли.

- Но мне нужно убрать газон, миссис Шварц.

- С этим успеется.

- Слушаюсь, мэм. Иду. - Он отложил грабли и пошел за переносной лестницей.

Это была нудная и утомительная работа, от которой он не испытывал никакого удовольствия. Да и не любил он работать под руководством женщин, в особенности такой непреклонной женщины, как миссис Шварц. Он как раз кончил с гирляндами, когда открылась дверь, и раввин просунул голову.

- Стэнли, - сказал он, - можно вас на минутку?

Стэнли поспешно слез с лестницы, и гирлянда

закачалась. Гвоздь не удержался и тоже вывалился из стены, вся работа пошла насмарку, и все три женщины в один голос запричитали. Раввин, который заметил их только сейчас, пробормотал какое-то извинение и снова повернулся к Стэнли.

- Мне должны срочно доставить посылку книг. Они прибудут сегодня-завтра. Это редкие и довольно дорогие книги, поэтому вы их перенесите сразу в мой кабинет. Смотрите, чтобы они не завалялись.

- Что вы, рабби! Но как я узнаю, что в посылке книги?

- Они придут из Драпси-Колледж, вы сможете прочесть обратный адрес на ярлыке. - Он кивнул женщинам и вышел.

С видом мученицы Мира Шварц ждала, пока Стэнли вернется к ним.

- По какому же такому срочному делу раввин отвлек вас от работы? - едко спросила она.

- О, мне все равно нужно было переставить лестницу. Раввин просто попросил позаботиться о каких-то книгах, которые ему должны прислать.

- Очень важное дело, что и говорить, - саркастически сказала она. - Кстати, его святейшество ждет на днях еще и другой сюрприз.

- Знаете, мне кажется, он нас просто не заметил, когда вошел, - заступилась за него Эмми Адлер.

- Как же мог он не заметить нас? - удивилась миссис Дретман, обращаясь к Мире. - В отношении того, что вы только что сказали, Мира, мой Морри - член правления и только вчера ему позвонил мистер Бекер и попросил прийти всенепременно на ближайшее заседание: будут, мол, обсуждать что-то очень...

- Об этом лучше не говорить, - шепотом перебила ее Мира, кивая головой в сторону миссис Адлер.

5

ХОТЯ ЭЛСПЕТ БЫВАЛА СВОБОДНА УЖЕ В ПОЛДЕНЬ, ей редко удавалось выйти из дома раньше часа. Миссис Серафино поднимала обычно такую кутерьму, когда ей приходилось кормить детей, поминутно кричала из кухни: - Куда вы дели чашечку Анджелины, ту, что с тремя медведями? - или: - Элси, дорогая, подвяжите, пожалуйста, Джонни салфетку - еще успеете, успеете

на автобус, - что она предпочитала накормить их сама и сесть потом на автобус, который уходит в час, а то и в половине второго.Сегодня ей было тем более все равно, что врач назначил ей на четыре. Погода стояла жаркая и влажная, а ей хотелось выглядеть свежей, когда доктор велит ей раздеться и начнет ее осматривать. Она даже с удовольствием задержалась бы дома до трех, но тогда хозяйка еще пристанет, чего доброго, с расспросами.

Она как раз сидела и кормила детей, когда миссис Серафина спустилась вниз.

- О, вы уже начали? - сказала она. - Напрасно. Идите оденьтесь, я их уже докормлю сама.

- Да они уже почти кончили, миссис Серафино. Вы бы лучше позавтракали тем временем.

- Что ж,можно и позавтракать. Я буквально умираю, так мне хочется выпить чашечку кофе.

Миссис Серафино была не из тех, кто заставит себя просить. Еще меньше ей пришло в голову выразить девушке особую благодарность: еще возомнит о себе Бог весть что. Она все еще пила свое кофе, когда Элспет кончила кормить детей, и даже не пошевельнулась,когда та повела их наверх.

Уложить детей спать было не менее хлопотно, чем накормить их. Когда Элспет наконец спустилась,миссис Серафино стояла в коридорчике и разговаривала по телефону.

- О,вы уже уложили детей? А я как раз хотела подняться к ним, - бросила она в сторону девушки, прикрыв трубку ладонью, и тут же снова затараторила по телефону.

Элспет прошла в свою комнатушку, закрыла дверь и решительно защелкнула задвижку. Она бросилась навзничь на кровать и механически включила транзистор на тумбочке. До ее слуха донесся приятный голос диктора: "... вы слышали Берта Бернса, исполнившего "Кукурузно-спиртные блюз". А теперь несколько слов о погоде. Пониженное давление, о котором мы уже говорили сегодня, вот-вот доберется и до нас, так что вечером появятся тучи и туман, а может быть, пойдет и дождь. Впрочем, в жизни каждого из нас должен же быть и дождь когда-нибудь, ха-ха.А теперь мы исполним в честь миссис Айзенштадт с Западной улицы, дом номер 24 в Салеме, празднующей сегодня свой 83 день рождения,последнюю грамзапись "Счастливых бродяг".

Примите наши сердечные поздравления, миссис Айзенштадт".

В каком-то полудремотном состоянии она дослушала песню, затем перевернулась на спину, прослушала, глядя в потолок, еще одну; уж очень ей не хотелось встать и переодеться в этой влажной духоте. Наконец она с усилием поднялась, стащила через голову платье, расстегнула сзади сначала лифчик, затем пояс и стянула с ног чулки, даже не дав себе труда отстегнуть их от пояса. На кухне уже орудовал, она слышала, мистер Серафино: подогревал себе кофе и доставал апельсиновый сок из холодильника. Она взглянула на задвижку и, удостоверившись, что она опущена, прошла в свою крохотную ванную и встала под душ.

Когда она полчаса спустя вышла из своей каморки, на ней было желтое льняное платье без рукав, белые туфли, белые же перчатки, а подмышкой - белая сумочка из кожзаменителя. Коротко остриженные волосы были строго зачесаны назад и затянуты белой лентой. Мистера Серафино уже не было на кухне, зато была его супруга, все еще в халате и шлепанцах, и пила вторую чашку кофе.

- Вы выглядите чудесно, Элси, - сказала она. - У вас что-то предвидится сегодня особое?

- Нет, просто схожу в кино.

- Что ж, счастливого пути! Вы не забыли ключ?

Девушка открыла сумку и показала ключ, пристегнутый к молнии кошелечка.

Вернувшись в свою комнату и закрыв за собой дверь, она прошла в небольшой коридорчик и вышла из дома через заднюю дверь. Как раз когда она дошла до угла, подошел и автобус, она села сзади у открытого окна, сняла перчатки, порылась в сумке и достала оттуда старомодное, массивное обручальное кольцо. Она надела его на палец и снова натянула перчатки.

✡

Джо Серафино спустился на кухню полностью одетый и свежевыбритый.

- Уже ушла? - спросил он.

- Ты имеешь в виду Элспет? Только что вышла. Почему ты спрашиваешь?

- Я подумал, раз ей нужно в Линн, то я мог бы ее подбросить.

- С какой стати ты поедешь вдруг в Линн?

- Мне надо в гараж. Верх стал плохо закрываться. На днях, в дождь, он застрял посредине, и я весь промок.

- О чем же ты раньше думал?

- Погода стояла хорошая, так что я и забыл, - миролюбиво ответил он. - Но только что передавали, когда я брился, что к вечеру, может быть, польет дождь. Впрочем, к чему этот допрос?

- Почему допрос? Разве уж нельзя ни о чем спросить? Когда ты вернешься? Или об этом тоже нельзя спрашивать?

- Почему же? Спрашивай.

- Так когда же ты вернешься?

- Не знаю. Может быть, задержусь в городе. Там в клубе и перекушу, - ответил он сердито и вышел из кухни.

Она слышала, как хлопнула входная дверь и завелась машина. Она посмотрела на дверь няниной комнатушки и задумалась. Почему это муж,который вел себя всегда так, словно он вовсе не замечает девушку, вдруг вызвался подвезти ее в Линн? И с чего это он вдруг побрился? Обычно он брился непосредственно перед тем как пойти в клуб: у него такая борода, что к вечеру ему опять пришлось бы побриться.

Чем больше она думала обо всем этом, тем более ее одолевали сомнения. Почему, например, девушка так долго задержалась сегодня? Она ведь свободна уже с двенадцати, а осталась, накормила детей, уложила их спать, хотя никто ее об этом не просил. Другая няня ни за что не стала бы. Она же ушла только в половине третьего. Может быть, нарочно задержалась, дожидалась Джо?

А это вечное запирание двери на задвижку? До сих пор она только посмеивалась над этим. Когда речь заходила о прислуге, как это чаще всего и происходило в беседах с подругами, она частенько говорила об этом:

- А моя Элспет всегда запирает дверь изнутри на задвижку. Боится, наверно, как бы вдруг не зашел Джо и не застал ее раздетой или в постели.

Она всегда смеялась при этом, словно уже одна мысль о том, что ее муж может проявить интерес к прислуге, была смешной. Но вот теперь эта мысль ей отнюдь уже не казалась смешной. А вдруг Элспет

запирается не от Джо, а от нее? К ней ведь можно пройти и через заднюю дверь. Может быть, Джо и заходит к ней оттуда, зная, что дверь на кухню заперта на задвижку и, значит, жена им не помешает.

Ей пришла еще одна мысль. Хотя девушка у них уже более трех месяцев, а друзей у нее, кажется, нет никого. Все остальные девушки с кем-то встречаются в выходной. А у Элспет только и есть что эта кобыла Силия, которая работает у Хаскинсов. Может быть, она как раз оттого ни с кем не дружит, что завела шашни с Джо?

Она высмеяла самое себя за эти дурацкие подозрения. Она ведь была с Джо практически все время: то дома, а то в клубе каждую ночь. То есть каждую ночь, кроме четверга. А в четверг Элспет была как раз выходная...

✡

Мельвин Бронштейн уже несколько раз потянулся к телефону, но все-таки не снял трубки. Был седьмой час, и все уже ушли. Эл Бекер, правда, еще не ушел, но он сидел в своем кабинете и, судя по груде бумаг на его столе, уйдет еще нескоро.

Ничто ему не мешало позвонить Розалии. В остальные дни он думал о ней не слишком часто, но по четвергам, когда они обычно встречались, она не выходила у него из головы. Эта связь длилась уже целый год и стала для него привычкой. По четвергам она обычно звонила ему вечером, они встречались где-нибудь в ресторане, обедали, затем выезжали за город и останавливались в каком-нибудь мотеле. В полночь он всегда отвозил ее домой, так как няня, которую приходилось нанимать, не хотела оставаться с детьми дольше.

Однако последнее время этот порядок нарушился. Ни в прошлый, ни в позапрошлый четверг они не встречались. И все из-за ее нелепого страха, что муж, мол, нанял сыщиков, чтобы следить за каждым ее шагом. Она ему даже не разрешала позвонить по телефону.

- Но почему? Не думаешь же ты, что он даже на то пойдет, чтобы подслушать твои телефонные разговоры?

- Нет, но если ты мне будешь звонить, я не выдержу и приду. Тогда все начнется с начала.

Он обещал. Уж очень она настаивала, да он и сам заразился ее страхом. И вот опять наступил четверг. Ему ужасно хотелось позвонить ей, хотя бы лишь

чтобы узнать - не произошло ли каких-либо изменений. Он был уверен, что если бы он только поговорил с ней, она не устояла бы: страх уступил бы желанию, которое мучило ее, он знал, ничуть не меньше, чем его самого.

Вошел Бекер и, скрывая свои истинные намерения, сказал как бы между прочим:

- Я чуть не забыл, Мел. Салли просила прихватить тебя сегодня на ужин.

Бронштейн внутренне улыбнулся. С тех пор как Эл и Салли его как-то увидели с Розалией месяц тому назад, они всячески пытались заманить его по четвергам к себе.

- Спасибо, Эл, но сегодня я не могу. В другой раз, ладно?

- Ты, что ли, собираешься ужинать дома сегодня?

- Не-е-ет, у Дебби сегодня собирается, как обычно,ее кружок бриджа. Где-нибудь перекушу, а потом пойду в кино.

- Тогда вот что, мой мальчик. Почему бы тебе не прийти к нам после кино? У Салли новые какие-то пластинки. Говорит - первый сорт. Мы бы послушали, затем спустились бы вниз, опрокинули бы стаканчик.

- Что ж, если проеду мимо, я, может, и заскочу.

- Послушай, у меня идея получше, - не отставал Бекер. - Давай позвоним Салли, что я тоже не приду, мы бы тогда пошли куда-нибудь на пару, поужинали бы в ресторане, выпили бы, в кино бы пошли либо поиграть в кегли, словом - гужанули бы.

- Отстань, Эл. Мне хочется побыть сегодня одному. Поезжай себе домой, поужинай, отдохни. Может, я загляну попозже. - Он встал, обошел стол, обхватил своего компаньона за плечи и легонечко потянул его к двери. - Поезжай, поезжай, я тут все закрою.

Немного погодя он снял трубку и набрал номер. Послышались гудки, но никто не ответил. Он бросил трубку на рычаг.

✲

Был уже седьмой час, когда доктор кончил с осмотром. Элспет поблагодарила секретаршу за отпечатанную на ротаторе примерную диэту, а также за брошюрку о беременности, тщательно сложила их и положила в сумку. Уже у двери она спросила - нет ли поблизости телефона?

- Внизу в вестибюле, но вы можете позвонить и

отсюда, если желаете.

Элспет покраснела и покачала головой. Секретарша понимающе улыбнулась.

Она нашла автомат, вошла в будку, набрала номер, молясь в душе, чтобы он оказался дома.

- Это я, родной, Элспет, - шепнула она, когда на другом конце раздался его голос. - Нам обязательно нужно встретиться сегодня. Это очень, очень важно.

Она слушала некоторое время, затем снова заговорила.

- Ты ничего не понял. Мне нужно сказать тебе что-то очень важное... Нет, по телефону нельзя... Я звоню тебе из Линна, но сейчас же еду назад. Давай поужинаем где-нибудь вместе. Может, в "Прибое"? А потом я бы сходила в кино... - Услышав его ответ, она кивнула, словно он мог видеть ее. - Да я знаю, что в кино ты пойти со мной не можешь сегодня. Но ведь покушать-то тебе все равно надо. Почему же нам не поужинать вместе? Я буду в "Прибое" где-то около семи... Постарайся, родной... Если ты до половины восьмого не придешь, я буду знать, что ты не смог. Все же постарайся, ладно?

Перед тем как пойти на автобусную станцию, она зашла в кондитерскую. Попивая кофе, она достала брошюрку про беременность и несколько раз прочитала ее из корки в корку. Убедившись, что хорошо усвоила эти простейшие правила, - о них только и говорилось в брошюре, - она засунула ее под обивку сиденья. Взять с собой домой она не решалась: вдруг она попадется на глаза миссис Серафино...

6

БЫЛА ПОЛОВИНА ВОСЬМОГО, КОГДА ДЖЕЙКОБ ВАССЕРМАН позвонил у двери раввина. Дверь открыла миссис Смолл. Это была худенькая, но полная жизни женщина с огромной копной светлых волос, которая, казалось, оттягивала ее голову в сторону. У нее были большие голубые глаза и открытое лицо, которое можно было бы назвать наивным, если бы не маленький решительный подбородок.

- Входите, мистер Вассерман, входите! Вы же знаете, как мы вам всегда рады.

Услышав фамилию, раввин, который сидел и читал какую-то книгу, тоже вышел в холл.

- О, мистер Вассерман! Мы как раз поужинали, но хоть чаю с нами выпьете. Приготовь чай, дорогая.

Он провел гостя в гостиную, а жена пошла на кухню поставить чайник. Раввин положил раскрытую книгу, которую он держал в руке, на маленький столик обложкой вверх и вопросительно взглянул на гостя.

Вассерман вдруг подумал, что у раввина хоть и мягкие, добродушные глаза, но вместе с тем и пронзительные. Он с усилием улыбнулся.

- Вот какое дело, рабби. Когда вы только пришли в нашу конгрегацию, вы высказали мысль, что вам следовало бы присутствовать на заседаниях правления. Я был совершенно того же мнения. В конце концов, коль мы наняли раввина и хотим, чтобы он помог нам руководить общиной и развивать ее, то чего же лучше, чем его участие в совещаниях, где разрабатываются и обсуждаются все мероприятия, касающиеся жизни общины. Они, однако, проголосовали против. И знаете, чем они это оправдывали? Тем, что раввин, дескать, наемный работник конгрегации. Допустим, что на повестке дня будет стоять вопрос о его зарплате или о продлении контракта. Ведь неудобно же будет. А чем все это кончилось? За все время мы ни разу вопросов этих не обсуждали - до последнего-вот заседания. Так как до летних каникул осталось всего несколько недель, то я и внес предложение решить вопрос о продлении договора на будущий год.

Вошла миссис Смолл с подносом на руках. Разлив чай по стаканам, она взяла один себе и села.

- И что же вы решили? - спросил раввин.

- Так ничего и не решили. Отложили до следующего заседания, то есть до воскресенья.

Раввин уставился на свой стакан и наморщил лоб. Затем, не поднимая головы, словно размышляя вслух, сказал:

- Сегодня у нас четверг, до заседания, значит, осталось три дня. Если бы вы были уверены, что договор будет продлен, а голосование - одна лишь формальность, вы сообщили бы мне о результатах голосования только в воскресенье. Если бы вы и не были уверены на сто процентов, но считали бы, что договор, вероятнее всего, будет все-таки продлен, вы бы сказали мне об этом при нашей ближайшей встрече, то есть в пятницу вечером в синагоге. Но если у вас серьезные сомнения, или вы боитесь, что договор не

продлят, вы бы не стали дожидаться пятницы, - чтобы не испортить мне субботу. Поэтому, то обстоятельство, что вы пришли ко мне сегодня, может означать только то, что у вас имеются серьезные основания опасаться, что договор со мной не будет продлен. Я угадал?

Вассерман восхищенно закачал головой. Затем он повернулся к жене раввина и шутливо пригрозил ей пальцем.

- Никогда даже не вздумайте обмануть мужа. Он в два счета выведет вас на чистую воду. - Он повернулся обратно к раввину. - Нет, рабби, вы не угадали, то есть угадали, но не совсем. Я вам сейчас все объясню. У нас сорок пять членов правления. Вы только подумайте - больше чем в Дженерел Электрик или в Юнайтед Стейтс Стиль. Но вы знаете, как это бывает: каждый, кто что-нибудь сделал для синагоги или сделает, может быть, в будущем, попадает в правление. Все-таки почет. Хоть и не нарочно, а получается так, что в правлении сидят обычно более состоятельные члены общины. Не у нас одних, а почти во всех конгрегациях. Из сорока пяти членов только человек пятнадцать регулярно приходят на заседания. Еще человек десять являются от случая к случаю. Остальные же приходят лишь на годовое собрание. Ну так вот. Если на заседание правления придут лишь первые пятнадцать членов, те, которые приходят регулярно, мы получим при голосовании решающее большинство - эдак четыре к одному. Для большинства из нас голосование - одна лишь формальность, и если бы только вопрос был поставлен на голосование в тот раз, все уже было бы кончено. Но кто-то предложил отложить голосование на неделю,а это-то предложение мы никак не могли отвергнуть: мы всегда откладываем голосование, когда вопрос важный. Однако они выдвинули это предложение неспроста: у Эла Бекера и его бражки что-то на уме. Он вас явно не любит, этот Эл Бекер. Только вчера мне стало известно,что они обзвонили всех тех тридцать членов правления, которые никогда на заседаниях не присутствуют. Ни в какие дискуссии по существу они вдаваться не стали,а сразу пустили в ход нажим. Когда Шварц мне рассказал об этом вчера, я попытался связаться с этими людьми тоже. Однако я опоздал: они уже обещали свою поддержку Бекеру и его друзьям. Вот как обстоят дела,

рабби. Если на ближайшее заседание правления придут только те члены, которые являются всегда, то мы запросто проголосуем за. Но если он соберет все правление... - он развел руками, ладонями кверху.

- Сказать правду, все это не является для меня неожиданностью, - тоскливо сказал раввин. - Ведь я придерживаюсь традиционного иудаизма. Когда я решил стать раввином, то более или менее таким же, каким был мой отец и даже дед, то есть вести жизнь ученого. Не отгородиться от народа, не в слоновой башне, а в гуще общины, в постоянной заботе о ней. Однако чем дальше, тем больше я прихожу к убеждению, что мне - и мне подобным - нет места в современной еврейской общине в Америке. Наши конгрегации хотят, чтобы раввин был чем-то вроде секретаря, организовал бы кружки, произносил бы речи, содействовал бы слиянию синагоги с церквями. Может быть, это и нужное дело; может быть, я безнадежно отстал от века, но это не для меня. Мне кажется, общая тенденция состоит в том, чтобы подчеркнуть наше сходство с другими религиями, тогда как наши традиции ставят во главу угла подчеркивание наших различий. Мы не просто другая секта с незначительными особенностями; мы - нация жрецов, посвятившая себя служению Богу, потому что Он избрал нас для этого.

- Но для всего этого нужно время, рабби, - нетерпеливо закивал Вассерман головой. - Ведь кто у нас в конгрегации? Люди, которые выросли между двумя мировыми войнами. Большинство из них никогда не посещали ни хедер, ни даже воскресную школу. Вы и представить себе не можете, что тут было, когда я только-только начал сколачивать общину. В то время здесь жило около пятидесяти еврейских семейств, но когда старый мистер Леви помер, собрать минъян, чтобы родственники могли сказать Кадиш, было все равно что выдернуть зуб. До того как организовать синагогу, мне пришлось побывать буквально в каждой еврейской семье. Некоторые сговаривались и отправляли своих детей в воскресную школу в Линн; другие нанимали учителя за несколько месяцев до Бар-мицвы детей и постоянно перезванивались, чтобы не упустить его, а передать другому семейству, где подрастал мальчик. Поэтому-то моим первоначальным планом было создать еврейскую школу и воспользоваться помещением школы для богослужений в Большие праздники.

Некоторые, однако, опасались, что на это потребуются большие деньги, а другие не хотели, чтобы их дети посещали после обеда еще и специальную школу и чувствовали себя не такими, как все. Однако малопомалу я их уломал все-таки. Я представил им сметы, планы, проекты, а когда мы наконец приобрели-таки здание, общину охватил небывалый подъем. По вечерам и воскресеньям они приходили все - женщины в брюках, мужчины в комбинезонах, - убирали, чистили, красили. Тогда не было еще клик или партий. Все горели желанием помочь и все работали не покладая рук. Знали они мало: большинство не умело даже читать молитвы по-древнееврейски, зато энтузиазм был какой! Помню наше первое богослужение в Великие праздники. Я одолжил свиток Торы в Линнской синагоге, сам справил, сам читал молитвы и даже небольшую прочитал проповедь. В Иом-Кипур мне, правда, помог немножко заведующей еврейской школой, но в основном я сделал все сам. Ну и досталось мне тогда - на пустом-то желудке! Я ведь уже тогда был не очень молодой, жена тревожилась, но никогда в жизни я еще не чувствовал себя так хорошо, как почувствовал тогда. Да, то были денечки!

- А что случилось потом? - спросила Мирьям.

- Потом мы начали расти, - грустно улыбнулся Вассерман. - В Барнардз-Кроссинг стали съезжаться евреи, и я без ложной скромности скажу, что наша школа и синагога сыграли тут немалую роль. Когда нас жило здесь всего каких-нибудь пятьдесят семейств, все знали друг друга. Конфликты, если они возникали, можно было уладить личной беседой. Но совсем другое дело, когда в городе насчитывается свыше трехсот семейств. Тогда возникают группы, которые даже не знакомы друг с другом. Возьмите Эла Бекера и его бражку: Пирлстейнов, Корбов, Файнгольдов, всех тех, кто живет в Гров-Пойнт. Они держатся особняком. Понимаете, Бекер неплохой человек. Если разобраться, он очень хороший человек; и он, и все те, которых я только что назвал, они очень милые люди. Однако они смотрят на вещи не так, как мы с вами. С их точки зрения, чем больше, чем влиятельнее конгрегация, тем лучше.

- Хозяин барин, как говорится. Коль они дают деньги, то им и карты в руки, - заметил раввин.

- А по-моему, интересы синагоги и общины важнее

денег. Синагога...

Кто-то позвонил в дверь,и раввин пошел открывать. Это был Стэнли.

- Вы с таким нетерпением ждали эти книги, рабби, что я решил заглянуть к вам по пути домой и доложить, что они пришли, - сказал он. - Это большой деревянный ящик, я его занес к вам в кабинет и снял крышку.

Раввин поблагодарил его и вернулся в гостиную. Но он никак не мог скрыть свое возбуждение.

- Пришли книги, Мирьям.

- О, я ужасно рада, Дэйвид.

- Если ты не возражаешь, я поеду и хоть посмотрю на них. - Но вспомнив про гостя, он принялся объяснять: - Это очень редкие книги, которые мне прислали из библиотеки университета Драпси для моей работы о Маймониде.

- Ну, мне вообще уже пора, - сказал Вассерман, вставая.

- О, мы вас не отпустим, мистер Вассерман. Вы даже не допили чай. Вы нас обидите, если уйдете. Ну же, Мирьям, попроси и ты.

- Да я же вижу, как вам не терпится побыть со своими книгами, - добродушно улыбнулся Вассерман. - А чтобы вас не задерживать, я лучше посижу здесь с вашей женой, если вы не возражаете, а вы поезжайте себе.

- А это вас не затруднит? - обрадовался раввин и заторопился к двери. Но тут жена загородила ему дорогу, решительно выставив маленький подбородок.

- Ты не выйдешь из этого дома, - твердо заявила она, - не надев пальто.

- Но ведь тепло на улице, - взмолился он.

- К тому времени, когда ты вернешься, будет уже холодно.

Раввин сдался, достал пальто из гардероба, но не надел, а демонстративно бросил его себе на руку.

- Он как мальчик, - извинилась миссис Смолл, вернувшись в гостиную.

- Нет, - сказал мистер Вассерман, - просто ему не терпелось подержать эти книги в руках.

✡

Ресторан "Прибой" пользовался неплохой славой: цены были невысокие, обслуживание, хоть и не Бог весть какое шикарное, но довольно приличное, и хотя

обстановка не блистала роскошью, но готовили там хорошо, а морские блюда были прямо-таки отменны. Мел Бронштейн никогда здесь еще не бывал, но когда он проехал мимо, машина, стоявшая у самой двери, снялась как раз с места,и он усмотрел в этом что-то вроде предзнаменования. Он вспомнил, что этот ресторан всячески хвалили, и спарковал свой большой синий Линкольн на освободившемся месте.

Направляясь к одному из столиков и заказав мартини,он оглянулся вокруг. Народу было не очень много. Стены были увешаны рыболовными сетями и прочими предметами, напоминавшими о море: пара весел, судовой руль из красного дерева, пестрые поплавки ловушки для крабов и - вдоль отдельной стены - гигантская меч-рыба на панели из красного дерева. Знакомых лиц, как он и ожидал, не было ни одного. "Прибой" был расположен внизу, в Старом городе, и жители его района, Чильтона, приходили сюда редко.

За столиками сидели в основном пары, но наискосок от него сидела девушка, как и он, одна. Она была не очень красива, зато у нее был молодой, свежий вид. Судя по тому, как она то и дело посматривала на часы, она кого-то ждала. Она еще ничего не заказала, а только попивала воду из своего стакана: то ли ей действительно хотелось пить, то ли потому, что кругом все кушали.

Подошла официантка, чтобы принять у него заказ, но он только показал на свою рюмку в знак того, что просит еще одну.

Девушка напротив волновалась все больше и больше. Каждый раз, когда открывалась дверь, она поворачивалась на стуле. Затем ее настроение внезапно переменилось. Она выпрямилась, словно приняла какое-то решение, сняла свои белые перчатки и засунула их в сумочку, точно готовясь делать заказ. Он заметил на ее пальце обручальное кольцо, однако она его тут же сняла и, раскрыв сумку еще раз, положила его в отделение для мелочи.

Она подняла глаза и заметила, что он следит за ней. Зардевшись, она отвернулась. Он взглянул на часы: было без четверти восемь.

Он колебался всего лишь мгновение, затем встал и подошел к ее столику. Она изумленно взглянула на него.

- Меня зовут Мельвин Бронштейн, - сказал он, - и

я не кусаюсь. Я просто не люблю кушать один, и вы, кажется, тоже. Можеть быть, вместе поужинаем?

Ее глаза расширились, как у ребенка. Затем она опустила их на мгновение, снова подняла и кивнула.

✡

- Налить вам еще?

Он кивнул в знак благодарности.

- Вы не можете представить себе, как я переживаю из-за всего этого дела, миссис Смолл. В конце концов, нанял-то вашего мужа я. Я выбрал его лично.

- Да, я знаю, мистер Вассерман. Мы с Дэйвидом немало тогда удивились. Вообще-то, когда конгрегация нанимает раввина, она приглашает по субботам то одного, то другого кандидата, они проводят богослужение, встречаются с членами правления или ритуального комитета, и лишь потом выбирают наиболее подходящего. Вы же приехали в семинарию сами, причем один, и на свой собственный страх и риск выбрали именно Дэйвида. - Она устремила на него задумчивый взгляд, но тут же опустила глаза. - Может быть,если бы вместо вас действовал ритуальный комитет, они отнеслись бы к нему не так враждебно?

- Вы думаете, я тогда напросился, миссис Смолл? Поверьте, мне и в голову не приходило. Я, конечно же, предпочел бы, чтобы именно ритуальный комитет принял окончательное решение, либо правление. Однако здание было готово в начале лета, и правление решило встретить Новый год в сентябре, так сказать, во всеоружии. Когда я предложил, чтобы ритуальный комитет, - нас там всего трое: мистер Бекер, мистер Райх и я, - съездил в Нью-Йорк и подыскал раввина, не кто иной, как мистер Бекер, настоял, чтобы я поехал один. "Что мы с Райхом понимаем в раввинах? - это были в точности его слова. - То ли дело вы! Вам и карты в руки. Кого бы вы ни привезли, мы заранее согласны". Может быть, ему было некогда, а может - он и впрямь так думал. Сначала я наотрез отказался. Затем я подумал и решил, что так все-таки будет лучше. В конце концов, Бекер и Райх действительно ничего не понимают: Бекер даже читать молитвы не может по-древнееврейски,а Райх не многим его лучше. У меня уже был с ними опыт. Когда нужно было заключить договор на строительство синагоги, они наняли Христиана Соренсена. Архитектор-еврей им, видите ли, не подошел. Если бы я тогда не воспротивился,

имя Христиана Соренсена - Христиан, как вам это нравится? - красовалось бы на бронзовой табличке у входа.

✡

Известный строитель церквей Христиан Соренсен-черная, артистически подвязанная бабочка; пенсне на черном бантике, - создал макет, изображающий высокую узкую коробку, с высокими узкими окнами вперемежку с декоративными колоннами из нержавеющей стали. "В истекшие две недели я усиленно изучал основы вашей религии, джентльмены, и мой проект призван олицетворить сущность иудаизма." (Ты гаон, - подумал тогда Вассерман, - коль тебе удалось понять сущность иудаизма за каких-нибудь две недели). "Обратите внимание на эти узкие линии, за которыми глаз так и тянется кверху. Они символизируют благородное стремление ввысь. Простота архитектурного решения - трезво, солидно, без всяких мишурных украшений (это никак намек,- подумал Вассерман, - на традиционные еврейские символы: Маген-Давид, Менора, скрижали завета?) символизирует практичность и, если можно так выразиться, здравый смысл вашей религии. Стальные же колонны символизируют, с одной стороны, непорочность, а с другой - стойкость перед эрозией и разрушительным действием времени".

Фасад состоит из ряда стальных дверей, а с боков - сплошные стены из глазурной керамики, идущие от верхних косяков дверных проемов и постепенно опускающиеся к углам, "что не только смягчает строгие линии фасада, но еще и вписывает здание в местность. Вы, конечно, заметили, что получается нечто вроде широко открытых объятий, зазывающих верующих на молитву. Практически же эти две боковые стены отгораживают стоянку перед зданием от газона, простирающегося вокруг всей остальной части здания".

✡

- Все-таки я тогда добился, чтобы на табличке значились только его инициалы. Впрочем, не здание синагоги определяет характер конгрегации. А вот характер раввина вполне может повлиять на формирование характера общины. Поэтому я согласился и поехал в семинарию один.

- А почему вы остановили свой выбор на Дэйвиде?

Он ответил не сразу. Он понимал, что имеет дело с умной и весьма энергичной молодой женщиной, так что надо быть осторожным. Он пытался вспомнить, что же привлекло его тогда в ее муже? Во-первых, он обнаружил недюжинное знание Талмуда. Затем, немалое влияние на него оказал, несомненно, тот факт, что молодой человек происходил, как это видно было из его личного дела, из старого раввинского рода, и что его жена была тоже дочерью раввина. Женщина, выросшая в доме раввина, будет вести и сама традиционный еврейский дом. Все же первая встреча с молодым раввином разочаровала его: уж больно у него была неказистая внешность! Самый обыкновенный молодой человек. Все же, когда они разговорились, дружелюбие раввина, его здравый смысл, подкупили его. Что-то в его жестах и тоне напоминало бородатых патриархов на старой родине, у которых он и сам учился в молодости Талмуду. Его приятный голос звучал как-то убеждающе, он обладал тем особым ритмом, который, кажется, вот-вот перейдет в напевность, свойственную талмудистам.

Как только Вассерман привез его в Барнардз-Кроссинг, сразу же начались неприятности. Дело было, конечно,не в том, что он пожалел о своем выборе или разочаровался в раввине. Ему, однако, начинало казаться, что раввин не совсем соответствовал тому, на что рассчитывала конгрегация. Некоторым хотелось, чтобы раввин был высокий, солидный мужчина со звучным, выразительным голосом: что-то вроде епископа. Рабби Смолл же был отнюдь не высок,и его голос был тихий, мягкий и трезвый. Другие ожидали веселого выпускника вуза в серых брюках, с которым можно бы поиграть в гольф либо в теннис, и который дружил бы с мужчинами помоложе. Меж тем рабби Смолл был худой, бледный, носил очки и, хоть и отличного здоровья, но, конечно, не атлет. Третьи мечтали об энергичном организаторе, который создавал бы всевозможные комитеты и ставил бы перед конгрегацией все новые и новые задачи. Рабби Смолл же был какой-то рассеянный, ему постоянно нужно было напоминать о встречах, в которых ему надо участвовать,и он нисколько не ценил ни время, ни деньги. Хотя он, пожалуй, с готовностью отзывался на те или иные проекты, но с той же легкостью он забывал о них, в особенности, если они с самого начала его не очень

интересовали.

- Сейчас скажу, миссис Смолл, - начал Вассерман, тщательно подбирая слова. - Я выбрал вашего мужа отчасти потому, что он мне полюбился лично. Вы, верно, знаете, что я встретился тогда еще и с другими тоже. Это были хорошие парни, с умными еврейскими головами на плечах. Однако у раввина должна быть не только умная голова. Он должен обладать еще и смелостью, а главное - принципиальностью. Я тогда побеседовал с каждым из них. И все они со мной соглашались. Мы как бы принюхивались друг к другу - для того, собственно, и ведутся такие беседы, - и как только им казалось, что они уловили, каких именно мыслей я придерживаюсь, они тут же стали выдавать их за свои собственные, облекая их, к тому же, в гораздо более убедительную форму, чем смог бы я сам. Я же вам сказал, что это были ребята с головой. А вот ваш муж не проявил особого интереса к моим взглядам. Когда же я стал излагать их ему, он то и дело со мной не соглашался. Не дерзко,конечно, очень вежливо, но достаточно твердо. Если же человек, пытающийся получить работу, с ходу не соглашается со своим будущим работодателем, то он либо дурак, либо же у него есть убеждения. Меж тем у меня не было никаких оснований считать вашего мужа дураком. А теперь, миссис Смолл, я тоже задам вам вопрос. Почему вашему мужу захотелось поступить именно к нам, и почему он принял мое предложение? Ведь отдел устройства Духовной семинарии проинформировал его, конечно, о том, что у нас за община, да и я сам ничего от него не скрыл во время нашего собеседования и честно ответил ему на все вопросы.

- Вы хотите сказать этим, что ему следовало попытать счастье в более устроенной общине? - спросила она, - с более устоявшимися порядками, более традиционной в своей деятельности, а главное, в своем отношении к раввину? - Она поставила порожний стакан на стол. - Мы не раз говорили с ним об этом. Он считает, что будущее принадлежит не им. Просто идти по проторенной дорожке, лишь бы отработать свои часы, нет, мистер Вассерман, на это мой Дэйвид не пойдет. Вы правильно сказали: у него свои убеждения, и он надеялся, что сможет внушить их вашей общине. Уже одно то, что она послала в Нью-Йорк не целую делегацию, куда входили бы такие-вот Бекеры,

а вас одного, позволяло ему надеяться, что это ему удастся. Увы, надежда не оправдалась. Они действительно собираются уволить его?

- Двадцать один человек признались мне, что будут голосовать против него, - пожал Вассерман плечами.- Они, правда, извинялись, но сказали, что дали слово - самому ли Бекеру, или доктору Пирлстейну, или еще кому-нибудь. Человек двадцать обещали голосовать за раввина, но среди них по меньшей мере четыре, в которых я не очень уверен: они вполне могут не прийти на правление. Мне они, правда, обещали, но у каждого было какое-то но: "Я уеду в субботу, но если только успею вернуться, вы можете рассчитывать на меня". Вероятнее всего, что они не успеют вернуться, зато будут потом выражать свое возмущение и рассказывать сказки о том, что им никак, ну никак не удалось вернуться вовремя.

- Итого сорок один. А где же еще четверо?

- Они взяли себе время на размышление. То есть про себя они уже решили голосовать против, но не хотели вступить со мной в пререкания. А что я им мог сказать, когда они обещали подумать? Не думать?

- Что ж, их воля...

- Какая там воля! - вдруг вскипел Вассерман. - Разве они сами знают, чего им надо? Когда я сюда переехал и принялся сколачивать конгрегацию - даже не конгрегацию вовсе, а скорее маленький клуб, так чтобы можно было собрать минъян, на случай если кто-нибудь, не приведи Господь, скончается, один говорил, что некогда ему, другой - что равнодушен к религии, а некоторые даже сказали, что это им не по карману. Но я от них не отставал. Если бы я, скажем, провел тогда голосование, то разве была бы у нас сегодня синагога с кантором и раввином, или школа с учителями?

- Но вы же сами говорите, мистер Вассерман, что из сорока пяти членов по меньшей мере двадцать пять а то и все двадцать девять проголосуют против...

- Правильно, но вдруг мой карандаш чересчур мрачен, - горько улыбнулся он. - Может быть,те четверо действительно подумают и согласятся со мной. А может быть, из тех, кто дали слово Элу Бекеру, Ирвингу Файнгольду и доктору Пирлстейну, не все придут на правление. Перспективы, вы правы, не ахти какие,но не все еще потеряно. А сказать вам честно,

миссис Смолл: немало виноват во всем ваш муж. Очень многие в общине - и не одни лишь друзья Бекера - считают, что представительная роль раввина - чуть ли не самая важная из его функций. Этим людям не нравится, как ведет себя ваш муж. Они говорят, какой-то он беззаботный: не заботится ни о назначенных встречах,ни о своей внешности; даже у амвона он какой-то измятый весь. Согласитесь, что когда раввин выступает в таком виде - с проповедью ли, или вообще перед публикой, это все-таки нехорошо.

- Я знаю, - кивнула она. - И немало среди этих критиков таких, кто винит во всем этом меня: жена, мол, должна следить за своим мужем. Но что я могу? Я, конечно, слежу за тем, чтобы он выходил из дому чистый и не в измятом костюме. Но разве я могу быть с ним в течение всего дня? Он - ученый, мистер Вассерман. Когда он зачитывается книгой,он забывает обо всем на свете. Если ему вдруг хочется прилечь, ему и в голову не приходит снять пиджак. То и дело запускает пятерню в волосы, а потом у него . такой вид, будто и вовсе не причесался. Он постоянно делает себе заметки, рассовывает их по карманам,они у него вечно и топорщатся. Он - ученый, мистер Вассерман. Впрочем, раввин и должен быть ученым. Я вас очень хорошо понимаю. Я понимаю, какой раввин нужен конгрегации.Вот он встает,чтобы произнести молитву. Он наклоняет голову,словно перед ним сам Всевышний. Он закрывает глаза, словно боится, как бы лучи Его славы не ослепили его; голос у него низкий, глубокий - не тот, каким он говорит с женой, а какой-то особый, как у актера. А вот мой Дэйвид не актер. По-вашему, мистер Вассерман, низкий и глубокий голос действительно производит впечатление на Господа Бога?

- Дорогая миссис Смолл! Я с вами совершенно согласен. Но таков уж мир, в котором мы живем. И раз этот мир требует от раввина именно этого, то раввину таким и следует быть.

- О, нет! Дэйвид скорее изменит весь мир, прежде чем мир изменит моего Дэйвида.

7

КОГДА ДЖО СЕРАФИНО ПРИЕХАЛ В КЛУБ, он заметил там новую гардеробщицу. Он подошел к старшему официанту, который в отсутствии его самого заправлял здесь всем.

- Что это за новая чувиха?

- О, я как раз собирался сказать тебе, Джо. У Нелли опять заболел ребенок, так что пришлось найти подмену.

- Как ее зовут?

- Стелла.

- Что ж, форма ей к лицу, - кивнул он, взглянув еще раз в сторону девушки. - Ты вот что, Ленни. Когда здесь немножко поприутихнет, пошли ее ко мне.

- Пожалуйста, Джо, никаких шашней. Она дальняя родственница жены.

- Да ты что, Ленни! Мне ведь нужно записать ее фамилию, адрес, Больничную кассу, - ухмыльнулся Джо. - Что же, по-твоему, пойти мне с регистрационной книгой к ней в гардеробную?

Он отошел прочь и принялся ходить по залу. Он вообще проводил большую часть своего времени среди посетителей, здоровался с одним, кивал другому, а то и присаживался, чтобы поболтать со знакомым завсегдатаем. Поднимаясь,он обычно подзывал официанта и отдавал распоряжение: "Поднеси моим друзьям что-нибудь за мой счет, Поль." По четвергам, однако, когда домработницы были обычно выходные, атмосфера была не та. Всегда пустовало несколько столиков, посетители пили с ленцой, разговаривали почему-то шопотом и, казалось, скучали. Даже обслуживание было по четвергам не то: официанты толкались около кухни вместо того, чтобы на лету принимать заказы. Когда Леонард указывал им - взглядом либо щелчком - дескать, клиент ждет, они подходили как-то вяло и тут же снова сбивались в кучу, как только он отворачивался от них. Вот почему Джо сидел по четвергам в своей конторке и приводил в ажур учет. На этот раз он справился раньше обычного и прилег на диван соснуть часок, как вдруг в дверь постучали.Он встал, сел за стол и придвинул к себе какую-то папку.

- Войдите, - сказал он сухим, деловым тоном.

Кто-то попытался открыть дверь, но безуспешно. Он встал и, улыбаясь, снял цепочку, затем указал девушке на диван.

- Садитесь. Я сейчас освобожусь.

Закрыв дверь, он - как бы невзначай - снова повесил цепочку, сел за стол и зашелестел бумагами. Так он просидел несколько минут, делая какие-то заметки, копался в документах, затем резко обернулся и оглянул девушку с головы до ног.

- Как вас зовут?

- Стелла. Стелла Мастранджело.

- Скажите по буквам. Или лучше напишите вот.

Она подошла к столу и, стоя, написала свою фамилию. Он смотрел сбоку на ее фигуру. Она была молода и свежа, кожа смуглая, а глаза - черные, вызывающие. Его так и подмывало похлопать ее по бедрам, затянутым в тесные шорты из черного атласа. Однако сдержался и продолжал тем же деловым тоном:

- А теперь адрес, название Больничной кассы, а также домашний телефон, на случай если вы нам снова понадобитесь.

Она кончила писать, выпрямилась, но не сразу вернулась на диван, а прислонилась к столу напротив него.

- Это все, мистер Серафино?

- Пожалуй, - ответил он, читая то, что она написала. - Знаете, у нас, может быть, найдется для вас работа время от времени. Нелли уже давно намекает, что у нее, мол, мало выходных; у нее ведь маленький ребенок.

- О,мистер Серафино, я буду вам очень благодарна!

- Что ж, посмотрим. Вы приехали на машине?

- Нет, на автобусе.

- Как же вы доберетесь домой?

- Мистер Леонард сказал, что я смогу уйти до двенадцати. Тогда я как раз поймаю последний автобус.

- И вы не боитесь ездить так поздно одна? Нет, я вас одну не отпущу. Сделаем вот как. Сегодня я вас отвезу на своей машине, а в будущем что-нибудь придумаем. Пат - это который работает на стоянке, - запросто подсадит вас к какому-нибудь таксисту. Бесплатно, разумеется.

- О, я не хочу, чтобы вы...

- Но почему?

- Мистер Леонард сказал, что...

- Да он и знать не будет, - успокоительно поднял он руку. Его голос тоже потеплел. - Вот эта дверь выходит прямо на стоянку. Без четверти двенадцать вы кончаете, идете на автобусную остановку и ждете меня там. Я выйду в эту-вот дверь, сяду в машину и заберу вас.

- Но ведь мистер Леонард может...

- Если он даже подойдет, то застанет дверь на цепочке. Подумает, что я прилег немножко, и ему даже в голову не придет разбудить меня. Окей? Мы ведь еще даже о делах как следует не поговорили...

Она кивнула головой и взмахнула ресницами в его сторону.

- Тогда идите,детка,не задерживайтесь. Пока! - Он все-таки хлопнул ее отечески по бедру на прощание.

✡

Днем в "Кающе" подавали бутерброды, пирожки и кофе, а вечером - и горячие блюда: спагетти с тефтелями, мидии с жареной картошкой, бобы с сосисками. Все это значилось на засаленном меню, приклеенном к зеркалу бара. Против каждого блюда стоял номер, и завсегдатаи вроде Стэнли называли при заказе не блюдо, а только номер - вероятно, так было быстрее.

Днем, а также в вечерние часы, здесь почти не выпивали. Клиенты, обедавшие здесь, обмывали свои бутерброды стаканом эля или пива, перед ужином тот или иной клиент мог выпить рюмку виски, но это было и все. Однако завсегдатаи, среди которых был и Стэнли, обычно возвращались часов в девять. Вот тогда "Кающа" совершенно преображалась.

Выходя от раввина, Стэнли подъехал на своем желтом драндулете к "Кающе", заказал свой обычный ужин и стакан эля. Он сидел у бара, жуя размеренно и вяло. На тарелку он смотрел лишь столько, сколько нужно было,чтобы подцепить вилкой очередную порцию, и тут же поворачивал голову к экрану телевизора, поставленному на возвышение в углу. Время от времени его ритмично работающие челюсти останавливались, и он, не отрывая глаз от экрана, выливал в рот очередной глоток эля.

Получив свой ужин, Стэнли сказал с буфетчиком пару слов о погоде, а больше ни с кем не разговаривал. Когда телевизионная программа подошла к концу, он допил свой второй стакан, вытер губы бумажной

салфеткой и побрел к кассе рассчитаться. Затем он махнул буфетчику рукой, вышел, проехал несколько кварталов и поставил машину перед самым домом матушки Скофильд. Чего зря шататься? Лучше придавить комарика часок-другой.

Мама Скофильд сидела в салоне, когда он просунул голову, чтобы поздороваться с ней. Поднявшись затем к себе, он снял ботинки, рабочую одежду, завалился на койку и, заложив руки за затылок, уставился в потолок. Здесь у него не было артистических снимков: мама Скофильд бы ни за что не потерпела. Единственным украшением был настенный календарь, на котором был изображен мальчик с куклой, долженствующий, по чьему-то замыслу, вызывать теплые чувства к Угольной компании Барнардз-Кроссинга.

Обычно он спал после ужина час-полтора, но сегодня ему никак не удавалось заснуть. Он чувствовал, что опять на него надвигается один из нередких припадков скуки и одиночества. Друзья и знакомые видели в его холостяцтве доказательство ума: дескать, человек не дал себя перехитрить. А не перехитрил ли он самого себя? - уныло подумал он. Ведь если разобраться - какая это жизнь? Постылый ужин в кабаке, затем вот эта меблированная конура и разве еще попойка допоздна с друзьями в "Кающе". То ли бы дело, если бы он был женат! И он начал мечтать о том, как бы все было хорошо, если бы у него была семья. Вскоре он захрапел.

Когда он проснулся, было уже почти десять. Он встал, оделся получше и поехал в "Кающу". Его мечты никак не рассеивались. Он выпил больше обычного, чтобы прогнать эти мысли, но как только разговор или шум в баре затихал, они снова были тут как тут.

Около полуночи народ стал расходиться. Стэнли тоже встал. Чувство одиночества мучило его сильнее, чем когда-либо раньше. Он вспомнил, что как раз четверг сегодня, и какая-нибудь девушка, верно, ждет не дождется автобуса на углу "Дубков" и Вайн-стрит. Может быть, она даст себя подвезти.

✲

Элспет сидела на заднем сиденьи. Дождь немного приутих, но тяжелые капли все еще разбивались об асфальт, превращая его в гладкое черное зеркало. Теперь ей было хорошо, и она изящным движением, словно актриса, подносила ко рту сигарету. Когда

она говорила, она смотрела прямо вперед, лишь изредка бросая быстрый взгляд на своего спутника, чтобы видеть, как он реагирует на ее слова.

Он сидел прямо, широко раскрыв глаза, стиснув челюсти и крепко поджав губы. Сердился ли он? Переживал? Был в отчаянии? Ей трудно было сказать. Она нагнулась вперед, чтобы стряхнуть пепел в пепельницу, вмонтированную в спинку переднего сиденья. Раздельно, словно желая подчеркнуть каждое слово, она что-то сказала, постукивая при каждом слове сигаретой о край металлической пепельницы.

Она не столько увидела, сколько почувствовала, что он протянул к ней руку. Она почувствовала ее у себя на затылке и уже готовилась обернуться и улыбнуться ему, когда он просунул пальцы под замочек ее тесной серебряной цепочки. Она хотела сказать ему, что он делает ей больно, но его рука вдруг дернула цепочку, и она уже не успела - не успела сказать, не успела даже закричать. Крик замер в ее горле, а сама она погрузилась в какой-то красный туман. Затем наступила тьма.

Он остался сидеть с протянутой рукой, крепко сжимая серебряную цепочку вокруг ее шеи, словно пытался унять зашалившую собаку. Немного погодя он разжал руку. Она безжизненно упала головой вперед, но он схватил ее за плечи и прислонил тело к спинке сиденья. Подождав несколько минут, он осторожно открыл дверцу и высунул голову. Кругом не было ни души. Он вышел из машины, нагнулся, поднял тело на руки и вытащил его из машины. Ее голова запрокинулась. Он не смотрел на нее. Движением бедра он захлопнул дверцу. Затем понес труп к стене, которая возвышалась на этом месте не более, чем на метр. Перегнувшись через стенку, он попытался тихонько опустить тело на траву, но оно было тяжелое и выскользнуло у него из рук. Он еще попытался закрыть ей глаза, чтобы в них не попадал дождь, но нащупал лишь волосы на затылке. Он даже не стал переворачивать тело лицом вверх, а зашагал прочь.

8

БЕЗ ЧЕТВЕРТИ СЕМЬ У КРОВАТИ РАББИ СМОЛЛА ЗАЗВОНИЛ будильник на тумбочке. Это давало ему возможность встать, принять душ, побриться и одеться к утренней молитве, которая проводилась в синагоге в половине восьмого.

Он протянул руку, нажал на кнопку будильника, и звон тут же прекратился. Однако, вместо того чтобы встать, он что-то пробормотал невнятно и повернулся на другой бок. Жена принялась его трясти.

- Ты опоздаешь в синагогу, Дэйвид.

- Не пойду я сегодня.

Она понимающе кивнула и не стала с ним спорить. Да и вернулся он очень поздно: она уже давно легла.

Позднее рабби Смолл читал утреннюю молитву у себя в кабинете, а Мирьям тем временем готовила завтрак. Услышав, как он повысил голос, читая ШЕМА: "Слушай Израиль, Господь твой Бог, Господь един!", она поставила воду на газ; когда до нее донеслась скороговорка АМИДЫ , она опустила яйца в кипяток, а когда он дошел до АЛЕНУ, она их вытащила из воды.

Несколько минут спустя он вышел из кабинета, опуская на ходу левый рукав рубашки и застегивая запонку. Как всегда,он в испуге посмотрел на накрытый стол.

- Так много?

- Тебе нужно хорошо позавтракать, дорогой. Все говорят, что завтрак - важнее всего.

Ее свекровь настойчиво поучала ее: "Ты должна следить за тем, чтобы он кушал,Мирьям. Не спрашивай его, хочет ли он и чего именно, потому что, зачитавшись книгой или задумавшись над чем-нибудь, он ничего не видит и не слышит: сухая корка хлеба и та его вполне устроит. Ты должна смотреть, чтобы он кушал в определенные часы и много, да чтоб как можно больше витаминов.

Сама Мирьям уже позавтракала - тост, кофе и сигарета, - а теперь она неотступно следила, чтобы он съел весь грейпфрут, и с такой категоричностью поставила перед ним тарелку каши, что было ясно - никаких возражений она не потерпит. После каши она подала ему яйца, а также намазанный маслом тост. Главное заключалось в том, чтобы блюда следовали

одно за другим и чтобы не дать ему отвлечься. Только когда он принялся за яйца, она налила себе еще одну чашку кофе и тоже села за стол.

- Вассерман еще долго сидел вчера?

- С полчаса. Мне показалось, он ждет от меня, чтобы я получше следила за тобой: чтобы ты не ходил непричесанный и в таком измятом костюме.

- Ты права, я должен больше заботиться о своей внешности. Но теперь-то я в порядке? Не заляпал ли яйцом галстук? - опасливо спросил он.

- Теперь ты в порядке. Беда с тобой в том,Дэйвид, что уж очень ты неряшлив. Может быть,тебе следовало бы носить такие твердые воротнички с запонками: тогда галстук, может быть не сьезжал бы у тебя в сторону постоянно.

- Для таких воротничков нужны специальные рубашки. Я как-то пробовал: ужасно жмут.

- А почему бы тебе не брызнуть на волосы такой фиксаж: они бы у тебя тогда не ерошились.

- Ты хочешь, чтобы женщины мне не давали проходу?

- Только не говори мне, что тебе все равно, как на тебя смотрят женщины.

- Что ж, постараюсь, коль для этого достаточно нацепить твердый воротничок и побрызгать голову какой-то ваксой, - съязвил он.

- Серьезно, Дэйвид, это не пустяки. Мистер Вассерман даже считает, кажется, что это очень важно. Как ты думаешь, они тебя все-таки уволят?

- Вероятно. Я уверен, что не опасайся он этого, Вассерман бы не пришел к нам вчера.

- Что же теперь будет?

- А ничего. Просто напишу в семинарию, и они мне подыщут там новую конгрегацию.

- А если там произойдет то же самое?

- Снова напишем, - засмеялся он. - Помнишь Менни Каца, то есть рабби Эмануэля Каца, у которого такая шебутная жена? Ему пришлось сменить три места кряду. Летом она возилась в саду в шортах, а на пляже носила бикини, как, впрочем, все женщины конгрегации. Но то, что разрешается другим, того жена раввина себе позволить не может. А Менни заупрямился и отказался повлиять на жену. В конце концов ему удалось получить место где-то на юге, во Флориде, где даже жене раввина разрешается носить шорты. Он и теперь там.

- Повезло ему,значит. Может, и тебе удастся найти конгрегацию, руководители которой рассеяны, одеваются кое-как, забывают о назначенных встречах...

- Вряд ли. Но когда нам надоест, я всегда смогу получить место преподавателя. До того, как одевается учитель, никому нет дела.

- Может быть, сделать это сразу, а не ждать,чтобы тебя выгнали сначала из десятка конгрегаций? Я бы не возражала быть женой учителя.Ты бы мог устроиться на факультете семитских языков какого-нибудь колледжа, а то и в семинарии. Ты только подумай, Дэйвид, мне бы тогда не пришлось тревожиться о том, одобряет ли президентша женской организации, как я веду свое домашнее хозяйство, и не находит ли президентша местной "Гадассы", что у меня дурной вкус.

- У большинства деканов тоже есть жены. А вообще ты права. Мне бы тогда тоже не пришлось участвовать в официальных завтраках.

- А я бы не должна была улыбаться каждый раз, когда кто-нибудь смотрит в мою сторону.

- Разве ты это делаешь?

- Еще как! До боли в челюстях. Давай,Дэйвид,смотаемся отсюда.

- Ты это серьезно? - недоверчиво спросил он. - Не думай, пожалуйста, что я не отдаю себе отчета в своих неудачах здесь, Мирьям. Мне это очень неприятно, и не столько потому, что я того не сделал или этого, сколько оттого, что я продолжаю сознавать, насколько я нужен этой конгрегации. Без меня или другого такого же, как я, ты знаешь, что происходит с такими конгрегациями? Они просто засыхают на корню, как религиозные институты, то есть как еврейские религиозные институты. Я не то имею в виду, что они прекращают свою деятельность. Наоборот, тогда они развивают особенную активность: создают десятки разных групп, кружков и комитетов - социальные кружки, художественные, научные, спортивные, и у всех у них даже подчеркнутый еврейский характер. Танцевальный кружок отрабатывает, скажем, израильский танец и называет его "Дух израильских пионеров"; хор включает в свой репертуар "Белое рождество", чтобы можно было выступить в церквях в дни "Недели братства", взамен чего ведущий церковный тенор исполнит там же "Эли, эли".Раввин проводит богослужение по праздникам в высшей степени

торжественно и, если не считать отдельных молитв, которые должна все-таки прочитать и община, он на пару с кантором справляет всю службу сам. Ни за что не скажешь, что это молитвенный дом народа, который вот уже три тысячи лет с лишним считает себя народом жрецов, посвятившим себя служению Богу, потому что все усилия как раввина, так и всей конгрегации направлены на то, чтобы доказать, что еврейская церковь совершенно такая же, как и прочие церкви города.

Кто-то позвонил в дверь. Мирьям пошла открывать и впустила плотного мужчину с симпатичным ирландским лицом и белоснежной головой.

- Рабби Дэйвид Смолл?

- Да? - Раввин вопросительно посмотрел сначала на него самого, затем на карточку, на которой значились фамилия, имя и должность Хью Лэнигена, начальника Барнардз-Кроссингской полиции.

- Мне нужно поговорить с вами наедине.

- Пожалуйста. - Раввин провел его к себе в кабинет и, перед тем как закрыть дверь, попросил жену, чтобы им не мешали.

Предложив гостю кресло, раввин сел тоже и выжидательно взглянул на посетителя.

- Ваша машина простояла всю ночь на стоянке перед синагогой.

- А это разве запрещено?

- Нет, конечно. Стоянка - частная собственность, и если кто-нибудь вправе пользоваться ею, то, по-моему, именно вы.Да если машина и простоит всю ночь даже на улице, мы тоже не обращаем внимания, разве лишь зимой, в снегопад, когда она может помешать снегочистителю.

- Итак?

- Просто мы удивились, что вы оставили машину во дворе, а не поставили ее в гараж.

- Вы боитесь, что ее могут украсть? Меж тем ларчик открывается просто. Я оставил машину перед синагогой, потому что нечем было завести ее. - Он смущенно улыбнулся. - Боюсь, я выразился не слишком ясно. Видите ли, я поехал вчера вечером в синагогу и засиделся там допоздна. Мне прислали кое-какие книги, и мне не терпелось почитать их. Потом, когда я ушел, я закрыл дверь, она и захлопнулась. Вы меня понимаете?

- Да. Автоматический замок, - кивнул Лэниген.

- Только тогда я хватился, что оставил связку ключей в ящике стола: они у меня все на одном кольце. Открыть дверь было нечем, завести машину - тоже, вот и пришлось пойти домой пешком. Как видите, ничего таинственного.

Лэниген задумчиво кивнул, затем сказал:

- Насколько мне известно, у вас проводится по утрам служба в синагоге. Вас же сегодня почему-то не было, рабби...

- Правильно. Некоторые члены нашей конгрегации смотрят косо, если раввин почему-либо не является утром на богослужение, но все-таки вряд ли кто-нибудь из них пожаловался на меня в полицию.

- О, никто не пожаловался, - засмеялся Лэниген. - Во всяком случае не мне. То есть, я хочу сказать, не начальнику полиции...

- Давайте, мистер Лэниген, не будем ходить вокруг да около. Что-то, видимо, произошло, и моя машина в чем-то замешана. Нет, не машина, а я сам замешан, не то вы бы не спросили, почему меня не было утром в синагоге. Если вы мне скажете, в чем тут дело, я, может быть, сумею удовлетворить ваше любопытство или помочь вам чем-нибудь.

- Вы правы, рабби. Видите ли, у нас существуют определенные правила. Хотя здравый смысл мне и подсказывает, что духовное лицо не может быть никак замешано, все же в качестве начальника полиции...

- В качестве начальника полиции вы не обязаны считаться со здравым смыслом; так, что ли?

- Почти угадали. Но на это имеются причины. Мы обязаны расследовать действия решительно каждого, который может быть замешан, и хоть я и знаю, что раввин так же мало совершит такое преступление, какое мы как раз расследуем, как, скажем, священник, все же мы обязаны допросить и его.

- Не берусь судить о том, что стал бы или не стал бы делать священник, но что касается раввина, то он ничем не отличается от любого другого еврея. Мы даже не являемся духовными лицами,как вы только что сказали. У меня нет никаких ни обязанностей, ни привилегий, которых нет у любого другого члена конгрегации. Предполагается лишь, что я более сведущ в законах, по которым нам полагается жить.

- Я вам весьма признателен за все то, что вы мне

только что сказали, рабби. Буду же откровенен с вами и я. Сегодня утром на территории синагоги, прямо у стены, которая отделяет стоянку от газона - там, где она всего в метр высотой, - нашли труп девушки в возрасте девятнадцати или двадцати лет. Она, видимо, была убита еще ночью; вскрытие определит точнее, когда это произошло.

- Убита? В результате несчастного случая?

- Нет, не в результате несчастного случая, рабби. Ее задушили серебряной цепочкой, которую она носила на шее; знаете, такая тесная, довольно массивная цепочка с замком сзади. Несчастный случай совершенно исключается.

- Но это же ужасно! Она... она член нашей конгрегации? Я ее знаю?

- Вы знали Элспет Блич?

- Нет, - покачал раввин головой. - Довольно необычное имя, Элспет.

- Разновидность от Элизабет. Англичане так говорят. Девушка - из Новой Шотландии.

- Из Новой Шотландии? Туристка?

- Нет, не туристка, рабби, - улыбнулся Лэниген, - а прислуга. Знаете, в революцию многие богатые жители колоний, в особенности Массачусетса, убежали в Канаду, главным образом в Новую Шотландию. Лоялисты, как их тогда называли. А теперь они постепенно возвращаются в эти края... в качестве слуг. Хорошего, конечно, мало, если смотреть с точки зрения предков... Девушка, о которой идет речь, работала в семействе Серафино. Вы их знаете, рабби?

- Судя по фамилии, они итальянцы, - улыбнулся раввин, - а я что-то не знаю итальянцев, которые бы состояли в нашей конгрегации.

- Точно, они итальянцы, - улыбнулся и Лэниген, - и я точно знаю, что в вашу они не ходят церковь, потому что ходят в мою, в "Звезду морей".

- А вы разве католик? Вот уж не думал, что в городе, подобном нашему Барнардз-Кроссингу, начальник полиции может быть католиком.

- О, здесь еще в революцию жило несколько католических семейств. Если бы вы были знакомы с историей нашего города, вы бы знали, что из всех городов пуританского Массачусетса именно здесь католики могли жить спокойно. Барнардз-Кроссинг основали люди, которые не очень симпатизировали пуританам.

- Очень, очень интересно. Я непременно займусь этим когда-нибудь. - После некоторого колебания он спросил: - Девушка... эта девушка,о которой вы говорите, над ней э.. надглумились?

- Кажется, нет, - ответил Лэниген, разводя руками в знак того, что он еще точно не знает. - Медицинская экспертиза покажет. Никаких следов борьбы не обнаружено ни на теле, ни на одежде. А вообще, она и одета-то была лишь кое-как: комбинация, легкое пальто, а на нем - прозрачный такой дождевик из пластика. Как я уже сказал,никаких следов борьбы мы не нашли. Да и не успела бы она. Цепочка, которую она носила на шее, это, знаете, тесная такая штука: ее достаточно повернуть пару раз, и все - человека нет...

- Ужасно, - прошептал раввин, - ужасно! И вы думаете, что это произошло на территории синагоги?

- Мы не знаем, где произошло убийство, - ответил Лэниген, поджав губы. - Ее вполне могли убить и в другом месте.

- Тогда зачем же было перетащить ее туда? - спросил раввин, устыдившись тому, что он непроизвольно подумал сразу о так называемых ритуальных убийствах, которые частенько подстраивались в прошлом, чтобы можно было обвинить в них евреев.

- Затем, что, если разобраться, место весьма подходящее. Можно подумать, что в этих небольших городах сколько угодно мест, где можно спрятать труп. На самом же деле это не так. Все тут на виду: где нет домов, там всегда ходят влюбленные. Нет, лучше места, чем двор синагоги,не найти. Темно там, никто поблизости не живет, а и не войдет ночью никто. - Помолчав с минутку, он спросил: - Кстати, вы сами в какие часы были в синагоге?

- Вы думаете, что я, может быть, видел или слышал что-нибудь?

- Да-а-а...

- И вам, надо полагать, - улыбнулся раввин, - хочется знать также, чем я занимался в эти критические часы? Что ж, извольте. Я вышел из дому около половины восьмого - может,даже в восемь. Точно я не знаю,потому что не часто смотрю на часы; чаще всего их у меня и нет. Мы пили чай с мистером Вассерманом, президентом нашей конгрегации, когда пришел Стэнли, наш служка, и сказал, что прибыли мои книги

и что он затащил ящик ко мне в кабинет. Я извинился и тут же поехал в синагогу. Вышел я вслед за Стэнли, так что если вы спросите у мистера Вассермана и моей жены, с одной стороны, и у Стэнли, с другой, то сможете установить время довольно точно. Я спарковал машину и поднялся прямо в свой кабинет - он на втором этаже. Просидел я там за полночь. Это я знаю точно, потому что взглянул, помню, на часы - они у меня стоят на столе - и увидев, что уже полночь, решил, что мне пора домой. Правда, я еще дочитал главу, потому и сказал "за полночь". - Ему вдруг пришла мысль. - А вот нечто, что позволит вам еще точнее определить время моего ухода. Возвращался-то я домой пешком, и как раз, когда я уже подходил к дому, вдруг полил сильный дождь, так что пришлось даже побежать. Может быть, кто-нибудь - метеостанция, скажем, - ведет точный учет погоды.

- Дождь полил в 12.45. Мы это установили первым долгом, так как на девушке ведь был дождевик.

- Я понимаю. Ну, как правило, ходу от синагоги до нашего дома - минут двадцать. Я это знаю, потому что в пятницу вечером, а также в субботу, мы всегда ходим в синагогу пешком. Правда, вчера ночью я шел, пожалуй, несколько тише: думал о прочитанном.

- Зато пробежали целый кусок.

- О, там осталось всего каких-нибудь сто метров. Думаю, что если мы положим 25 минут, то не ошибемся. А это значит, что вышел я из синагоги примерно в двадцать минут первого.

- Вам кто-нибудь встретился на пути?

- Нет, только дежурный. Видимо, он меня знает, потому что поздоровался.

- Это был, верно, Норман, - улыбнулся Лэниген. - Ему вовсе незачем знать вас, чтобы поздороваться. Он отбивает время в ящике на Вайн-стрит чуть выше синагоги ровно в час. Я у него спрошу.

- Он что же, записывает все?

- Вряд ли, но он, наверное, запомнил. Очень толковый парень. Итак, вы, значит, вошли в синагогу, зажгли свет, я полагаю...

- Нет, было еще не очень темно.

- Но в кабинете вы, вероятно, зажгли все-таки?

- Конечно.

- И если бы кто-нибудь проходил мимо, он бы, конечно, заметил, что у вас горит свет?

- Нет, - ответил раввин, подумав. - Я включил только настольную лампу. Окно я, конечно, открыл, зато опустил жалюзи.

- Зачем?

- Сказать правду, чтобы мне не помешали. Могло случиться, что мимо пройдет член нашей конгрегации и, увидев, что окно освещено, зайдет поболтать.

- Выходит, если бы кто-нибудь проходил мимо синагоги, он бы подумал, что там нет никого.

Раввин снова подумал, затем утвердительно кивнул.

Начальник полиции улыбнулся.

- А какое это имеет значение? - спросил раввин.

- Ну, как сказать... Позволит, пожалуй, уточнить время. Допустим, вы не спустили бы жалюзи. Тогда то обстоятельство, что ваша машина стояла перед синагогой, указывало бы на то, что вы можете спуститься в любой момент. И тогда пришлось бы заключить, что труп был положен у стенки уже после вашего ухода. При опущенных же жалюзи, можно было подумать, что машина стоит просто так, - ну,не завелась,скажем, - и тогда тело могло быть перенесено еще когда вы сидели у себя в кабинете. Меж тем медицинский эксперт считает, что девушку убили около часу ночи. Если бы окно было освещено, это подтвердило бы его предположение. Но ведь вы опустили жалюзи, окно не было освещено, так что труп могли перенести в любое время и, значит, надо ждать, пока экспертиза установит час наступления смерти с максимальной точностью.

- Я понимаю.

- Теперь, рабби, попрошу вас хорошенько подумать. Вы ничего не слышали? Крик? Шум машины?

Раввин отрицательно покачал головой.

- И никого не заметили? Ни из окна, ни по дороге домой?

- Только полицейского.

- Вот вы сказали, что не знали Элспет Блич. Может быть, вы ее все-таки знали, хоть и не по фамилии? Что ни говори, а она ведь работала у Серафино, чуть ли не рядом с синагогой...

- Вполне допускаю.

- Девушке было лет девятнадцать - двадцать. Блондинка, рост метр шестьдесят, толстушка и довольно симпатичная, хотя далеко не красавица. Когда-нибудь я вам, может быть, покажу и карточку.

- По описанию я что-то никого в особенности не

припоминаю, - покачал раввин головой. - Оно подходит для многих девушек, которые мне встречались.

- Тогда я спрошу лучше так: вы не подбросили на машине за последние два дня какую-нибудь девушку, к которой подошло бы это описание?

- Вот тут ваша аналогия вполне уместна, мистер Лэниген. Раввин должен быть в этих делах не менее осторожен, чем священник или пастор. Ни они, ни я, мы, конечно, не станем возить в машине молодую, незнакомую женщину. Могут выйти,понимаете,кривотолки. Нет, никого я на машине не подбрасывал.

- Может быть, ваша жена?

- У жены нет водительских прав.

Лэниген поднялся и протянул раввину руку.

- Вы мне очень помогли, рабби. Спасибо!

- Всегда к вашим услугам.

Уже у двери Лэниген остановился и заметил:

- Я надеюсь,что машина вам не понадобится срочно. Дело в том, что мои ребята осматривают ее.

Раввин удивленно поднял брови.

- Понимаете, мы нашли в машине сумку этой девицы.

9

ХЬЮ ЛЭНИГЕН БЫЛ ЗНАКОМ СО СТЭНЛИ, как, впрочем, со всеми жителями Старого города. Он застал его в вестибюле синагоги за работой: надо было расставить столы для угощения - чай с печеньем, - которое женская организация обычно подавала по пятницам после вечерней молитвы.

- Мне нужно спросить вас кое о чем, Стэнли.

- Валяйте, Хью. Хотя все, что мне было известно, я уже сказал Ибену Дженнингсу.

- Ничего, расскажете еще раз. Итак, вы пошли накануне вечером к раввину, чтобы доложить ему о поступлении книг. Когда поступили эти книги?

- Около шести. Доставила компания "Робинзонс Экспресс". Последним рейсом.

- А в котором часу вы пошли к раввину?

- Примерно в половине восьмого. Я расписался, значит, за эту посылку - чертовски тяжелый,доложу я вам, деревянный ящик. Сначала я даже не догадался, что это книги, но потом я прочел на ярлыке обратный адрес. Отправителем значился Драпси-Колледж. Раввин

мне как-то назвал отправителя, и так как название довольно странное для колледжа,то я его и запомнил. Тетя Мэтти, царство небесное, - вы ее, верно, еще помните, - чуть что говорила "драпать, драпануть". Бедная старуха, ее всю вздуло от водянки, даже глаз не было видно... .

- Помню, помню. Но вы лучше расскажите про ящик.

- Да, так прочитав это название, я догадался, что это должны быть книги нашего раввина. Ну, вы, может быть, не поверите, Хью, но этот наш раввин... Он, конечно, хороший парень и все такое, однако молотком он ни в какую пользоваться не умеет, так что открывать ящик, я подумал, все равно придется мне. А раз так, то почему же не открыть сразу? Поэтому, затащив ящик - тяжелый был, стерва, - в кабинет, я снял крышку, потом убрал инструмент и решил заскочить по дороге домой к раввину и сказать ему, что книги уже здесь. Он ждал их с таким нетерпением, а мне все равно по пути.

- Где вы сейчас живете, Стэнли?

- У матушки Скофильд.

- Разве вы не жили раньше в самой синагоге?

- Да, в старой. Там у меня была своя комната на чердаке. Вот была житуха! Продрал глаза - и уже ты на работе. Но потом они почему-то не захотели. Подкинули несколько долларов в месяц, и с тех пор я снимаю комнату у мамы Скофильд.

- А почему они не захотели?

- Сказать правду, Хью, они пронюхали, что ко мне приходят изредка друзьяки. Никаких попоек мы, конечно, не устраивали - да разве бы я стал! Что ни говори, а синагога все-таки... Просто, выпивали по бутылочке пива, болтали. Они же, вероятно, подумали, что я возьму да еще бабу приведу в самые ихние праздники. - Он засмеялся и ударил себя по ляжкам. - Представляете? Они там молятся внизу, а я тут балуюсь с бабой!... Побоялись, верно, как бы из-за этого их молитвы не застряли внизу...

- Ну а дальше?

- Вот они и попросили, чтобы я съехал, что я и сделал. Все честь по чести, без всякой обиды.

- А как же в новом здании? Вы здесь никогда не ночуете?

- Бывает. Особенно зимой в заносы, когда мне нужно расчистить дорожки и тротуары чуть свет. У

меня там и койка стоит в котельной.

- Может, сходим, а?

- С моим удовольствием, Хью.

Стэнли пошел вперед, спустился по небольшой металлической лестнице, затем пропустил Лэнигена вперед. Тот толкнул стальную пожарную дверь и вошел в котельную. Там стоял один только бойлер да вещи Стэнли в углу. Лэниген обратил внимание, что одеяло на койке помято.

- Койка так и стоит незаправленная с последнего снегопада?

- Да вы что! Я частенько отдыхаю здесь днем, - ответил Стэнли, а Лэниген тем временем перебирал окурки в пепельнице. - Посторонних я сюда не вожу никого.

Лэниген сел в кресло и принялся рассматривать "художественную галерею" Стэнли. Тот смущенно улыбнулся.

Начальник полиции жестом велел ему сесть тоже, и он послушно опустился на койку.

- Что ж, давайте расскажите теперь дальше. Итак, в половине восьмого вы поехали к раввину, чтобы доложить ему о прибытии книг. Разве нельзя было подождать до утра? Или же вы подумали, что раввин тут же встанет и поедет в синагогу?

- Конечно, - удивился Стэнли. - Он частенько сидит здесь по ночам и читает.

- Что ж вы сделали потом?

- Поехал домой.

- Остановились где-нибудь по дороге?

- Конечно. Зашел в "Каюту", поужинал, выпил пару бокалов пива и поехал домой.

- И все?

- Да, весь вечер просидел дома.

- А потом легли спать?

- Нет. Пошел выпить еще пару пива. В "Каюту".

- И до которого часу вы там просидели?

- Этак до двенадцати.

- И оттуда вы поехали домой?

- Ага, - не совсем твердо ответил Стэнли.

- Хорошо. А в котором часу вы пришли на работу сегодня утром?

- Как всегда, около семи.

- И что вы сделали?

- В половине восьмого у них богослужение. Поэтому

я включил свет, открыл несколько окон, чтобы немножко проветрить помещение, затем приступил к своей обычной работе - в это время года она сводится в основном к уходу за газоном. Работал граблями. Вчера убрал одну сторону - ту, что выходит на Марпль-стрит. Сегодня я пошел дальше, закончил задний фасад, обогнул здание и вышел на боковой. Вот тогда-то я и заметил девушку у стены. Они как раз все выходили из синагоги и направлялись к машинам. Подошел ближе и сразу увидел, что она мертва. Я глянул через стенку, а там мистер Мусинский - это постоянный клиент, то есть он всегда приходит по утрам молиться, - еще только садился в машину. Я его и подозвал. Он подошел, посмотрел и тут же вернулся в синагогу, чтобы позвонить в полицию.

- Когда вы пришли на работу, вы заметили машину раввина?

- Конечно.

- Удивились?

- Не особенно. Я подумал, что он приехал на службу пораньше. Потом, когда я его нигде не заметил в самой синагоге, подумал, что он у себя в кабинете.

- Вы не поднялись, не проверили?

- Нет, с чего бы я стал!

- Ну ладно, - сказал Лэниген, вставая. Стэнли тоже встал. Начальник полиции вышел в коридор, а Стэнли пошел следом. Вдруг Лэниген обернулся и как ни в чем не бывало спросил: - Вы, конечно, сразу ее узнали?

- Нет, - быстро ответил Стэнли.

Лэниген пристально посмотрел на него.

- Вы хотите сказать, что никогда не видели ее до этого?

- Кого? эту девушку, которую...

- А какую же еще? - сухо ответил Лэниген.

- Ну что ж, когда я вожусь тут вокруг синагоги, я, конечно, вижу массу людей. Видел и ее. То есть, я хочу сказать, видел ее с этими двумя маленькими макаронщиками, за которыми она присматривает.

- Вы с ней были знакомы?

- Да я ж вам человеческим языком говорю: только видел ее изредка с детьми.

- Пытались поволочиться за ней?

- С какой стати?

- А вот с той...

- Ничего я за ней не волочился.

- Так-таки ни разу не поговорили?

Стэнли достал из кармана штанов грязный платок и принялся вытирать им лоб.

- Что, жарко стало?

- Ну вас к Богу, Хью! - взорвался Стэнли. - Вы хотите запутать меня в это дело. Конечно, я с ней разговаривал. Стоишь,бывало,во дворе, а тут эта молодая чувиха с детенышами в фарватере, те давай обрывать ветки, как же тут не поговоришь...

- Я понимаю.

- Но я никогда с ней не гулял или что-нибудь в этом роде.

- Ни разу не показали ей это свинство в подвале?

- Да вы что! Просто здоровались, изредка говорил пару слов о погоде, чаще всего она вовсе и не отвечала.

- Воображаю. Кстати, откуда вы знаете, что дети итальянцы?

- Потому что не раз видел их с отцом, с этим Серафино. Его же я знал, так как однажды сделал у него какой-то ремонт дома.

- Когда это было?

- Когда я его видел с детьми? Последний раз два или три дня тому назад. Он подъехал на своей машине, верх был откинут, он и спрашивает ребят - не хотят ли мороженого? Тут они все трое полезли к нему в машину, сначала няня, а потом и дети, норовя сесть у дверцы. Сели они все на переднее сиденье, девушке пришлось придвинуться к нему поближе, а он так и пожирал ее глазами. Противно было смотреть.

- Противно? Может, завидно?

- По крайней мере я человек холостой, а у него жена и двое детей...

10

ЭТО БЫЛО СУМАТОШНОЕ УТРО. Хотя по четвергам миссис Серафино ложилась рано, все равно она вставала в пятницу не раньше десяти. В это утро, однако, дети ее разбудили раньше. Тщетно побарабанив в дверь Элспет, они ворвались к матери в спальню и потребовали, чтобы их одели.

Миссис Серафино ужасно разозлилась на няню - как она смеет спать так поздно! - набросила на себя

халат и побежала вниз, чтобы разбудить её немедленно. Она что было силы забарабанила в дверь, громко позвала ее несколько раз,но никто так и не отозвался. А вдруг ее нет в комнате! - наконец догадалась миссис Серафино. Но это могло означать только то, что она вовсе не ночевала дома. Это была неслыханная дерзость, и она решила немедленно выгнать девушку. Она уже собралась выйти во двор и заглянуть в окошко, как раздался звонок. Миссис Серафино была до такой степени уверена, что это Элспет, которая угостит ее какой-то сказкой - дескать, потеряла ключ или другое что-нибудь в этом роде, - что она во весь опор помчалась к двери и резко распахнула ее. На пороге стоял полицейский в форме. Миссис Серафино ошеломленно вытаращила на него глаза и не заметила, что халат у нее распахнулся. Она спохватилась только тогда, когда заметила смущение на лице полицейского и, рывком запахнув халат, провела его в дом.

Утро выдалось кошмарное. Один за другим являлись полицейские - в форме и без. Поминутно трещал телефон - все из полиции же. Ей велели разбудить мужа - ему нужно, мол, пойти с одним из полицейских и опознать труп.

- А может, я пойду? Мужу нужно выспаться.

- Он у вас и так железный, коли ему удается спать в этой кутерьме, - ответил полицейский, но затем добавил помягче: - Уж поверьте мне, лэйди, это не женское дело. Пускай лучше сходит муж.

Кое-как она одела и накормила детей. Ей даже удалось перекусить и самой. Но даже во время еды, ее все время донимали расспросами. Сначала ее подвергли официальному допросу, протокол вел не тот полицейский, который ее допрашивал, а другой. Потом они долго измеряли и фотографировали комнату няни и тоже все время приставали с вопросами, да резко так, неожиданно, словно хотели уличить ее в чем-то.

Наконец-то они ушли. Дети играли во дворе, а она уже собралась прилечь на часок, как снова раздался звонок. На этот раз это был Джо.

- Это действительно она? - спросила миссис Серафино, тревожно вглядываясь в лицо мужа.

- А то кто же? Ты думаешь, они не опознали ее сами?

- Тогда зачем же они позвали тебя?

- По закону так положено. Чистая формальность.

- Они тебе задавали вопросы, Джо?

- На то они и полицейские, чтобы задавать вопросы.

- О чем же они спрашивали?

- Да обо всем на свете. Были ли у нее враги? Как зовут ее хахаля? С кем она вообще дружила? Не мучило ли ее что-нибудь последнее время? Когда я ее видел в последний раз?

- И что ж ты им ответил?

- Что я им мог ответить? Сказал, что ни про какого хахаля я ничего не знаю, что дружила она, насколько мне известно, с одной лишь этой девушкой, которая работает у Хаскинсов, что вела она себя последнее время, по-моему, как всегда.

- Ты им сказал, когда видел ее в последний раз?

- Конечно. Вчера, около часу дня или двух. Господи, для чего тебе все это? То полиция пристает, а теперь еще и ты. Меж тем у меня еще и маковой росинки не было сегодня во рту.

- Сейчас сделаю тебе кофе. С тостом? Может, яйцо, кашу?

- Нет-нет, только кофе. Они мне переворотили все внутренности.

Она завозилась с кофейником. Не глядя в его сторону, спросила:

- Когда же все-таки ты ее видел в последний раз? В час или в два?

- Сейчас вспомню, - ответил он, подняв глаза к потолку. - Я спустился на кухню этак в обед, не так ли? Вот тогда, кажется, я ее и видел... А может, и не видел... Зато точно помню, что слышал, как она кормила детей и затем укладывала их спать. Потом я поднялся, оделся, а когда снова спустился, ее уже не было.

- После этого ты ее больше не видел?

- Что ты хочешь сказать этим? Куда ты гнешь, черт возьми?

- Ты же собирался подбросить ее в Линн...

- Ну так что?

- Вот я и подумала, не подобрал ли ты ее на автобусной остановке? А то, может, столкнулся с ней в самом Линне...

Краска гнева залила его смуглое лицо. Он медленно встал из-за кухонного стола.

- Давай, давай. Выкладывай теперь все. На что ты

намекаешь?

Она немножко испугалась, но зашла слишком далеко, чтобы отступить.

- Ты думаешь, я не видела, как ты пожирал ее глазами? Откуда я знаю, что ты не встречался с ней, когда она была выходная? А то даже здесь, когда меня дома не было?

- Вон оно что! Стоит мне посмотреть на девушку, и все - я уже сплю с ней. А потом, когда она мне надоела, я взял и убил ее. Вот это ты хотела сказать? Теперь осталось только, чтобы ты выполнила свой гражданский долг и пошла в полицию...

- Ты же знаешь, Джо, что я этого никогда не сделаю. Я только подумала, что, может быть, кто-нибудь видел тебя с ней. Тогда я могла бы сказать, что это вы по моему поручению поехали.

Он схватил сахарницу со стола.

- Мне бы следовало разбить тебе голову за это!

- Да? Только не вздумай разыгрывать передо мной целку, Джо, - завизжала она. - И не говори мне, что не стал бы волочиться за домработницей. Я видела, как ты сажал ее в машину с детьми, и как ты увивался вокруг нее, когда помогал ей сойти. Мне ты почему-то никогда не помогаешь. Я наблюдала за вами вот из этого самого окна. А Глэйдис ты забыл? С ней у тебя тоже ничего не было? Разве она не ходила совершенно голая у себя в комнате, пока ты тут распивал кофеи при почти открытых дверях? И сколько раз...

В дверь позвонили. Вошел Хью Лэниген.

- Миссис Серафино? Мне нужно спросить вас кое о чем.

II

ЭЛИС ХАСКИНС, ПРОЖИВАВШАЯ ПО УЛИЦЕ БРИН-МОР 57, мать двух детей и в ожидании третьего, провела начальника полиции в гостиную. Пол был весь обтянут светло-серого цвета ковром, мебель - модерная датская, как-то странно изогнутая, из полированного тикового дерева и парусины, но сиделось в ней в высшей степени удобно. Пластина из черного ореха на

стеклянных ножках служила кофейным столиком. На одной из стен висела большая абстрактная картина, смутно напоминающая женскую голову, а на второй - маска из черного дерева с тщательно выведенными чертами лица в белом. Повсюду стояли хрустальные пепельницы и почти все они были доверху забиты окурками. Это было одно из тех помещений, которое могло выглядеть красивым, но только при условии, что оно было бы тщательно убрано и все лежало бы на своем месте. Меж тем в комнате царил настоящий балаган: на полу валялись игрушки, красный детский свитер повис на кресле из гнутой стали, обтянутой белой кожей, на камине стоял недопитый стакан молока, на диване валялась помятая газета.

Миссис Хаскинс, маленького роста и худенькая, если не считать выпирающего живота, заковыляла к дивану, смахнула газету на пол и села. Похлопав рукой место рядом, она пригласила Лэнигена сесть тоже, придвинула к нему хрустальную сигаретницу и сама тоже взяла сигарету. Лэниген было потянулся к красивой настольной зажигалке, стоявшей на столике, но она коротко бросила:"Не работает" и поднесла ему зажженную спичку.

- Силия вышла с детьми, но должна вот-вот вернуться.

- Мне не к спеху, - сказал Лэниген и подошел прямо к делу: - Скажите,она очень дружила с Элспет?

- Силия дружит со всеми, мистер Лэниген. Она из тех дурнушек, что берут добротой. Что-то же должно быть и у некрасивой девушки. Некоторые берут умом да участием во всякого рода кампаниях, а некоторые - добродушием и чуткостью. Силия принадлежит ко второй категории. Она веселая, добродушная и прямо души не чает в детях. И они в ней тоже. Я их только произвожу на свет, заботится же о них - и то с самого начала - она, Силия.

- Она у вас уже давно?

- Еще с первых родов. Мы ее наняли, когда я была на последнем месяце.

- Значит, она намного старше Элспет?

- Господи, еще бы! Силии двадцать восемь, а то и двадцать девять уже.

- Она с вами разговаривала об Элспет?

- О, да. Мы с ней разговариваем обо всем. Понимаете, она не просто прислуга, но мы с ней как бы

друзья. Понимаете, хотя образование у нее и не ахти какое, зато у нее уйма здравого смысла. Она кончила всего семь или восемь классов, но кое-где побывала и разбирается в людях. Элспет она жалела. Впрочем, Силия всех жалеет. В данном случае, однако, не без основания, кажется. Эта Элспет была здесь совершенно чужая и это, конечно, не остается без последствий. К тому же она была очень робкая: никуда не ходила, ни с кем не знакомилась. Силия играет в кегли, ходит летом на танцы, а зимой на каток, но сколько она ни уговаривала Элспет, та никогда не соглашалась пойти тоже. Только изредка она брала ее с собой в кино, зато в будни они много бывали вместе - с детьми, конечно. А вот, чтобы пойти погулять - на это Элспет ни за что не соглашалась.

- Вы, верно, не раз говорили с Силией о ней?

- Конечно. Силия думала, что у нее натура такая робкая - такие вещи бывают, - а может, у нее платья не было подходящего. Лично я думаю, что знакомые Силии были чересчур уж стары для Элспет.

Лэниген порылся в кармане и достал любительскую фотографию Элспет с детьми.

- Эту фотографию дала мне миссис Серафино. Другой в доме не было. Как по-вашему - похоже?

- О, вполне.

- Понимаете, мы хотим опубликовать ее в газете...

- С детьми?

- О, нет. Ее одну.

- Что ж, общественное мнение должно быть в курсе дела, - сказала она сухо, - но только я не думала, что это дело полиции.

- О, дело обстоит как раз наоборот, - засмеялся Лэниген. - Мы не столько хотим помочь прессе, сколько рассчитываем на то, что она поможет нам. Может быть, нам удастся реконструировать, как она провела вчерашний день.

- О, извините, пожалуйста!

- Так как же, по-вашему? Эта фотография подходит?

Она еще раз взглянула на карточку.

- Да, очень похоже. Элспет была очень милая девушка, вы не находите? Полненькая, но отнюдь не толстая. К тому же я видела ее чаще всего с детьми, без пудры и помады, без прически. Где вы видели женщину, которая выглядела бы привлекательно, когда она возится со шваброй или с детьми? Я ее только

один раз видела в вечернем платье,на высоких каблуках,причесанную, и она выглядела очень, очень мило. Она только что было поступила на работу к Серафино. А, вспомнила! Это было в феврале, в день рождения Вашингтона.У нас были два билета на бал полицейских и пожарников, и мы их, конечно, отдали Силии...

- Конечно, - пробормотал Лэниген.

- Так вот, - заколебалась она, покраснев. - Простите, пожалуйста!

- Не стоит извиняться, миссис Хаскинс. Все отдают эти билеты - чаще всего прислуге.

- Ну, так вот, - продолжала миссис Хаскинс. - Как и следовало ожидать,Силия пригласила не кого-нибудь из своих друзей, а Элспет. Она пришла тогда к нам, потому что муж обещал подбросить их на бал.

У парадного послышался шум, и миссис Хаскинс сказала:

- Это Силия с детьми.

Чуть не вырвав дверь из петель, двое детей ворвались в гостиную, и Хью Лэниген угодил вдруг в настоящий водоворот: двое детей, миссис Хаскинс и рослая, некрасивая Силия. Обе женщины пытались раздеть детей, снять с них накидки и свитера.

- Я пойду накормлю их, Силия, - сказала миссис Хаскинс, - а вы сможете поговорить с этим джентльменом. Он пришел по делу бедной Элспет.

- Я Хью Лэниген, начальник полиции, - представился он, когда они остались в гостиной одни.

- Я вас знаю. Видела вас на балу. Вы тогда возглавили с женой Большой круг. Она у вас красавица.

- Благодарю вас.

- И умница тоже. Сразу видно, что голова у нее варит.

- Варит? О, я понял. Да-да, вы совершенно правы. Вы, я вижу, неплохо разбираетесь в людях, Силия. А какого вы были мнения об Элспет?

- Что ж, - ответила Силия, подумав. - Все считали ее тихой такой, робкой. Но внешность часто бывает обманчивой.

- Что вы хотите сказать этим?

- Ну, она была скорее гордой, чем робкой, хоть и не выпячивала свою гордость. Так как у нее никого здесь не было, а я здесь уже давно, то и взяла ее под свою опеку. Как-то миссис Хаскинс дала мне эти два билета на бал, я ее и взяла с собой. И что вы

думаете? Она очень весело провела тогда вечер. Не пропустила ни одного танца, а в перерыв у нее даже кавалер появился.

- Она действительно была веселая?

- Ну, она, конечно, не хохотала все время, но мне было ясно, что ей хорошо.

- Начало, что и говорить, многообещающее.

- Увы, это было не столько началом, сколько концом. С тех пор я много раз пыталась взять ее с собой на танцы, на вечеринки, но она так и не пошла со мной ни разу. У меня масса друзей и я запросто могла бы взять ее с собой хоть каждый четверг - даже подобрать ей кавалера, - но она ни в какую не соглашалась.

- Вы ее ни разу не спросили - почему?

- Спрашивала, конечно. Но она всегда отвечала,что то нет настроения, то устала, то голова болит, то ей надо вернуться домой пораньше.

- Может быть, она действительно чувствовала себя неважно...

- Да бросьте! Какая же девушка отказывается пойти на танцы только потому, что у нее болит голова? Я сначала подумала, что у нее нет подходящего платья, но потом мне пришла другая мысль. - Понизив голос, она продолжала: - Как-то я сидела у нее и ждала пока она оденется - мы собирались с ней в кино.Она была уже почти одета. Осталось только причесаться. Пока она возилась с прической, я взглянула на вещи, которые лежали на столе. Там была и такая цветная коробка, а в ней - множество шпилек, брошек, булавок; знаете, как у всех девушек. Я не то чтобы порылась, а все-таки заметила там и золотое обручальное кольцо. Я ей тогда и сказала: "Ты никак замуж собираешься, Элси?" Просто в шутку так. Она тогда густо покраснела, захлопнула коробку и сказала, что это ее матери кольцо.

- Вы думаете, она была замужем, но никто об этом не знал?

- Это многое бы объяснило, не так ли?

- Возможно. А что думала об этом миссис Хасинс?

- Я ей ничего не сказала об этом. Раз сама Элси держала это в тайне, то мне тем более не следовало говорить об этом. А то миссис Хаскинс рассказала бы кому-нибудь еще, узнали бы Серафино, и Элспет могла бы тогда лишиться места. Правда, невелика потеря,

и я ей даже не раз говорила, что ей надо бы подыскать себе другое место.

- А что, разве миссис Серафино относилась к ней нехорошо?

- Нет, почему же? По-моему, относилась неплохо. Они, конечно, не дружили, как дружим мы с миссис Хаскинс, но это вообще бывает очень редко. Все же мне не нравилось, что ей приходится оставаться по ночам одной с детьми, да еще и комната была у нее прямо внизу.

- Она что же, боялась?

- Я точно знаю, что поначалу боялась. Потом она, кажется, привыкла. Место у нас приличное, тихое, так что бояться и впрямь нечего.

- Я понимаю. Теперь расскажите, пожалуйста, про вчерашний день. Вы знали,куда она собиралась пойти?

- Я ее не видела с самого вторника, - покачала она головой, но тут же что-то, видно, вспомнила. - Мы тогда вышли с детьми погулять. Она что-то сказала, будто чувствует себя неважно и собирается сходить к врачу. Потом сказала, что заодно сходит и в кино. Точно, в "Элизиум"; я еще предупредила, что там идет очень длинная картина, но она ответила, что все равно успеет на последний автобус и что нисколько не боится возвращаться домой так поздно. И вот, то самое, чего я боялась и против чего предостерегала, то и произошло... - Ее одолели слезы, и она принялась вытирать их платочком.

Дети вернулись в гостиную и таращили глаза на дядю, доводящего их Силию до слез. Один из малышей подбежал к Силии и обнял ее, а второй, которой постарше, бросился со своими маленькими кулачками на Лэнигена.

- Успокойся, малыш, - засмеялся тот, пытаясь угомонить рассвирепевшего мальчика.

- Он, верно, подумал, что это вы довели Силию до слез, - сказала миссис Хаскинс, появившаяся в дверях. - Ну, не душка ли? Поди к маме, Стивн.

Наконец-то детей уняли и снова увели.

- Скажите, пожалуйста, - опять начал Лэниген, когда они остались одни, - а почему вы тогда испугались вдруг в четверг?

- Как, то есть, почему? Да я бы сама ни за что не стала возвращаться так поздно одна. Расстояние, правда, небольшое, но совершенно темно, а тут еще

эти деревья - нет, страшно все-таки.

- Может быть, у вас была какая-то особая причина?

- А что, разве этой причины недостаточно? - Ее снова одолели слезы. - Такая молодая и чистая. Ее предшественница, Глэйдис, была не многим старше Элси, а все же с ней я никогда по-настоящему не дружила, хоть мы и частенько ходили вместе гулять. Та никогда ни перед кем не терялась, но Элспет... - Она так и не закончила фразу, но тут же взволнованно спросила: - Скажите мне правду, над ней не... не надглумились? Я слышала, будто ее нашли совершенно голую.

- Нет, - покачал Лэниген головой. - Мы никаких таких следов не обнаружили. И вовсе она не была голая, а вполне прилично одета.

- Я рада, - сказала она просто.

- Впрочем, вы сможете прочесть обо всем в вечерних газетах. - Он встал. - Вы нам очень помогли, и я уверен, что если вы вспомните что-нибудь еще, вы дадите нам знать.

- Непременно! - воскликнула она и в порыве чувств протянула ему руку. Лэниген пожал ее и, к немалому своему удивлению,почувствовал, что рука у нее сильная, как у мужчины. Он направился к двери, но ему вдруг пришла одна мысль, и он остановился:- Кстати, как относился к Элспет мистер Серафино? Он не позволял себе лишнего?

- Да, с вами надо держать ухо востро! - воскликнула она, бросив на него восхищенный взгляд.

- Ну, так как?

- Он был к ней неравнодушен, - кивнула она. - Правда, он делал вид, будто совершенно ее не замечает, он даже почти с ней не разговаривал, но так и пожирал ее глазами, когда ему казалось, что никто не видит. Он, знаете, из тех, кто одними глазами раздевает девушку догола. Глэйдис говорила об этом не раз, но ей это даже доставляло удовольствие.

- И что же с ней было?

- О, миссис Серафино возревновала и уволила ее. Вообще, когда женщина начинает ревновать, она чаще всего права.

- Почему же она не наняла няню постарше?

- А где вы найдете женщину постарше, которая согласится возиться с детьми, работать шесть дней в неделю и ложиться только в два или в три утра?

- Да, вы, пожалуй, правы.

- А кроме того, нанимает-то не она одна...

12

ЛЕЙТЕНАНТ ИБЕН ДЖЕННИНГС ИЗ Барнардз-Кроссингской полиции был угловатый мужчина лет шестидесяти без малого, с вечно слезящимися голубыми глазами, которые он поминутно вытирал платочком.

- Что ты будешь делать! - сказал он, когда Хью Лэниген вошел в кабинет. - Как только июнь на дворе, так они у меня начинают слезиться и текут до самой зимы.

- Это, видимо, аллергия какая-нибудь. Надо сходить к врачу.

- Да разве я не ходил? Еще года два назад. Он установил, что я чувствителен к целой куче вещей, но среди них не было ни одной, которая была бы характерна как раз для июня. Боюсь, что у меня аллергия к курортникам.

- Могло быть, но ведь они появляются лишь к концу июня.

- Правильно. А может, глаза у меня предчувствуют их появление? Ну как, узнал что-нибудь?

Лэниген бросил на стол фотографию, которую ему дала миссис Серафино.

- Мы отдадим это газетчикам. Вдруг что-нибудь получится...

- Да, дурнушкой ее не назовешь, - сказал Дженнингс, вглядываясь в фотографию. - Во всяком случае куда красивее, чем была сегодня в морге. Лично я, знаешь, люблю полненьких. Никакого сравнения с этими костлявыми дамочками, как это модно нынче. По-моему, женщина без округлостей - вообще не женщина, если ты понимаешь, что я имею в виду.

- Я понимаю, что ты имеешь в виду, Ибен.

- У меня тоже есть новости, Хью. Поступила медицинская экспертиза. - Он протянул начальнику лист бумаги. - Прочти-ка вот этот абзац.

- Ого, девица была на втором месяце, - тихонько присвистнул Лэниген.

- Да. Кто бы мог подумать! Кто-то, видно, сыграл с ней в голопузики.

- Да, теперь дело принимает совершенно новый оборот. Все, кто знал ее, в том числе миссис Серафино, ее подруга Силия и миссис Хаскинс, считали ее ужасно робкой. Никакого мужчины вроде не было. Зайди на минуточку, Билл, - бросил он полицейскому, который как раз проходил мимо.

- Да, сэр. - Уильям Нормэн был молодой человек серьезного, делового вида, с темными волосами. Хотя он и знал Хью Лэнигена с самого раннего детства и они называли друг друга по имени, все же - и это было характерно для Нормэна - он встал по стойке смирно, когда к нему обратился начальник.

- Садись, Билл.

Нормэн сел на один из стульев, но всем своим видом показывал, что внутренне он сохранил стойку смирно.

- Прости, пожалуйста, что мне не удалось отпустить тебя вчера ночью, но не было замены, хоть ты убейся. В день помолвки даже полицейскому полагается выходной.

- О, все в порядке,сэр. Элис ничуть не обиделась.

- Да, Элис чудная девушка и из нее получится чудесная жена. Впрочем, все семейство чудесное.

- Да, сэр. Благодарю вас.

- С Бэдом Ремзеем я вместе рос, и Пегги я тоже помню в детских штанишках. Немножко они старомодные и уж очень строгие по части нравственности, но вообще - соль земли, только и могу сказать. И они, ты прав, нисколько не обиделись, что даже в день помолвки ты отправился на службу, а даже, я уверен, наоборот.

- Элис мне потом сказала, что немного погодя все начали расходиться, так что и потерял-то я очень немного. Ремзеи вообще не любят засиживаться допоздна, - добавил он, слегка покраснев.

- Ну-ка, посмотрим, - нагнулся Лэниген над столом, где под стеклом лежал график. - Ты вышел в обход ровно в одиннадцать.

- Да, сэр. Я ушел в половине одиннадцатого, чтобы надеть форму. Патрульная машина подбросила меня на Эльм-сквер за несколько минут до одиннадцати.

- И ты патрулировал от Марпль- до Вайн-стрит?

- Да, сэр.

- Ты знаком с рабби Смоллем?

- Мне его как-то показали. С тех пор я его видел

не раз.

- А вчера ночью? Он говорит, что ты ему попался навстречу, когда он шел домой из синагоги. Примерно в половине первого.

- Нет, сэр. После того как я проверил все двери в Гордонском блоке - это было где-то в двенадцать с четвертью - и до часу мне никто не попадался.

- Странно. Раввин говорит, что ты с ним даже поздоровался.

- Нет, сэр, не вчера. Мы с ним встретились поздно ночью несколько дней тому назад, я с ним тогда действительно поздоровался, но не вчера.

- Ну ладно. Что ж ты сделал, когда дошел до синагоги?

- Проверил, заперта ли дверь. Во дворе стояла машина, и я осветил ее фонариком. Затем я отбил время в ящике.

- И ничего необычного ты не заметил? Не слышал?

- Нет, только машину. Да и необычного тут мало.

- Окей, Билл. Спасибо. - Лэниген отпустил его.

- Раввин утверждает, что видел Билла? - спросил Дженнингс, когда Нормэн вышел.

Лэниген утвердительно кивнул.

- Но ведь он врет. Зачем,Хью? Ты думаешь, это он?

- Раввин? Весьма непохоже, - покачал Лэниген головой.

- Почему же? Ведь вот соврал же он насчет Билла. Значит, он не был там, где говорит, что был. А это опять-таки значит, что он мог быть там, где говорит, что не был.

- С какой стати ему врать, когда нам так легко проверить? Нет, в этом нет никакого смысла. Вернее всего, он что-то спутал. Он ученый, Ибен. Его голова витает Бог знает где. У него как раз сидел президент синагоги, когда пришел Стэнли и доложил, что прибыли какие-то книги. И что,ты думаешь,он сделал? Встал, поехал в синагогу и просидел там со своими книгами до полуночи. Ничего удивительного нет, если он и спутал. Ему ведь Нормэн все-таки встретился, хоть и не вчера, а несколько дней назад. А ему почему-то показалось, что это было вчера.

- А по-моему, уже одно то, что он ушел из дому, когда у него сидел гость - президент синагоги, к тому же, - довольно странно. Он говорит, что просидел всю ночь за книгами. Но откуда мы знаем, что

он не был с девушкой в кабинете? Взвесь улики, Хью. Медицинский эксперт установил, что смерть наступила около часу ночи. Прикинь минут двадцать в ту и другую сторону. Раввин признает, что он был там в это время.

- Нет, он сказал, что без двадцати час он уже был дома.

- А что, если он и тут мухлюет? Не на много,всего минут на пять, на десять. Никто его не видел, так что проверить его показания нельзя. Сумку-то девушки мы в его нашли машине... Добавь к этому еще то, - Дженнингс многозначительно поднял указательный палец, - что он не пошел сегодня утром в синагогу. Почему не пошел? Не потому ли, что ему не хотелось присутствовать при обнаружении трупа?

- Да ну тебя, Ибен! Он ведь раввин, духовное лицо...

- Ну так что? Он мужчина, не так ли? А как же тот священник в Салеме несколько лет назад? Отец Дематопулос, кажется. Разве у него не было тогда скандала из-за девчонки?

- То было совершенно другое дело, Ибен, - с отвращением на лице сказал Лэниген. - Во-первых, ничего у него с той девушкой не было. А во-вторых, он ведь православный священник, и ему вполне разрешается жениться. Не только разрешается, но он, кажется, даже обязан жениться. Все дело было в том, что ее родня хотела заставить его жениться.

- Ну, я не помню всех подробностей, - упорствовал Дженнингс. - Зато хорошо помню, что скандал был немалый.

- Никакого скандала не было. Все дело было в том, что люди думали, будто священнику вообще не разрешается жениться, а тем более ухаживать за девушкой. Но это только римско-католическим священникам не разрешается. Меж тем он был православным священником, а такому вполне можно и жениться, и ухаживать за девушкой.

- А по-моему, ни один мужчина не застрахован от соблазна, когда речь идет о женщине. От этого его не защитит никакой сан. От любого другого преступления - воровства, грабежа, подлога - защитит, но только не от преступления,где замешана баба. Вполне допускаю, что священнику,пастору,раввину наплевать на деньги, или что они не поддадутся соблазну, но

из-за женщины легко потеряет голову даже католический священник. Меня в этом не разубедишь.

- Вот тут ты, может быть, и прав.

- А потом, если не раввин, то кто же?

- Ну, мы только начали расследование. Но даже сейчас подозревать можно очень и очень многих. Возьми хотя бы того же Стэнли. У него ключ от синагоги. У него там койка в подвале. Вся стена у него там увешана голыми бабами.

- Да, бабник он тот еще...

- А о том ты забыл, что труп ведь нужно было перенести. Меж тем девушка была не из легких,а раввин отнюдь не богатырь. Совсем другое дело Стэнли.

- Это-то так, но разве стал бы он подбрасывать сумку в машину раввина?

- А почему нет? Впрочем, может быть, они сами сидели в машине. Ведь шел дождь, а у его собственного примуса нет верха. И вот еще что. Допустим, что убийца встречался с девушкой не раз - она ведь забеременела, не так ли, - то кому же легче было скрыть связь с ней: раввину или Стэнли? У раввина, правда, отдельный кабинет в здании синагоги, но если бы он водил туда девушку, то Стэнли об этом пронюхал бы за одну какую-нибудь неделю, тем более что он убирает все здание каждое утро. Если же бы Стэнли водил ее к себе в подвал, то раввин и за год ничего бы не заметил.

- Правда твоя, Хью. Кстати, он тебе что-нибудь рассказал?

- Говорит, что выпил пару бокалов пива в "Каюте" и пошел домой. Он живет у мамы Скофильд. Его, однако, никто не видел, он мне сам об этом сказал. Он вполне мог встретиться с девушкой, когда ушел из "Каюты".

- Мне он рассказал то же самое. Может, нам следовало бы вызвать его и допросить с пристрастием?

- А на каком основании? Просто ты спросил, кто же,если не раввин, вот я и назвал его. Если хочешь, я назову тебе еще. Возьми-вот Джо Серафино. Он мог переспать с девушкой в собственном доме. Ведь хозяйство ведет сама миссис Серафино, она же и по магазинам ходит. Девушка была у них только няней. Таким образом, возможностей уединиться, когда хозяйки не было дома, у них было сколько угодно. Да если бы хозяйка и вернулась неожиданно, дверь

девушкиной комнаты закрывается изнутри на задвижку. Миссис Серафино никак не могла бы войти к ним через кухню, а Джо преспокойно мог бы скрыться через заднюю дверь. Это объяснило бы и то странное обстоятельство, что у девушки не было ни хахаля, ни вообще друзей. Зачем они ей, коли она живет с самим хозяином? Оно же объяснило бы и то, что на девушке не было платья, а только пальто поверх рубашки. Она обязательно была дома,так как в шкафу нашли платье, которое она носила вчера. Положим, что Джо зашел к ней украдкой и уговорил пройтись с ним немножко.Шел дождь, так что ей все равно нужно было надеть пальто. Вот она его и надела прямо на комбинацию. Если допустить, что они были в интимных отношениях, то он видел ее, конечно, еще и не такой, то есть даже вовсе без комбинации. Миссис Серафино крепко спала и понятия ни о чем не имела и не имеет.

- Вот это, Хью, звучит весьма и весьма правдоподобно, - загорелся Ибен. - Они могли выйти погулять, а когда они подошли к синагоге, дождь полил с особенной силой. Понятно, что, заметив на стоянке машину раввина, они в ней и укрылись.

- Больше того, как Стэнли, так и Силия, ближайшая подруга Элспет, если не единственная, оба намекнули, что Джо Серафино был неравнодушен к убитой. А у меня такое чувство, что миссис Серафино сама боится, как бы ее муж не оказался замешанным. Жаль, что мне не удалось поговорить с ним с первым сегодня утром.

- А я-вот поговорил. Мы его разбудили и потащили в морг: там он и опознал девушку. Он был расстроен, это правда, но не больше, чем был бы любой другой на его месте.

- А какая у него машина?

- Спортивный Бьюик.

- Что-то я не видел машины.

- Давай, Хью, вызовем его и зададим парочку вопросов.

- И что получится? - засмеялся Лэниген. - Он тебе скажет, что был в своем клубе с восьми вечера до двух утра, и это подтвердит добрый десяток официантов и несколько десятков посетителей.Ты это оставь, Ибен. Я хотел только показать тебе, что если задаться вопросом, кто м о г бы убить девушку, то таких возможных убийц уйма. А почему бы не Силия?

Она была единственной подругой Элспет. К тому же она рослая, сильная; поднять и понести труп ей ничего не стоило бы.

- Но ты забываешь, что девице кто-то сделал ребенка. И уж никак не Силия, какая бы она ни была рослая и сильная.

- Ничего я не забываю. Ты полагаешь, что тот, кто сделал ей ребенка, тот ее и убил. Но это вовсе не обязательно. Предположим на минутку, что у Силии есть какой-то хахаль и что он одновременно баловался и с Элспет. Допустим дальше, что она от него забеременела, и Силия узнала об этом. Она мне сама призналась, что Элспет ей что-то говорила, будто чувствует себя неважно последние дни и собирается сходить к врачу. Она могла сама догадаться, в чем дело, либо же Элспет ей все рассказала. У нее ведь, кроме Силии, никого здесь не было, а между тем ей очень хотелось поделиться с женщиной постарше. Она даже могла рассказать ей, от кого именно забеременела, так как могла и не знать, что он живет одновременно и с Силией.

- Но ведь у Элспет не было хахаля!

- Это Силия так говорит. Миссис Серафино тоже так считает и упомянула лишь о каких-то письмах, которые Элспет получала регулярно, кажется, из Канады. И еще: ведь Силия тоже была вчера выходная, вернулась, я уверен, поздно, когда миссис Хаскинс уже спала. Представь на минутку, что, увидев свет в окошке у Элспет, она зашла к ней, чтобы порасспросить: ей ведь было известно, что та была у врача. Элспет только что удостоверилась, что она на самом деле беременна, ей ужасно не терпится поделиться с кем-нибудь, вот она все и рассказала. Силия уговаривает ее набросить на себя пальто - если с подругой, то ей и впрямь незачем было надевать платье, - и они вышли погулять немножко. Когда они подошли к синагоге, полил сильный дождь, вот они и укрылись в машине раввина. Тут-то Силия, может быть, и узнала, кто отец, и в припадке бешенства схватила цепочку сзади и задушила ее.

- У тебя еще кто-нибудь значится в списке?

- Для начала хватит и этих, - улыбнулся Хью.

- Все-таки я по-прежнему голосую за раввина, - упорствовал Ибен.

Как только Лэниген вышел, раввин пошел в синагогу. Он понимал, что помочь он ничем не может, но все-таки считал своим долгом быть там, раз замешана синагога.

Из окна кабинета он наблюдал, как полицейские что-то вымеряли, фотографировали, искали. Небольшая толпа зевак - в основном мужчин - окружила стоянку и жадно ловила каждое слово,произносимое кем-нибудь из полицейских. Он удивился, как это столько собралось народу в рабочее время, но потом заметил, что люди все время менялись. То кто-нибудь останавливал машину, вылезал и толкался несколько минут, то останавливался пешеход; люди приходили и, постояв некоторое время, уходили восвояси.

Впрочем, смотреть было не на что. Однако раввин все-таки не отходил от окна. Он опустил жалюзи, но так, что мог видеть все, оставаясь сам невидимый. У его машины стоял полицейский в форме и не давал подходить никому. Всюду шныряли корреспонденты и фоторепортеры, и раввин забеспокоился - вдруг они узнают, что он здесь, и поднимутся взять с него интервью. Он не имел ни малейшего понятия, чего бы он мог сказать им и следовало ли ему говорить с ними вообще. Он их, пожалуй, отошлет к мистеру Вассерману, который, в свою очередь, отошлет их к адвокату, представляющему интересы конгрегации. Но ведь такая уклончивость - не вызовет ли она кривотолки и подозрения?

Когда в дверь наконец постучали, это были не репортеры, а полиция. Высокий мужчина со слезящимися глазами представился как лейтенант Дженнингс.

- Стэнли сказал мне, что вы здесь.

Раввин предложил ему стул.

- Нам бы хотелось забрать вашу машину в гараж полиции. Ее нужно хорошенько осмотреть, а в гараже никто мешать не будет.

- Пожалуйста, лейтенант, заберите.

- У вас есть адвокат, рабби?

- Зачем он мне?

- Ну, вообще-то это не мое дело, но мы предпочитаем делать все честь по чести. Если бы у вас был адвокат, он бы вам, может быть, подсказал, что вы не обязаны отдавать нам машину, если не хотите. Тогда бы нам пришлось выхлопотать сначала ордер в суде, что, кстати, не так уж и трудно...

- Да ради Бога, лейтенант! Если вы думаете, что осмотр моей машины в вашем гараже наведет вас на какой-нибудь след, то забирайте на здоровье.

- Ключи у вас с собой?

- Конечно. - Раввин снял ключи от машины с кольца, лежавшего на столе. - Вот этот - от зажигания, этот - от внутреннего отделения, а этот - от багажника.

- Сейчас напишу вам расписку.

- Не нужно никакой расписки.

Из окна раввин видел, как лейтенант сел в машину, завел мотор и уехал. Вслед за этим начала расходиться, к его удовольствию, и толпа.

В течение дня он несколько раз пытался позвонить Мирьям, но линия была все время занята. Он позвонил к мистеру Вассерману в контору, но там сказали, что его нет и сегодня, пожалуй, уже не будет.

Он раскрыл одну из книг, лежавших на столе, нашел что-то интересное и что-то записал на листочке. Затем он что-то сверил в другом томе, опять что-то записал и вскоре с головой ушел в занятия.

Зазвонил телефон. Это была Мирьям.

- Я три или четыре раза пытался позвонить тебе, но линия была все время занята, - сказал он.

- Я сняла трубку с рычага, - пояснила она. - Как только ты ушел, они все как с цепи сорвались: звонят беспрестанно и спрашивают, нет ли чего-нибудь нового, не требуется ли какая-нибудь помощь. Один даже сказал, что тебя как будто арестовали. Вот тогда-то я и сняла трубку с рычага. Все же, когда звонят, какой-то шорох все-таки слышно, и я все время боюсь, что, может быть, кто-нибудь звонит по действительно важному делу. Тебе никто не звонил?

- Ни одна живая душа, - хихикнул он. - Думаю, никому теперь не охота иметь какие бы то ни было дела с барнардз-кроссингским врагом номер один.

- Да ну тебя! Ничего смешного в этом нет. - Помолчав, она добавила: - Что ж теперь будет?

- Что ты имеешь в виду?

- Ну, знаешь, неприятно все-таки... Мистер Вассерман позвонил и предложил перебраться на время к нему.

- Глупости! Сегодня у нас наступает суббота, и я собираюсь встретить ее у себя дома за своим собственным столом. Не тревожься, все уладится. Я приду

вовремя, мы поужинаем и пойдем в синагогу, как всегда.

- А что ты сейчас делаешь?

- Работаю над своим Маймонидом.

- Обязательно сегодня? - В ее голосе звучало раздражение.

- А почему бы нет? - удивился он. - Какие у меня еще могут быть дела?

13

К УЖАСУ ЖЕНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, приготовившей угощение как обычно, на вечернее богослужение пришло в четыре,а то и в пять раз больше народу, чем всегда по пятницам.

Догадываясь о причинах, вызвавших этот прилив религиозной активности, раввин был ему не очень рад. Он сидел на возвышении у амвона и с некоторой злостью твердо решил про себя совершенно не коснуться в проповеди происшедшей трагедии. Делая вид, будто он весь поглощен молитвенником, он украдкой поглядывал в зал, где полно было людей, которых он никогда не видел здесь по пятницам. Кивал он и улыбался лишь постоянным прихожанам,точно хотел поблагодарить их за то, что они пришли на богослужение не из обывательского любопытства,как те другие.

Так как Мира возглавляла женскую организацию, Шварцы всегда приходили по пятницам. Обычно они сидели сзади, в шестом или седьмом ряду. На этот раз, однако, хотя Бен и сел на свое обычное место, Мира проследовала дальше и села во втором ряду, рядом с женой раввина. Она придвинулась к ней вплотную, похлопала ее по руке и что-то сказала на ухо. Мирьям застыла сначала, но потом улыбнулась все-таки.

Раввин все это заметил и был тронут неожиданными знаками внимания президентши женской организации. Однако, подумав, он понял истинное значение этой демонстрации. Так обычно выказывают сочувствие и успокаивают жену попавшего под подозрение. Это же, может быть, было также лишним стимулом ко внезапной активности конгрегации. Хотя кое-кто пришел в надежде, что он, может быть, скажет что-нибудь об убийстве, но немало было, верно, и таких, кому

хотелось посмотреть - не обнаружит ли раввин каких-либо признаков вины? Хранить молчание, как он было решил, и ни словом не коснуться этого дела, было нельзя. Это могло вызвать кривотолки.

В проповеди, правда, он так и не коснулся убийства, но потом, когда служба подходила уже к концу, он сказал:

- Прежде чем те из нас, кто в трауре сегодня, встанут и произнесут Кадиш, мне хотелось бы напомнить вам истинное значение этой молитвы.

Все, затаив дыхание, нагнулись вперед. Наконец-то он все-таки заговорит.

- Принято считать, - продолжал раввин, - что произнесением Кадиша мы выполняем долг перед дорогим усопшим. Однако, если вы внимательно прочтете эту молитву либо английский перевод рядом, то убедитесь, что в ней не содержится ни малейшего упоминания ни о смерти, ни об упокое души усопшего. Она является скорее провозглашением веры в Бога, в Его могущество и славу. Но в таком случае, где же смысл этой траурной молитвы? Почему ее произносят лишь в случае траура? И почему она произносится вслух, тогда как все остальные молитвы произносятся про себя? Ключ к истинному смыслу этой молитвы мы найдем, может быть, в еврейском восприятии самого понятия об избавлении. Эта молитва произносится не ради усопших, а ради живых. Ею человек, только что понесший тяжелую утрату, во всеуслышание провозглашает, что он по-прежнему верует в Бога. И все-таки евреи настойчиво верят, что Кадиш - это молитва, произнесением которой мы выполняем свой долг перед усопшим. А так как у нас традиция имеет силу закона, то я прочту сегодня Кадиш по одной усопшей, которая не состояла членом нашей конгрегации, которая не принадлежала даже к нашей вере, по усопшей,о которой мы знаем очень мало, но чья трагичная смерть переплелась с жизнью нашей общины...

По дороге домой раввин и его жена разговаривали мало. Наконец он сказал:

- Я заметил, как миссис Шварц подошла к тебе и выразила тебе свое сочувствие.

- Все-таки она добрая, Дэйвид, и побуждения у нее были самые чистые. - Помолчав, она тревожно добавила: - О, Дэйвид, мне все это ужасно не нравится.

- Мне, пожалуй, тоже, - тихо ответил он.

14

В СУББОТУ РЕЛИГИОЗНОГО ВООДУШЕВЛЕНИЯ НЕ СТАЛО: на утреннее богослужение пришли все те же два десятка мужчин, которые всегда приходили. Вернувшись из синагоги, раввин застал дома ожидавшего его начальника полиции Лэнигена.

- Мне очень не хотелось нарушить вашу субботу, рабби, но мы просто не можем прекратить расследование. В полиции, увы, нет праздников.

- Все в порядке. Наша религия тоже отдает предпочтение экстренной необходимости перед ритуальными требованиями.

- Мы закончили осмотр вашей машины. Кто-нибудь из моих ребят пригонит ее вам завтра, а то, если будете в городе, сможете забрать сами.

- Чудесно.

- Теперь мне бы хотелось проверить с вами все то, что мы нашли в машине. - Он достал из портфеля несколько целлулоидных коробочек, помеченных чернилами. - Вот это мы нашли под передним сиденьем, - сказал он, вываливая содержимое коробочки на стол. Там была кое-какая мелочь, квитанция гаража за какой-то ремонт машины несколько месяцев тому назад, обертка от пятицентовой конфетки, маленький еврейско-английский календарик и целлофановый женский берет.

- Это все наше, - сказал раввин, взглянув на предметы. - Берет, кажется, принадлежит жене. Впрочем, почему бы вам не спросить у нее для вящей верности?

- Уже спрашивал.

- За обертку и за мелочь я не ручаюсь, но конфету я съел. Она была вполне кошерной. Что же касается календарика, то я их получаю перед Новым годым десятками. - Он выдвинул ящик стола. - Вот еще один.

- Ладно, - сказал Лэниген, вкладывая предметы обратно в коробочку и вываливая на стол содержимое следующей: - А вот это мы нашли в мусорнике под щитком приборов. - Там были несколько помятых бумажных салфеток со следами помады, палочка от мороженого и пустая коробка из-под сигарет.

- Нормально, - сказал раввин.

- Похоже на помаду жены?

- Это уж лучше вы у нее спросите, - улыбнулся раввин.

- Уже спрашивал. Вроде ее, - буркнул Лэниген и вывалил на стол третью коробочку, содержавшую предметы, найденные во внутреннем отделении: помятый пакет бумажных салфеток, губная помада, несколько дорожных карт, молитвенничек, карандаш, пластмассовая шариковая ручка, дюжина карточек, карманный фонарик и помятая пачка сигарет.

- И это нормально, - сказал раввин. - За помаду я даже могу поручиться, так как когда жена ее купила, я еще сказал ей, помнится, что ей бы цены не было, если бы стекляшки, которыми она украшена, были настоящие. Она заплатила за нее доллар или полтора, а посмотрите, сколько на ней "бриллиантов".

- Они продаются десятками тысяч, так что вы не можете быть уверены, что ваша жена купила именно эту палочку.

- Нет, конечно. Но это было бы уж очень странное совпадение.

- Совпадения случаются самые странные, рабби. Убитая пользовалась той же помадой. Да и странного тут нет ничего. Эта помада очень популярна, в особенности среди блондинок.

- Она, значит, была блондинкой?

- Да, она была блондинкой. На фонарике, рабби, мы не обнаружили никаких отпечатков пальцев...

- Последний раз я его держал в руках, - ответил раввин, подумав, - когда вытирал его от помады. Понятно, что стер и отпечатки.

- Осталось еще содержимое пепельниц. В пепельнице заднего сиденья всего один окурок со следами помады. В передней пепельнице - около десятка окурков. Те же сигареты и та же помада. Видно, жена оставила. Вы ведь не курите?

- Если бы я даже курил, помады во всяком случае на окурках не оставил бы.

- Тогда у меня все. Мы попридержим эти вещи некоторое время, если не возражаете.

- Держите сколько угодно. А как идет расследование вообще?

- Продвигается помаленьку. Вчера мы еще многого не знали. Медицинский эксперт с точностью установил, что глумления никакого не было, зато обнаружил нечто другое: девица была беременна...

- Она что же - была замужем?

- Вот этого мы с точностью еще не знаем. Брачного свидетельства мы среди ее бумаг не нашли, зато в сумке, которую нашли в вашей машине, лежало обручальное кольцо. Миссис Серафино считает, что она не была замужем, но если бы она и была, она бы, конечно, не призналась в этом хозяйке, так как могла потерять место.

- Да, это объясняет и тот факт, что она носила кольцо не на пальце, а в сумке. При встречах с мужем она, возможно, надевала кольцо, а потом, дома, снимала.

- Вполне возможно.

- А тому вы нашли объяснение, каким образом ее сумка вдруг оказалась в моей машине?

- Убийца мог подбросить ее нарочно, чтобы навести подозрения на вас. Вы никого не знаете, рабби, кто был бы на это способен?

- В конгрегации немало, конечно,таких, кто не питает ко мне особых симпатий, - покачал раввин головой, - но я не вижу среди них ни одного, кто был бы способен на такое дело, а тем более - на убийство. Кроме же членов общины я здесь никого не знаю.

- Вы, пожалуй, правы. Но если никто сумку не подложил, то это может означать только то, что сама девушка просидела некоторое время в вашей машине. И уже только потом ее почему-то, - может,убийца заметил все-таки, что у вас горит свет, - перенесли во двор.

- Я тоже так думаю.

- Существует еще один вариант, рабби, - улыбнулся Лэниген, - который мы обязаны принять во внимание, так как он согласуется с известными нам фактами.

- Кажется, я догадываюсь, о каком варианте идет речь. Когда Стэнли пришел ко мне домой, чтобы доложить о прибытии книг, я, мол, воспользовался этим предлогом, чтобы выйти из дому и встретиться с этой девицей,с которой у меня якобы была интимная связь. Встречались же мы в синагоге, в моем кабинете. Я ждал, ждал, но она все не приходила, и я решил вернуться домой. Но как раз когда я выходил, она вдруг появилась. Так как дверь захлопнуло, мы сели с ней в машину. Тут-то она мне и сказала, что она беременна, и потребовала, чтобы я развелся с женой и женился на ней. Поэтому я ее задушил, перенес труп

на газон за стеной и преспокойно пошел себе домой.

- Звучит, конечно, нелепо, но что касается места и времени - не абсолютно невозможно. Если бы мне предложили пари, я бы поставил один против миллиона. Тем не менее, если вы собираетесь поехать куда-нибудь, то я бы попросил вас воздержаться пока.

- Я понимаю, - ответил раввин.

Лэниген уже взялся за ручку двери, но вдруг обернулся.

- О, чуть не забыл, рабби. Ночной дежурный Нормэн говорит, что никто не встретился ему в ту ночь, в том числе и вы. - Увидев изумленное лицо раввина, он усмехнулся и вышел.

15

ВСЕ СУББОТНИЕ ГАЗЕТЫ ПРИВОДИЛИ ФОТОГРАФИЮ Элспет Блич, и уже в шесть часов вечера к Хью Лэнигену стали стекаться результаты. Это его нисколько не удивило. Ведь девушка вышла из дому сразу пополудни, и ее, конечно, видели очень многие. Некоторые начали звонить сразу, другие, пожалуй, подумают, прежде чем связаться с полицией.

Первым позвонил врач из Линна. Он сказал, что молодая женщина была у него в четверг после обеда. Назвала она себя миссис Элизабет Браун. Оставила адрес и номер телефона. Улица была указана правильно, но в номере дома цифры были переставлены. Телефон же она указала Хаскинсов. Врач заявил, что он обследовал пациентку, нашел ее здоровье отличным и установил, что она в первой стадии беременности. Расстроенная? Не больше, чем многие его пациентки в подобном положении. Некоторые приходили в восторг, узнав, что они беременны, но были и такие, которые хоть и состояли в законном браке, а все-таки расстраивались.

Не говорила ли она о том, что собирается делать вечером? Нет, он в этом уверен. Может быть, она поговорила с секретаршей, но та уже ушла. Если это нужно, он позвонит и спросит ее. Ему сказали, что это было бы желательно, и он сказал, что позвонит.

Почти сразу после доктора позвонила и секретарша. Увидев фотографию в газетах, она ее тут же узнала. Да, она пришла на прием к доктору в четверг днем.

Нет, ничего необычного она не заметила. Планы? Нет, молодая женщина ничего такого не сказала. Впрочем, да! Уходя, спросила, откуда можно позвонить по телефону. Секретарша предложила ей свой телефон, но та предпочла автомат.

Затем последовала целая серия звонков от всевозможных людей. Некоторые видели ее в линнских магазинах, где она вполне могла быть; другие якобы видели в более отдаленных городах, где она, вероятно, вовсе и не была. Позвонил работник какой-то бензозаправки и сказал, что видел ее на заднем сиденье мотоцикла, который заехал заправиться и заодно навести какую-то справку. Заведующий какого-то увеселительного парка позвонил из Нью-Хэмпшира и упорно утверждал, что она была у него в три часа дня и искала у него работу.

Лэниген не отходил от телефона до семи часов. Отправляясь домой ужинать, он строго-настрого приказал немедленно соединить его, если поступят еще звонки, касающиеся Элспет Блич. К счастью, таких звонков больше не было, так что ему удалось спокойно поесть. Он только кончил, как в дверь позвонили. Он пошел открывать и впустил Агнессу Грэшэм, хозяйку ресторана "Прибой".

Миссис Грэшэм была видная дама, несмотря на ее шестьдесят лет. Тщательно уложенные белоснежные волосы подчеркивали ее благородную внешность. Она вела себя с достоинством, подобающим одной из самых преуспевающих деловых женщин города.

- Я позвонила в отделение, а там мне сказали, что вы ушли домой. - В ее тоне слышался легкий укор.

- Войдите,Эджи. Может, чашечку кофе?

- Я к вам по делу, - сухо ответила она.

- Нет такого закона, который запрещал бы выпить чашечку кофе даже при деловой беседе. Может, чего-нибудь покрепче?

На этот раз она отказалась уже не с такой резкостью и села на предложенный стул.

- Что ж, Эджи, не хотите - как хотите.Дело-то, по которому вы пришли, касается меня или вас?

- Оно касается вас, Хью. Эта девушка, чья фотография в газетах, ужинала у меня в ресторане в четверг вечером.

- В котором часу, примерно?

- Этак между половиной восьмого - я как раз

сменила у кассы Мэри Трамбаль, чтоб она смогла поужинать, - и восемью.

- Это точно, Эджи?

- Совершенно точно. Я обратила на девушку особое внимание.

- Из-за чего?

- Из-за мужчины, который был с ней.

- Вот как? Вы можете описать его?

- Около сорока лет, смуглый, из себя видный. Поужинав,они вышли и сели в большой синий Линкольн, который стоял перед самым входом.

- А почему вы обратили такое пристальное внимание именно на эту пару? Они что же - спорили между собой, ссорились?

- Я обратила на них внимание, потому что знаю его, - раздраженно ответила она.

- Кто же он такой?

- Фамилии я не знаю, но знаю, где работает. Свою машину я купила в агентстве Форда, у Бекера; там я его и видела за столом, когда зашла как-то по делу.

- Вы нам очень помогли, Эджи. Я вам очень благодарен.

- Я только выполнила свой долг.

- Конечно, конечно!

Как только она вышла, он позвонил к Бекеру домой.

- Говорит миссис Бекер. Мистера Бекера нету дома. Может быть, я смогу помочь?

- Может быть, и сможете, миссис Бекер. - Назвав себя, Лэниген спросил: - У кого из служащих вашей фирмы синий Линкольн?

- У мужа тоже Линкольн, но черный.

- Нет, мне нужен синий.

- О, тогда это, наверно, компаньон мужа, Мельвин Бронштейн. У него как раз синий Линкольн. А что? Что-нибудь случилось?

- Нет, все в порядке, мадам.

Затем он позвонил лейтенанту Дженнингсу.

- Что-нибудь получилось у Серафино?

- Так себе. Однако кое-что я все-таки узнал. Симпсоны, которые живут напротив, видели поздно ночью в четверг большую машину у самого дома Серафино.

- Синий Линкольн?

- Откуда ты знаешь?

- Неважно. Ты вот что, Ибен. Срочно явись в отделение. Нам предстоит работа.

Когда он приехал в отделение, Ибен Дженнингс был уже там. Сообщив ему все, что рассказала Эджи Грэшэм, он распорядился:

- Мне срочно нужен портрет этого Мельвина Бронштейна. Отправляйся немедленно в редакцию линнского "Экзаминера".

- А почему ты думаешь,что у них есть его портрет?

- Потому что Бронштейн живет в Гров-Пойнте и у него автомобильный магазин. Он, значит, важная шишка и обязательно входит в какой-нибудь комитет. Не может быть, чтобы его портрет не появился в газете. Поройся там и собери все, что у них имеется о нем; главное же - достань четкую фотографию и вели размножить. Мне нужно штук шесть.

- Мы сообщим этот материал газетам?

- Нет. Как только ты мне принесешь фотокарточки, ты, а может, еще Смит и Гендерсон - я посмотрю график и подберу людей - подадитесь на автострады номер 14, 68 и 119. Остановитесь у каждого мотеля, покажете фотографию Бронштейна и узнаете - не останавливался ли он у них за последние месяцы. По спискам мы ничего не узнаем, так как вряд ли он сообщал свою настоящую фамилию.

- Ничего не понимаю.

- А что тут понимать? Представь, у тебя была бы девушка. Куда бы ты с ней подался?

- В какой-нибудь амбар...

- Чепуха! Ты бы поехал за город и остановился в каком-нибудь мотеле. Эта девушка была беременна. Вполне может быть, что она понесла на заднем сиденье машины, но куда вероятнее, что в каком-нибудь мотеле поблизости.

16

В ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЫДАЛОСЬ ЯСНОЕ, СОЛНЕЧНОЕ УТРО. Небо было чистое, без единого облачка, а с моря дул легкий ветерок. Идеальная погода для гольфа, и уже по одежде членов правления, приехавших в синагогу, можно было безошибочно определить, что как только закроют заседание, они тут же смотаются к клюшкам.

Они входили в зал парами, тройками, и Джэйкоб Вассерман понял, что проиграл. Он это ясно видел уже по одному числу явившихся на заседание - почти

полный состав правления. Он это видел по тому, как они дружески здоровались с Элом Бекером, и как те немногие, что обещали еще подумать, избегали даже смотреть в его сторону. Да и один вид всего этого собрания не оставлял места сомнениям. Подавляющее большинство правления принадлежало к одной и той же категории: прилизанные, преуспевающие бизнесмены и специалисты, вступившие в конгрегацию главным образом потому, что общественное положение их к этому обязывало; люди, привыкшие во всем к одному лишь первоклассному, одинаково относящиеся к какому-то неряшливому раввину, как к какому-нибудь бестолковому мелкому служащему. Все это сквозило также в их плохо скрытом нетерпении поскорее покончить с этим нудным делом, чтобы можно было предаться удовольствиям. Старик жестоко казнил себя теперь за то, что он допустил, чтобы все эти люди были назначены членами правления. Он поддался тогда увещеваниям строительного комитета,хлопотавшего о каждом из кандидатов - дескать, если его включить в правление, он, глядишь, и отвалит для нужд синагоги порядочную сумму.

Он призвал собрание к порядку и зачитал протокол предыдущего заседания. Когда он покончил с отчетами различных комитетов, в зале послышался вздох облегчения. Вассерман приступил к главному пункту повестки дня и подчеркнул важность продления договора с раввином.

- Прежде чем приступить к прениям, - закончил он, - мне бы хотелось обратить ваше внимание на то, что хотя раввин, на мой взгляд, мог бы найти гораздо лучшее место, (это, конечно, была чистая отсебятина) он все же готов остаться у нас. Из всех членов нашей общины я поддерживаю с раввином наиболее близкий контакт, и, принимая во внимание, что я возглавляю ритуальный комитет, это вполне естественно.Большинство из вас видит раввина лишь во время его выступлений: когда он руководит богослужением или произносит речь. В его функции входит, однако, масса дел более частного характера. Возьмите бракосочетания, например. В этом году пришлось сочетать браком невесту нееврейского происхождения. Пришлось вести продолжительные беседы с родителями как жениха, так и невесты. А когда невеста решила перейти в еврейство, раввин прочитал ей курс лекций

об основах нашей религии. Он проводит личные беседы с каждым юношей перед Бар-мицвой. В качестве председателя ритуального комитета я могу заверить вас, что мы вместе готовим каждое богослужение. Он поддерживает постоянный контакт с директором религиозной школы. А кроме того, к нему обращаются десяткида что я говорю? - сотни людей извне: евреи, христиане, организации, которые частенько не имеют ничего общего с нашей синагогой, задают вопросы, вносят предложения, выдвигают проекты, и все это нужно внимательно изучить, на все нужно ответить. Я бы мог продолжать в этом духе все утро, но тогда вы не успеете на гольф.

В зале послышались одобрительные смешки.

- Большинство из вас не имеет ни малейшего понятия об этой стороне деятельности раввина. Зато мне она очень хорошо известна. И я должен сказать, что раввин справляется со всем этим еще даже лучше, чем мы на это рассчитывали, когда нанимали его.

Эл Бекер поднял руку и получил слово.

- Я вовсе не уверен, что это так уж хорошо, чтобы раввин, который получает зарплату от нас, который призван обслуживать в первую очередь нас, занимался делами, не относящимися непосредственно к нашей синагоге. Но, может быть, наш уважаемый президент тут несколько преувеличивает. - Он нагнул вперед свою бычью выю, уперся кулаками об стол, окинул взглядом зал и, повысив голос, продолжал: - Должен сказать, что едва ли найдется среди вас кто-нибудь, кто питал бы к Джейкобу Вассерману, нашему уважаемому президенту, более глубокое почтение, чем питаю я. Я ценю его как человека, высоко ценю его усилия, направленные на благо нашей конгрегации, я уважаю его честность и преклоняюсь перед его мнением. Если он мне скажет,к примеру: "Вот этот человек - хороший", я готов поставить десять против одного, что так оно и есть. И когда он говорит,что наш раввин - хороший человек, то мне и в голову не придет не соглашаться с ним. И все-таки, - Бекер воинственно выдвинул подбородок, - я скажу, что для нашей общины он не подходит. Пускай он как раввин и великолепен, но не в нашей конгрегации. Я знаю, он ученнейший человек, однако в данный момент нам ученость ни к чему. Мы являемся частью населения нашего города.В глазах наших христианских соседей и друзей мы - одна из

религиозных организаций города, и нам нужен человек,который достойно представлял бы нас перед этими нашими соседями и друзьями. Человек, способный производить впечатление на трибуне, наладить нужные общественные связи, подобающим его положению образом. Директор средней школы сказал мне доверительно, что в будущем году он намеревается поручить торжественную речь на выпускной церемонии духовному руководителю нашего храма. И вот, представьте себе нашего раввина на сцене, в неглаженных брюках,измятом пиджаке, взъерошенный, с болтающимся галстуком, рассказывающий, как он это любит, анекдоты из Талмуда, которых сразу и не поймешь, - нет,друзья, как вы себе хотите, а это будет сплошной позор для всей нашей общины.

Слово было предоставлено Эйбу Райху.

- Я долго говорить не буду, а скажу только вот что. Я очень хорошо понял, что имеет в виду мистер Вассерман, говоря, что, помимо своих обычных функций, раввин занят еще и целым рядом других дел. Мне выпала честь взглянуть лично на эту сторону его деятельности, и разрешите мне заверить вас, что дело, о котором шла тогда речь, имело для меня исключительное значение. Должен сказать, что с тех пор я смотрю на работу нашего раввина совсем другими глазами и питаю к нему самое глубокое уважение. Может быть, он действительно не Бог весть какой оратор, но когда он обращается к нам с проповедью, он говорит дело, и до меня во всяком случае его слова доходят очень и очень. А по-моему, это куда важнее, чем если бы кто-нибудь разыгрывал перед нами какую угодно роль и потчевал нас какими угодно высокими словами. Наш раввин, по крайней мере, говорит искренне, чего я не могу сказать, увы, о многих знаменитых раввинах, которых мне доводилось слушать.

Доктор Пирлстейн взял слово, чтобы поддержать своего друга Эла Бекера.

- Мои пациенты то и дело спрашивают меня - нельзя ли им воспользоваться рецептом,который я им выписал год назад, или выписал какому-нибудь их знакомому, страдающему приблизительно той же болезнью. И каждый раз мне приходится объяснять им, что добросовестный врач выписывает рецепт в строго индивидуальном порядке, принимая во внимание индивидуальные особенности пациента в данный момент.

- Стаканчик виски всегда можно прописать любому и каждому, - бросил кто-то, и врач включился в общий смех.

- А хочу я сказать этим то же самое, что сказал Эл Бекер. Ведь никто ж не говорит, что раввин у нас неуч или ханжа. Весь вопрос в том, соответствует ли он специфичным требованиям нашей конгрегации на данном этапе. Является ли он тем индивидуальным рецептом, который прописал бы врач в этой ситуации?

- Ну, врачей на свете много...

Все загалдели, и Вассерману пришлось несколько раз ударить ладонью по столу.

Один из тех, кто присутствовал на правлении впервые, поднял руку и получил слово.

- Вот что,друзья. Что толку в этих прениях? Когда обсуждаешь проект какой-нибудь,то чем больше высказывается мнений, тем яснее все становится. Однако. когда речь идет о живом человеке, разговоры совершенно ни к чему:все только еще больше запутывается. Мы все знаем раввина, каждый из нас знает очень хорошо - хочет ли он его,или не хочет. А раз так, то препираться нечего, а нужно проголосовать.

- Правильно!

- Давайте голосовать!

- Одну минутку, - прогремел знакомый всем голос Эйба Кессона, который приобрел свои ораторские навыки на бесчисленных политических митингах.- Прежде чем приступить к голосованию, мне бы хотелось сказать вам несколько слов о положении вообще. - Он встал со своего места и вышел вперед, так чтобы быть на виду у всех. - Я не буду касаться вопроса о том,хороший ли у нас раввин,или плохой.Зато скажу о тех самых общественных связях, которые упомянул мой друг Эл Бекер. Как вы все, конечно, знаете, когда епископ назначает католического священника в какой-нибудь приход, он там и остается до тех пор, пока сам епископ его оттуда не отзовет. Если же он приходится какому-нибудь прихожанину не по душе, то прихожанин этот волен... выйти из общины. В протестантских общинах дело обстоит несколько иначе, но и у них пастора не выгонишь просто так, а лишь, если он в чем-нибудь провинился, и провинился крепко. - Он несколько понизил голос и продолжал более непринужденно. - Ну, вы знаете, конечно, что вот уже десять лет, как я бессменно председательствую в

республиканском комитете округа, так что мне очень хорошо известно, что думают о нас наши христианские друзья и соседи. Им совершенно непонятно, как это еврей может вдруг восстать против своего раввина только потому, что ему не нравится шляпа, которую носит его жена. Для нас же это нечто само собой разумеющееся. Как политический деятель с тех самых пор, как я себя помню, я хорошо знаком с положением дел во всех конгрегациях: Линна, Салема и даже Бостона. Когда нанимают нового раввина, друзья старого раввина автоматически становятся в оппозицию к новому. Уж так у нас принято и мы все это знаем. А вот христиане этого никак не понимают. Если же мы теперь возьмем и выгоним раввина, они обязательно подумают, что у нас на это веские причины. А какая причина придет им на ум? Давайте, друзья, подумаем над этим. Всего несколько дней назад во дворе синагоги нашли убитую девушку. Все знают, что в это самое время раввин сидел у себя в кабинете. Во дворе стояла его машина, а в машине нашли сумку убитой. Все мы знаем, конечно, - и полиция знает тоже, - что раввин тут совершенно ни при чем...

- А почему, собственно? Вдруг это он и есть, - крикнул кто-то из зала.

В зале воцарилась гробовая тишина, и уже одно это свидетельствовало о том, что та же мысль, пусть и не в такой резкой форме, приходила на ум кое-кому еще.

Эйб Кессон выпрямился и нагнулся вперед.

- Стыдно, друзья! Я знаю всех сидящих в этом зале. Я уверен, что в глубине души никто из нас не сомневается, что уж кто кто, а наш раввин никак не мог совершить это ужасное преступление. Вы мне, надеюсь, поверите, что в качестве председателя выборного комитета в пользу избрания нашего районного прокурора на последних выборах, я в курсе дела того, что думает полиция. И я вам со всей ответственностью заявляю, что у них нет и тени подозрения против раввина. Однако... - здесь он многозначительно поднял указательный палец, - приходится принимать во внимание и такой вариант. Больше того, если бы он не был раввином, он был бы сегодня подозрительным номер один. - Он вытянул ладонь, загибая пальцы по мере перечисления пунктов. - В его машине нашли сумку, это раз. Он был на месте

преступления, это два. Он был там в критические часы, причем один, - по крайней мере, ни о ком другом ничего пока не известно, - вот вам три. Он, правда, уверяет, что сидел все время у себя в кабинете, но приходится верить ему на слово. Других подозреваемых пока нет никого. - Он выразительно оглянул зал. - И вот, не прошло и двух дней с того трагичного случая, и мы его увольняем. Как это выглядит с точки зрения общественных связей, Эл? Что подумают наши христианские друзья и соседи, когда узнают, что спустя всего лишь два дня после того как раввин навлек на себя подозрение - пусть и не полиции, - его выгоняет вон его же конгрегация. Что ты им скажешь, Эл? Что мы его выгнали не из-за этого, а потому что он ходил в измятых штанах?

Эл Бекер встал на ноги. От его самоуверенности не осталось и следа.

- Мне бы хотелось кое-что добавить к тому, что я уже сказал. Так вот. Лично против раввина я ничего не имею. Решительно ничего. Я имел в виду одни лишь интересы синагоги. Но если бы то, что только что сказал Эйб, могло бы склонить чашу весов, то есть, если в результате его увольнения ему могли бы пришить это убийство - вернее запутать его еще больше, чем он запутался сам, то я скажу нет. Однако мы все знаем, что полиция даже не подумает обвинить раввина, совершенно независимо от того, уволим ли мы его, или не уволим. Если же мы его теперь не уволим, то он будет сидеть на нашей шее еще год.

- Одну минуточку, Эл, - снова заговорил Кессон. - Все-таки ты ничего, я вижу, не понял. Я вовсе не о раввине хлопочу. Мне важно не то, что люди подумают о раввине, а подумают о нас, обо всей нашей конгрегации. Некоторые, естественно, скажут,что мы уволили раввина, потому что подозревали его в убийстве. И тут же они сделают вывод - хороши же у них раввины, коли их же конгрегации так легко подозревают их в убийстве! Другие скажут: Чепуха! Нелепо подозревать раввина! Но и им придется сделать вывод, а именно: Хороши, мол, эти евреи! Они настолько не доверяют друг другу, что чуть что, и они готовы выгнать вон собственного духовного руководителя. Согласись, что в стране, где человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не доказана, все это выглядит уж очень нехорошо. Теперь ты понял,Эл?

Я не о раввине хлопочу, а обо всех нас.

- Пускай так, но я все-таки не буду голосовать за продление договора, - буркнул Бекер, сев на свое место и скрестив руки на груди, словно ему ни до чего больше дела нет.

- Чего мы тут спорим? - заговорил вдруг один из тех, кого Бекер притащил на правление, чтобы проголосовать против раввина.- Я прекрасно понимаю Эйба, но понимаю и Эла. Одного лишь я не понимаю: почему мы должны решить этот вопрос именно сегодня? Почему нам не отложить его до будущего воскресенья? Полиция действует нынче быстро. К тому времени она,глядишь, распутает это преступление. В худшем же случае мы сможем отложить потом еще раз...

- В худшем случае, откладывать, небось, вовсе уже не придется, - мрачно промычал Эйб Кессон.

17

ДЖЕЙКОБ ВАССЕРМАН БЫЛ НАСТОЛЬКО УВЕРЕН, что дело раввина гиблое, что ему никак не удавалось скрыть свое удовлетворение от неожиданного поворота дел.

- Поверьте мне, рабби, - сказал он, - теперь все образуется,вот посмотрите.Впереди еще целая неделя, а то и две. Допустим, полиция ничего за это время не добьется. Что ж, мы и тогда отложим голосование? Не-ет! Я ни за что согласия не дам. Сколько же можно! - скажу я им. Да и нечестно это. Ведь раввин мог бы подыскать себе другое место! Я уверен, что они со мной согласятся. Но если полиция к тому времени даже задержит убийцу, вы думаете, что Элу Бекеру удастся собрать всех еще раз? Ни в коем случае! Уж поверьте мне, я этих людей знаю: сам не раз пытался собрать их всех. Это ему удалось один раз. Второй раз у него, небось, ничего уже не получится. При обычном же составе правления,наше дело в шляпе.

- Все же у меня такое чувство, - уныло возразил раввин, - будто меня им навязали. Пожалуй, мне теперь следовало бы самому подать заявление. Все-таки нехорошо цепляться за место силой. Раввину это уж вовсе не к лицу...

- Да вы что! У нас в конгрегации человек триста. Если провести общее голосование, вы бы запросто

получили большинство. Подавляющее большинство членов проголосовало бы за вас, я в этом уверен. Правление же это - оно отнюдь общины не представляет. Их просто назначили членами правления. Я же и назначил, вернее не их, а выборную комиссию, а уж она включила их, по моему указанию, в список. Общее же собрание, как водится, проголосовало список "в целом". А включили мы их в правление,потому что надеялись, они что-то сделают для синагоги, либо потому, что они несколько богаче остальных. Однако представляют они - лишь самих себя и никого больше. Бекер первый попросил их проголосовать так, как ему было нужно, они и пообещали. Но если он обратится к ним еще раз, то ничего у него уже не выйдет.

- Знаете, мистер Вассерман, - засмеялся раввин, - одной из излюбленных тем для дискуссии - в шутку, разумеется, - была в семинарии: каким образом раввин может упрочить свое положение в общине? Лучше всего, конечно, жениться на богатой невесте. Тогда община чувствует,что ему все равно - уволят ли его, или не уволят. Это дает раввину огромное психологическое преимущество. Если, вдобавок, невеста очень богата, то у него еще и совершенно иное общественное положение, с чем весьма считаются - если и не сами члены конгрегации, то тем более зато их жены. Другой способ состоит в том,чтобы написать популярную книгу. Тогда вся конгрегация кичится тем, что у нее, дескать, такой раввин. Шутка ли? - Раввин - известный автор! Можно также пускаться в местную политику, так чтобы приобрести вес в глазах всего населения. Раввина "со связями" практически невозможно уволить. И вот теперь я смог бы предложить новый способ: навлечь на себя подозрение в убийстве. Замечательное защитное средство на случай увольнения.

Однако, направляясь к машине после визита у мистера Вассермана, раввин был отнюдь не веселый. Дома он уныло следил глазами за Мирьям, которая прибирала дом после обычного воскресного обеда:поправляла вазу с фруктами на кофейном столике, взбивала подушки на диване, смахивала пыль со столов, полок и ламп.

- Ты ждешь гостей?

- Никого в особенности. Но по воскресеньям люди обычно заходят днем, тем более в такую погоду. Ты

бы лучше надел пиджак на всякий случай.

- Сказать тебе правду, мне порядком надоела как сама конгрегация, так и раввинские мои обязанности. Кстати, Мирьям, мы с тобой уже почти год живем в Барнардз-Кроссинге, а еще ни разу не походили по-настоящему по городу. Давай устроим себе отпуск. Обуй что-нибудь поудобнее, спустимся автобусом в Старый город и пошатаемся немножко.

- И что мы там будет делать?

- Ничего не будем делать. Но если тебе нужен предлог, то сможем зайти в полицейский гараж и забрать машину. Лично мне никакого предлога не нужно, я хочу просто пошататься по узеньким, кривым переулкам Старого города, как турист какой-нибудь. Городок довольно интересный, и история у него тоже весьма интересная. Известно ли тебе, что Барнардз-Кроссинг основала шайка сорви-голов - в основном моряки и рыбаки,- не пожелавшая мириться с засилием строгой пуританской теократии. С тех пор как Хью Лэниген мне кое-что рассказал об этом, я немножко покопался и сам. Они не очень чтили здесь субботу, у них довольно долго даже церкви не было в городе либо пастора. А мы с тобой думали, что это строгая, ультраконсервативная община... Понимаешь, Барнардз-Кроссинг выработал какую-то особую независимость, какую не часто встретишь в остальных городах Новой Англии. То есть у большинства городов Новой Англии независимые традиции, но лишь в том смысле, что все они активно участвовали в революции. Здесь же бытуют еще и традиции независимости от самой Новой Англии. Впрочем, удивительного в этом мало: город расположен ведь на самом краю материка, так что народ с недоверием относится ко всему свету. Давай сходим, а?

Они доехали на автобусе до Старого города, а оттуда пошли пешком, поминутно останавливаясь, как только им попадалось что-нибудь интересное. Они зашли в мэрию, посмотрели на старые боевые знамена, выставленные вдоль стен в специальных стеклянных витринах, прочитали несколько бронзовых мемориальных табличек. Вдруг они натолкнулись на группу туристов с экскурсоводом, присоединились к ней и шли, пока группа не вернулась к своему автобусу. Потом шатались по главной улице, останавливались у витрин антикварных магазинов, подарочных, долго любовались

чудесной витриной морской лавки, с ее урезами, медными судовыми приборами, компасами, якорями. Потом они нашли небольшой скверик, с которого открывался вид на гавань, сели на скамейку и просто сидели и смотрели на воду, на лодки, грациозно идущие под парусами, на скутеры, бороздившие воду; они не разговаривали, а только смотрели и наслаждались мирным морским пейзажем.

Наконец они встали, отправились на поиски полицейского гаража и тут же заблудились. Целый час они переходили из одного тупика в другой, с такими узкими тротуарами, что двое на них помещались с трудом. С обеих сторон стояли каркасные домики, почти впритык друг к другу, но сквозь узкие щели все-таки можно было видеть маленькие старомодные садики позади домов, с гладиолусами, розами и подсолнухами, деревцами и вьющимися растениями. Им то и дело приходилось поворачивать назад. Вот они опять попали в такой частный тупичок, с редкими кирпичными домами, позади небольших палисадников, огороженных штакетником. За домами виднелось уже море, а в одном месте на воде покачивалась привязанная лодка. Немного дальше они заметили на берегу и хозяина такого дома, принимавшего солнечную ванну, и почувствовали себя так, будто они непрошенно ворвались в чужой дом. Они даже понизили голос.

Солнце нещадно жгло, и они порядком устали. Спросить дорогу было не у кого: дома находились в глубине дворов, и всюду торчал штакетник. Открыть калитку, пройти метров двадцать по дорожке, постучать в запертую террасу, казалось им неприличным. Вся атмосфера указывала здесь на то, что люди нарочно оградили себя от соседей - не столько из враждебности, сколько из стремления к уединению.

Совершенно неожиданно они вышли вдруг на улицу, идущую параллельно с берегом, а через квартал перед ними открылась главная улица. Они прибавили шагу, чтобы не упустить ее из вида и снова не заблудиться, но когда они уже почти дошли, их вдруг окликнул Хью Лэниген, сидевший у себя на террасе.

- Может, зайдете на часок, друзья? - крикнул он.

Они не заставили себя просить.

- Я думал, вы работаете, - сказал раввин с усмешкой. - Или вы уже успели распутать дело?

- Надо же и полицейскому перевести дух, - ответил

Лэниген, тоже с улыбкой. - Впрочем, телефон у меня и дома под боком.

Терраса была просторная, удобная, на ней стояли даже кресла. Они только уселись, как вошла и миссис Лэниген, стройная седеющая женщина в свитере и брюках.

- Может, выпьете стаканчик, рабби? - осторожно спросил Лэниген. - Кажется, вам это не запрещено...

- Нет, в нашей религии нет сухого закона. Стаканчик, которым вы хотите меня угостить, я полагаю, того же зелья, что и ваш?

- Точно. И никто вам не приготовит такого коктейля, как моя жена.

- Ну, как идет расследование? - спросил раввин, когда миссис Лэниген вернулась с подносом.

- Делаем успехи, - дружелюбно ответил начальник.- А как ваша конгрегация?

- Делает успехи, - сказал раввин с улыбкой.

- Кажется, у вас там неприятности...

Раввин вопросительно взглянул на него, но ничего не сказал.

- Послушайте, рабби, - засмеялся Лэниген. - Хотите, я прочту вам лекцию о том, как работает полиция нынче? В крупных городах вы чаще всего найдете то, что мы называем "преступным миром". Этот-то мир и ответствен за большинство совершаемых преступлений, и им-то полиция в основном и занимается. Как же она следит за ним? Главным образом через осведомителей. В городке же, подобном нашему, нет преступного мира. Есть несколько хронических бузотеров, но контроль за ними мы осуществляем тем же способом - через осведомителей. Правда, наши осведомители - не штатные. Просто, мы прислушиваемся к сплетням, так мы и узнаем обо всем, что творится в городе, в том числе и в вашей синагоге. Я знаю, например, что сегодня на заседание приехало свыше сорока человек. Вернувшись домой, они, естественно, рассказали обо всем своим женам. И разве могут восемьдесят человек держать в тайне что-нибудь, что, к тому же, вовсе тайной и не должно быть? Нет, рабби, как вы себе хотите, а в нашей церкви куда больше порядка. У нас слово священника закон.

- Неужели он настолько умнее и лучше всех остальных?

- Как правило,они люди толковые, потому что отбор

довольно тщательный. Попадаются, конечно, и плохие, но не в этом суть. Суть в том, что если вы хотите, чтобы у вас была дисциплина, то кому-то нужно подчиняться беспрекословно.

- Как раз в этом и заключается разница между нами. Мы всячески поощряем не беспрекословное подчинение, а критическое отношение.

- Даже в вопросах веры?

- От нас никакой особой веры и не требуется. Даже то немногое, во что мы веруем: существование, скажем, Всемогущего, Всеведущего, Вездесущего Бога, и это не запрещено подвергать сомнению. Мы утверждаем лишь, что это никуда не ведет. Но у нас нет никаких обязательных символов веры. Когда я, например, получил СМИХА - по-вашему, посвящение, - меня даже не спросили, верую ли я вообще, и никакой клятвы я не давал.

- Вы хотите сказать, что вы вовсе и не посвящены?

- Лишь в той мере, в какой я себя чувствую посвященным.

- Тогда чем же вы отличаетесь от своей паствы?

- Они вовсе не являются моей паствой, - засмеялся раввин, - во всяком случае, не в том смысле, что я, мол, ответствен за них перед Богом. У меня и вообще ответственности, - а также привилегий, - не больше, чем у любого другого члена общины старше тринадцати лет. Отличаюсь я от них лишь тем, что я, вероятно, разбираюсь лучше в наших законах и традициях, чем средний член конгрегации. Вот и все.

- Но ведь вы управляете богослужением...

- Это может делать любой взрослый мужчина, - перебил его раввин. - Мы даже, в виде чести, поручаем творение молитвы любому гостю либо новичку.

- Но ведь вы благословляете их, посещаете больных, жените, хороните их...

- Я женю их лишь потому, что местные гражданские власти уполномочили меня на это; я посещаю больных, потому что это вообще доброе дело. Впрочем, этот обычай ввели ваши же священники и пасторы. Что же касается благословения, то в ортодоксальных конгрегациях этим делом занимаются те из членов конгрегации, которые происходят от первосвященника Аарона. В консервативных синагогах, подобных нашей, это, правда, делают раввины, но если разобраться, они узурпируют это право.

- Теперь я понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите, что вы не духовное лицо, - медленно протянул Лэниген. Ему вдруг пришла мысль. - Но как же вы тогда держите конгрегацию в узде?

- Как вам известно, это у меня не так уж и получается, - горестно улыбнулся раввин.

- Я не это имел в виду, рабби. То есть не ваши личные затруднения, а то, каким же образом вы их удерживаете все-таки от греха?

- Я вас понял. Вы хотите знать, как же все-таки система работает? Что ж, благодаря тому, я думаю, что мы внушаем каждому в отдельности, что он лично отвечает за свои поступки.

- Свободный выбор? У нас это тоже есть.

- Да, но у нас это немножко не так. Вы, правда, предоставляете своим верующим свободную волю, но все-таки оказываете им поддержку, когда они почему-либо спотыкаются. У вас священник есть, который, выслушав исповедь, властен прощать грех. У вас целая иерархия святых, которые могут заступиться за согрешившего, и у вас есть, наконец, чистилище, где опять-таки можно заслужить прощения. Я мог бы добавить, что у вас есть еще рай и ад, и это тоже помогает исправить прегрешения, совершенные в этой жизни. У нас же ничего этого нет. Наши добрые дела могут быть совершены только в этой жизни, и так как помощи ждать неоткуда, и никто за нас не заступится, то обо всем приходится думать самому.

- А разве вы не верите в рай, в жизнь за гробом?

- Не особенно. На наши верования повлияли, конечно, и все остальные, как повлияли они и на ваши. Бывали периоды в нашей истории, когда возникали и верования в жизнь за гробом, но и тогда они сильно отличались от ваших. Для нас вечная жизнь имеет скорее тот смысл, что мы продолжаем жить в наших детях, в памяти людей.

- Выходит, если кто-нибудь грешит в этой жизни и все-таки добивается удачи, богатства, почестей, то это ему так и проходит? - вставила миссис Лэниген.

Раввин повернулся к ней. Не обусловлен ли этот вопрос каким-нибудь событием в ее личной жизни, - подумал он, прежде чем ответить.

- Большой вопрос, - медленно начал он, - может ли что-нибудь, что совершил мыслящий человек, "пройти ему просто так". Тем не менее проблема существует,

и все религии пытались разрешить ее так или иначе. Как все-таки воздать праведнику за его добрые дела и страдания, и как наказать преуспевающего грешника? Восточные религии прибегают к учению о перевоплощении. Преуспевающий грешник заслужил свою удачу в какой-либо предыдущей жизни, за нынешние же грехи он понесет наказание в следующем перевоплощении. Христианская церковь решает вопрос введением рая и ада. - Он немного подумал, но тут же покачал головой. - Что ж, решения хорошие, при условии, что вы можете принять их, поверить в них. Мы евреи не можем. Наше решение вопроса дано в книге Иова, отчего ее и включили в состав Библии. Иова незаслуженно подвергают мукам, но нет и намека на то, что ему за это воздастся в будущей жизни. Страдания, выпадающие на долю праведника, часть тех трудностей, с которыми вообще сопряжена наша жизнь. Огонь жжет и ранит праведника ничуть не менее больно, чем грешника.

- Зачем тогда стараться быть добродетельным? - упорствовала миссис Лэниген.

- Затем что добродетель носит награду в самой себе, а грех - наказание. Потому что дурное всегда мелко, гадко и отвратительно, а так как наша жизнь ведь ограничена во времени, то все дурное неизбежно представляет собой потерю, невосполнимую и напрасную трату нашей же жизни.

С Лэнигеном раввин разговаривал непринужденно, но обращаясь к миссис Лэниген, он невольно впал в серьезный, чуть ли не торжественный тон, словно читал проповедь. Мирьям предостерегающе кашлянула.

- Не пора ли нам, Дэйвид? - сказала она.

- О,уже поздно, - спохватился раввин, взглянув на часы. - Извините, пожалуйста, что я так увлекся. Боюсь, во всем виноват этот коктейль.

- Что вы, рабби! Я очень даже рад. Вы,может быть, не поверите, но ваша религия меня ужасно интересует. Я много читал о ней, а вот поговорить - не с кем. Почему-то люди не любят говорить о религии...

- Пожалуй, потому, что она потеряла для них какую бы то ни было важность...

- Вполне может быть. Как бы то, однако, ни было, а вы мне доставили огромное удовольствие, рабби. Нам бы следовало встречаться почаще.

Зазвонил телефон. Миссис Лэниген вошла в дом, но

тут же вернулась.

- Это Ибен звонит.

- Скажи, что я ему сам позвоню потом, - попросил Лэниген, который как раз объяснял гостям, как лучше добраться до гаража полиции.

- Он звонит не из дому, а из автомата.

- Что ж, ничего не поделаешь, рабби. Я вас оставлю на минутку.

- Ничего, мы сами найдем дорогу. До свидания!

Лэниген машинально кивнул и поспешил к телефону. Спускаясь по ступенькам крыльца, раввин почувствовал смутную тревогу.

18

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО АРЕСТОВАЛИ МЕЛЬВИНА БРОНШТЕЙНА. В начале восьмого, когда Бронштейны сидели еще за завтраком, к ним явился в штатском Ибен Дженнингс в сопровождении сержанта.

- Мельвин Бронштейн? - спросил Дженнингс мужчину, открывшего им дверь.

- Он самый.

Полицейский предъявил свою бляху и назвал себя:

- Я лейтенант Дженнингс из Барнардз-Кроссингской полиции. У меня ордер на арест и мне приказано доставить вас в отделение.

- За что?

- Вас допросят по делу об убийстве Элспет Блич.

- Меня обвиняют в убийстве?

- Мне приказано доставить вас на допрос.

- Кто там, Мел? - крикнула миссис Бронштейн из столовой.

- Одну минуточку, дорогая, - крикнул он назад.

- Вам придется сказать ей, - довольно мягко заметил Дженнингс.

- Может, вы зайдете на минутку? - тихо попросил Бронштейн и повел их в столовую.

Миссис Бронштейн испуганно воззрилась на незнакомых мужчин.

- Эти джентльмены из полиции, дорогая, - сказал он. - Они просят меня пойти с ними в отделение и ответить там на кое-какие вопросы. - Он глотнул воздух. - Речь идет о несчастной девушке, которую нашли убитой во дворе синагоги.

На ее бледном лице появились легкие пятна, но она все-таки сохранила выдержку.

- Разве тебе что-нибудь известно, Мел, о гибели этой девушки?

- О гибели мне ничего не известно, - с глубокой серьезностью ответил Бронштейн, - но о самой девушке я кое-что знаю, и эти джентльмены считают, что я смогу помочь им в расследовании.

- Ты придешь обедать? - спросила жена.

Бронштейн бросил вопросительный взгляд в сторону полицейского.

- Пожалуй, не стоит ждать, - ответил Дженнингс, прочистив голос.

Миссис Бронштейн взялась руками за край стола, легонько оттолкнулась и отъехала назад на несколько дюймов. Полицейские только сейчас поняли, что она сидит в коляске.

- Если ты можешь помочь полиции в этом ужасном деле, то надо, конечно, сделать все, что в твоих силах.

- Правильно, - кивнул он. - Ты позвони, пожалуйста, Элу и скажи ему, чтобы он связался с Нэйтом Гриншпаном.

- Обязательно позвоню.

- Может, помочь тебе лечь в постель? - спросил он. - Или ты предпочитаешь сидеть так?

- Я, пожалуй, лягу.

Он нагнулся, поднял ее на руки и, прежде чем понести в спальню, остановился на мгновение.Она посмотрела ему в глаза.

- Все в порядке, родной? - шепнула она.

- В полнейшем, - шепнул он в ответ и вынес ее из комнаты.

✡

Известие об аресте Бронштейна распространилось со скоростью степного пожара. Раввин только что вернулся из синагоги, где у него выдалось нелегкое утро, как позвонил Бен Шварц и сообщил ему эту новость.

- Это точно? - спросил раввин.

- Еще бы! В очередном выпуске последних известий вы услышите об этом, пожалуй, и по радио.

- Вы знаете какие-нибудь подробности?

- Нет. Только, что его задержали для допроса. - Поколебавшись мгновение,он добавил: - Не знаю, э...

что вы намереваетесь предпринять, рабби, но считаю своим долгом сказать вам, что он не член нашей конгрегации...

- Я понимаю. Что ж, спасибо вам.

Он тут же передал этот телефонный разговор жене.

- Мистер Шварц, кажется, считает, что меня все это не касается. По крайней мере, именно так я понял его намек на то, что Бронштейн не входит в нашу конгрегацию.

- И ты с ним согласен?

- Мирьям!

- А что ты собираешься делать?

- Я еще не решил. Первым долгом поговорить с ним. Для этого придется, правда, получить разрешение как от властей, так и от его защитника, кажется. Возможно, еще даже важнее пойти и поговорить с миссис Бронштейн.

- А почему бы тебе не поговорить с Лэнигеном?

- А что я ему скажу? - покачал раввин головой. - Мне совершенно неизвестно, какие у них улики против него. Да и Бронштейнов я почти не знаю. Нет, я позвоню лучше миссис Бронштейн.

Какая-то женщина ответила, что миссис Бронштейн не может подойти к телефону.

- С вами говорит рабби Смолл. Спросите, пожалуйста, у миссис Бронштейн, когда мне лучше всего подъехать. Мне нужно поговорить с ней.

- Подождите минуточку. - Минуту спустя та же женщина передала, что миссис Бронштейн очень благодарна за звонок и просит приехать после обеда.

- Передайте, пожалуйста, что я буду в три.

Не успел он повесить трубку, как в дверь позвонили. Это был Хью Лэниген.

- Я как раз из синагоги, - пояснил он. - Нам нужно было что-то проверить. На этот раз что-то вполне определенное. Вы слышали о Бронштейне?

- Слышал. Совершенно фантастическая идея!

- Вы его хорошо знаете, рабби?

- Нет.

- Тогда не спешите с выводами. В ночь убийства мистер Бронштейн провел с этой девушкой весь вечер. Так что тут не может быть и речи о тех фантастических ошибках, которые полиция, быть может, и допускает изредка. Он ужинал с ней и, как я уже сказал, провел с ней весь вечер. Он мне в этом сам

сознался, рабби.

- Добровольно?

- А то как же? - улыбнулся Лэниген. - Вам, верно, мерещится этакий допрос третьей степени, резиновая дубинка... Уверяю вас, что ничего подобного у нас не водится.

- Нет. Я думал всего лишь о многочасовом допросе, о незначительных оговорках, которые потом раздуваются до таких размеров, что они начинают походить на признания.

- Чепуха, рабби. Как только его доставили в отделение, он сам сделал заявление. Он мог бы вовсе отказаться отвечать и потребовать предварительной консультации с адвокатом, но он даже не подумал об этом. Он сказал, что вошел в ресторан "Прибой" поужинать, а там и подсел к этой девушке. Говорит,что видел ее впервые. Поужинав вместе,они поехали в Бостон, пошли в кино, затем где-то перекусили. Наконец привез ее домой и тут с ней и расстался. Звучит вполне невинно .и правдоподобно. Однако наутро ее нашли мертвой. Это было в пятницу. А что у нас сегодня? Сегодня у нас понедельник, не так ли. Если он был тут ни при чем, то почему он не явился к нам и не сообщил полиции все, что ему было известно?

- Потому что у него жена. Он совершил неблагоразумный поступок, который вдруг принял чудовищные размеры. Он, конечно, поступил дурно, что не пошел сразу в полицию. Это было неумно, трусливо, все что хотите, но это еще не доказывает, что он убийца.

- Но это не все, рабби. Согласитесь все же, что уже одного этого достаточно, чтобы задержать его и подвергнуть допросу. А теперь слушайте дальше. Девушка была беременна. Миссис Серафино,у которой она работала няней, была искренно ошарашена,когда узнала об этом. Это была тихая девушка, которая нигде не таскалась, а главное - никогда не встречалась с мужчинами. За все время ей ни разу не позвонил ни один мужчина, по словам миссис Серафино, и девушка ни разу не намекнула на какого бы то ни было мужчину. По выходным дням, в четверг, она чаще всего ходила в кино - одна или со своей подругой, которая работает у соседей. Мы расспрашивали эту девушку - ее Силией зовут, - так она говорит, что много раз пыталась познакомить Элспет с каким-нибудь мужчиной, но та каждый раз решительно отказывалась.

Когда Элспет только поступила на работу, Силии как-то удалось уговорить ее пойти с ней на ежегодный бал полицейских и пожарников. Все домработницы приходят на этот бал. Это был единственный раз, что девушка была на танцах. Силия думала, что у Элспет есть кто-нибудь в Канаде - она изредка получала оттуда письма. Только этим она могла себе объяснить странное поведение своей подруги. Помимо Силии, у убитой здесь никого не было, а от Силии она, конечно, забеременеть не могла. Поэтому мы немножко расширили свои поиски и установили, что ваш друг мистер Бронштейн останавливался по меньшей мере раз шесть в различных мотелях, расположенных вдоль автострад номер 14 и 69. Назвал он себя везде мистером Брауном и его всегда сопровождала женщина, которую он выдавал за свою жену. Насколько нам удалось установить, выезжал он всегда по четвергам. Опознать его было нетрудно, так как мы всюду предъявляли его портрет; в одном мотеле кто-то даже записал номер его машины. Кроме того, хозяева другого мотеля помнят, что "жена" была блондинкой и очень похожа на убитую - мы и ее предъявляли всюду карточку. Что вы теперь скажете, рабби?

- Его самого вы спросили об этих мотелях?

- Конечно. Разве бы я рассказал о них вам в противном случае?

- И что же он вам ответил?

- Он признался, что действительно останавливался в этих мотелях, но не с этой девушкой, а с другой женщиной, фамилию которой он называть отказывается.

- Что ж, если это правда, - а это вполне может быть, - это весьма благородно с его стороны.

- Да, е с л и это правда...Но и это еще не все. Правда, то, что я вам сейчас скажу, никакой доказательной силы не имеет, но на размышления все-таки наводит. В четверг убитая была у врача. По вполне понятным причинам, она надела обручальное кольцо. Это был ее первый визит к врачу, так что хотя она, может быть, и подозревала, что беременна, но только в четверг узнала об этом точно. И представьте, она тоже назвала себя миссис Элизабет Браун.

- Ну, Браун такая же распространенная фамилия, как, скажем, Смит.

- Это-то, конечно, так.

- Главное же, все то, что вы мне рассказали, не

объясняет, почему на девушке не было платья. Совсем даже напротив. Ведь он ее действительно привез домой, раз платье нашли в шкафу. Я полагаю, что как пальто и дождевик, которые были на ней, так и платье, которое нашли в шкафу, это ее вещи?

- Безусловно, но тут мы подходим к последнему пункту. Но сначала мне нужно сказать вам пару слов о самих Серафино, а также о расположении комнат в их доме. Я вас как-то спросил - знакомы ли вы с этим семейством? - и вы ответили, что незнакомы. Так вот, у него ночной кабарет. Небольшой такой кабачок, где люди сидят за крошечными столиками и пьют разбавленное вино. Время от времени мистер Серафино садится за пианино, а его жена исполняет песни. Двусмысленные, знаете, такие песни, а то и откровенно похабные. Высоконравственными их, конечно, не назовешь гражданами, но дома они ведут себя не хуже, чем любая другая молодая чета. У них двое маленьких детей и каждое воскресенье они ходят в церковь. Закрывается клуб только в два часа утра, так что без няни они обойтись не могут. Только по четвергам, когда няня выходная, с детьми остается сама миссис Серафино. В четверг клуб вообще посещается плохо, так как это общий выходной день домработниц и, значит, не одной лишь миссис Серафино приходится оставаться дома. Так или иначе, а без няни, как я уже сказал, они обойтись не могут. Между тем, что бы вы ни думали о владельцах ночных заведений, Серафино отнюдь не богат, и содержать няню им довольно нелегко. Что же касается их дома, то он тоже не Бог весть что и устроен в соответствии с их специфичными нуждами. Это двухэтажный домик, хозяева, а также дети, спят наверху, внизу же, рядом с кухней - комната няни. Помимо комнаты, у нее там маленькая ванная с душем, главное же - у комнаты отдельный вход. Вы все поняли, рабби?

Раввин кивнул.

- И вот у нас комната, которая почти полностью обособлена от всего дома. Почему же мистеру Бронштейну было не войти тоже?

- И она сняла платье при нем?

- А почему бы и нет? Если наша теория правильна, то она не раз снимала при нем не только платье...

- Но зачем же она тогда снова вышла?

- Вот уж тут нам приходится строить догадки,-

пожал Лэниген плечами. - Может быть, он задушил ее в комнате, а затем вынес ее? Соседи напротив выглянули в окно перед тем как пойти спать и видели, как синий Линкольн Бронштейна подъехал к дому Серафино. Это было в начале первого. Полчаса спустя сосед выглянул еще раз, а машина стояла там же.

- Но он не видел, как они оба вышли из машины? Или как она садилась в нее?

Лэниген отрицательно покачал головой.

- Я не очень разбираюсь в таких делах, но в качестве талмудиста я все-таки понимаю кое-что в законах. У вашей теории множество щелей.

- Какие, например?

- Да возьмите хоть историю с пальто и дождевиком. Если бы он убил ее в комнате, то разве стал бы он натягивать на нее пальто, да еще дождевик? И зачем же он повез ее в синагогу? И каким образом ее сумка вдруг оказалась в моей машине?

- Обо всем этом я подумал и сам. И еще о многом другом, чего вы не упомянули. Все же я пришел к выводу, что у меня достаточно оснований посадить его и держать в кутузке до тех пор, пока все не проверим. Это всегда так, рабби. Ведь так не бывает, чтобы все факты по делу получили с самого начала полное объяснение. Ухватываешься за ниточку, по ней и идешь. Противоречия всегда возможны, мы их отнюдь из виду не упускаем, а стараемся разрешить их, и они,представьте, разрешаются порой довольно просто.

- А если разрешить не удается, то, продержав человека в кутузке, вы его через некоторое время выпускаете, но у него жизнь навсегда разбита, - с горечью в голосе сказал раввин.

- Правильно, рабби. Таковы уж неудобства жизни в цивилизованном обществе.

19

НАТАН ГРИНШПАН БЫЛ ПОХОЖ НА УЧЕНОГО, думал и говорил он не спеша. Он сидел за письменным столом и, прочистив сначала трубку специальным металлическим прибором,похожим на ложечку, затем продув ее несколько раз, принялся аккуратно набивать ее табаком. Тем временем Бекер, с вечной сигарой в кулаке, прохаживался по кабинету взад и вперед,

излагая все, что ему было известно, что подозревал и чего он ожидал от Гриншпана. Последнее сводилось к форменной атаке на местное отделение полиции с требованием освободить Бронштейна немедленно, не то он, Бекер, подаст в суд за незаконный арест.

Адвокат поднес к трубке спичку, легонечко попыхтел, чтобы как следует раскурить ее, и наконец принялся утрамбовывать занявшийся и несколько поднявшийся в чашечке табак. Он откинулся в кресле и, посасывая трубку, сказал:

- Если хотите... я могу добиться...Habeas Corpus, если его действительно... необоснованно задержали.

- Конечно необоснованно! Он не имеет ничего общего с этим убийством.

- А почему вы знаете?

- Потому что он мне сам сказал и еще потому, что я его хорошо знаю. Да вы и сами знаете его. Разве Бронштейн похож на убийцу?

- Судя по тому, что вы мне рассказали, его задержали не как убийцу. Им просто нужно было допросить его. У него были сведения, которые полиция имеет полное право знать. Он ведь сам сказал, что провел с ней вечер в день убийства. Это достаточное основание, чтобы полиция заинтересовалась им.

- Но ведь пришли двое полицейских и арестовали его...

- Это потому, что он не явился в полицию сам, как он, кстати, обязан был сделать.

- Ну и что ж, что обязан был? Вы же знаете, из-за чего он не пошел. Бедняга, верно, подумал, что ему удастся остаться в стороне. Что ж, он ошибся, поступил неправильно, но ведь это не значит, что его надо арестовать за это и так опозорить - эти полицейские ведь арестовали его в присутствии жены...

- Ничего особенного в этом нет. Впрочем, теперь уже поздно говорить об этом.

- Хорошо, что же вы думаете делать?

- Я, конечно, схожу и поговорю с ним. Они его, пожалуй, продержат сутки, но если захотят держать дольше, им придется доставить его в суд и обосновать арест. По-моему, улик у них недостаточно, так что лучше всего, на мой взгляд, поговорить с прокурором и попытаться узнать, что у них имеется.

- А почему не заставить их выпустить его, раз у них ничего нет?

Гриншпан вздохнул. Он положил трубку в пепельницу и снял очки.

- Послушайте, Эл. Убили девушку. В данный момент всем хочется лишь одного: чтобы нашли убийцу. А это значит, что полиции заранее обеспечены симпатии и поддержка не только граждан, но и судебных органов. Любые законы и постановления будут истолкованы так, как это выгодно полиции. Если же я возьму и прибегну к кляузам и ухищрениям, лишь бы добиться освобождения Бронштейна из-под стражи, общественное мнение ополчится против нас. Мела начнут прорабатывать в печати, и как бы события ни обернулись в дальнейшем, а вред ему будет нанесен немалый. И наоборот, если мы не будем лезть на рожон, и если он тоже будет вести себя спокойно, то прокурор, глядишь, и пойдет нам навстречу.

- Я понял. Но мне-то что тогда делать?

- Ничего не делайте, Эл. Наберитесь терпения и ждите.

✡

Именно терпения Элу Бекеру никогда не хватало. Поняв, что ход следствия зависит от прокурора, он решил действовать через Эйба Кессона, который оказал прокурору немалую помощь на выборах.

- Чем же я смогу тебе помочь, Эл? - спросил Кессон. - Все, что я могу тебе сказать, это то, что у них довольно веские улики против Мела.По сути дела, они могли бы хоть сейчас передать материал Большому жюри, но им хочется, чтобы там не осталось ни малейшей лазейки.

- Но ведь он же не убивал, Эйб!

- Откуда ты знаешь?

- Да он сам мне сказал. И я знаю его не со вчерашнего.

Кессон ничего не ответил.

- Господи, да ведь ты же его тоже знаешь! Разве он способен на такое? Этот человек мухи не обидит. Нелепость какая-то...

- Все такие дела звучат нелепо, пока не все выяснено. Зато потом все ясно как день.

- Еще бы! - горько вздохнул Бекер. - Они тебе хоть что докажут. Если что-нибудь не клеится, они это так замажут, что комар носа не подточит. Да кому я это говорю! Ты ведь лучше кого бы то ни было знаешь, как такие дела делаются. Им лишь бы за

что-нибудь зацепиться. Все тогда! Будь ты хоть трижды невиноват, а они тебя упекут за милую душу. А убийца тем временем на свободе...

- Конкретно, Эл. Чего ты от меня хочешь?

- Ты ведь дружишь с прокурором, сам об этом говорил не раз. Поговорил бы с ним, сказал бы, что чепуха все это, что убил не Мел, что искать нужно в совершенно другом месте.

- Расследование ведет Хью Лэниген, - покачал Эйб Кессон головой. - Если ты в самом деле хочешь помочь своему другу, то сходи к раввину.

- Какого черта я к нему пойду? Чтоб он помолился за Мела?

- Знаешь, Эл, лаяться ты мастер. Порой я даже склонен думать, что только это одно ты и умеешь. Теперь помолчи и выслушай меня. По какой-то причине Хью Лэниген питает глубокое уважение к нашему раввину. Они,можно сказать,друзья. Третьего дня раввин с женой были в гостях у Лэнигена. Их всех видели на террасе. Они там что-то потягивали из стаканов и оживленно беседовали.

- У меня на террасе раввин еще ни разу не сидел..

- А ты его приглашал?

- Ладно. Но что из того, что шеф полиции дружит с раввином? Поможет-то он мне чем?

- А тем самым, о чем ты просишь меня. Он мог бы поговорить с Лэнигеном.

- Да разве он станет? Он же знает, что я борюсь за его увольнение.

- И ты думаешь, что это на него повлияет? В таком деле? Плохо же ты его знаешь, Эл. Но так или иначе, а если ты действительно хочешь помочь своему другу, то послушайся меня и поговори с раввином.

✡

Мирьям так и не удалось скрыть недовольство, когда он вошел. Раввин поздоровался с ним довольно сухо. Однако Эл Бекер, если он даже заметил все это, вошел как ни в чем не бывало. Он устремил на раввина один из своих самых вызывающих взглядов и сказал:

- Мел Бронштейн никак не мог совершить это отвратительное преступление, и вы должны что-то сделать, рабби.

- Совершить его мог кто угодно, - мягко ответил раввин.

- Знаю, знаю, - нетерпеливо возразил Бекер. - Я только хотел сказать, что из всех людей на свете Мел Бронштейн менее всего способен на такое. Он добрейший человек. Беззаветно любит свою жену. У них нет детей, но он ее прямо боготворит.

- Вам известно, какие у полиции улики? - спросил раввин.

- Вы намекаете на то, что он таскался с другими женщинами? Что ж из этого? Известно ли вам, что вот уже десять лет, как его жена прикована к коляске? У нее частичный паралич и уже десять лет у них не было...э...сношений.

- Нет, я этого не знал.

- А ведь он здоровый мужчина. Вы,как раввин, вряд ли это понимаете, но мужчине нужна баба...

- Раввины не бесполые существа.

- Ладно. Извините тогда. Тем лучше, если вы понимаете. Эти женщины, с которыми он встречался, были для него ничто. Он только спал с ними время от времени; все равно, как если бы отправлялся в физкультурный какой-нибудь зал ради гимнастики.

- Ну, вряд ли ваша аналогия удачна, но не в этом дело. Что же я должен делать, по-вашему?

- Я и сам не знаю. Вы же были там весь вечер, не так ли. Может быть, вы могли бы сказать, что случайно выглянули в окно и видели, как со двора выехала машина, но готовы поклясться, что это был не синий Линкольн...

- Вы что же - требуете от меня лжесвидетельства?

- Господи Исусе! Извините, рабби, я совершенно сбился с панталыку. Понимаете, помимо всего прочего, это еще сплошной разор. Только сегодня утром я лишился клиента. Вот уже десять лет, как он каждые два года покупает у меня новую машину. В субботу мы уже обо всем договорились и сегодня он должен был зайти в обед и подписать контракт. Он, конечно, не явился. Я ему тут же позвонил, и вы знаете, что он мне сказал? Дескать, передумал. Поездит еще год, а то перейдет на машину поменьше. Если вы думаете, что у него в этом году дела шли неважно, то жестоко ошибаетесь. Совершенно наоборот, нынешний год был для него на редкость удачным. Вы, конечно, догадываетесь, почему он вдруг передумал. Пятнадцать лет мы с Мелом создавали наше дело, а теперь все, как пить дать, может полететь к чертовой матери.

- Вы о своем деле хлопочете, или о друге? - сухо спросил раввин.

- Обо всем. У меня все смешалось в голове. Ведь Мел был мне не просто компаньоном или даже другом. Он мне все равно что младший брат. То же и дело. Ведь я его пятнадцать лет создавал, рабби. Оно для меня не просто источник дохода, оно часть меня самого, в нем вся моя жизнь. Если хотите, оно для меня то же, что для вас ваша профессия. А теперь все это летит к чертям собачьим.

- Я вас вполне понимаю, мистер Бекер, - довольно мягко сказал раввин, - и мне очень хотелось бы помочь вам. Однако моральная поддержка вас вряд ли удовлетворит. То же, о чем вы просите, абсолютно невозможно. Боюсь, что у вас действительно все смешалось в голове, иначе вы бы, конечно, понимали, что если бы я даже пошел на это, мне бы все равно не поверили.

- Я понимаю, понимаю. Но я в отчаянном положении, рабби. Все же что-нибудь вы для него все-таки должны сделать. Ведь вы же и его раввин, не так ли?

- Я слышал, что меня жестоко критиковали как раз за то, что я занимаюсь делами, которые не касаются непосредственно конгрегации...

- Вон оно что! - Бекер окончательно рассвирепел.- Вы, значит, просто не хотите ему помочь! Но ведь он же еврей. Член, пусть и не нашей конгрегации, зато всей еврейской общины нашего города, а вы единственный раввин в этом городе. Неужели вы не можете даже сходить к нему? Или к его жене? Пускай они и не члены. Но я-то ведь член. Помогите хоть мне!

- Кстати, я уже договорился с миссис Бронштейн и буду у нее сегодня. Когда вы вошли, я как раз испрашивал разрешение на свидание и с мистером Бронштейном.

Бекер был чем угодно, но не дураком. Ему даже удалось улыбнуться.

- Ладно, рабби, поделом мне. Что же вы все-таки намереваетесь предпринять?

- У меня был сегодня начальник полиции и изложил мне в общих чертах обвинительные пункты. Я с ним, правда, не согласился, но все-таки я Бронштейнов не знаю. Вот почему я решил сначала познакомиться с ними.

- Они чудеснейшие люди, рабби.

- Вы же знаете, как работают государственные учреждения, а полиция в этом отношении ничуть, боюсь, не лучше. Они хватаются за первую попавшую ниточку, и как только кто-нибудь попал к ним на подозрение, они сосредоточивают все свои усилия именно на нем. Вот я и подумал, что мне, может быть, удастся предостеречь мистера Лэнигена от этой ошибки и уговорить его не прекращать поиски также и в других направлениях.

- Именно это я и имел в виду, рабби! - восхищенно заорал Бекер. - Ну точно то же самое я говорил Эйбу Кессону. Можете у него спросить, он не даст соврать. Знаете, рабби, у меня гора свалилась с плеч.

20

ТЮРЬМА СОСТОЯЛА ИЗ ЧЕТЫРЕХ КАМЕР СО СТАЛЬНЫМИ решетками на первом этаже отделения полиции. В каждой камере стояла узкая железная койка. Тут же были туалет и раковина для умывания с краном, а с потолка свисала лампочка в фаянсовом патроне. В коридоре днем и ночью горела тусклая лампочка, сам же коридор упирался одним концом в стену с решеткой на окне, а другим - в вахту, она же приемная. Кабинет Лэнигена был на втором этаже.

Из приемной Хью Лэниген показал раввину камеры, затем повел его к себе.

- Тюрьма у нас крошечная, - сказал он, - но, к счастью, нам больше и не нужно. Кажется, во всем крае нет старше тюрьмы. Само здание было построено еще в колониальные времена и в нем размещалась первоначально мэрия. Его, конечно, ремонтировали и обновляли время от времени, но фундаменты, а также капитальные стены те же. В камерах теперь электричество, оборудованы туалеты и водопровод, но это все те же камеры; они здесь еще с гражданской войны, если не раньше.

- А где питаются арестованные?

- Вы зря употребляете множественное число, - засмеялся Лэниген. - У нас их почти никогда не бывает больше одного, разве лишь в ночь с субботы на воскресенье. Кто-нибудь, знаете, напьется, начинает бузить, вот мы его и сажаем на ночь. Когда же у нас кто-нибудь сидит и днем, то мы заказываем для него

обед в каком-нибудь ресторане поблизости, чаще всего у Бэрни Блэйка. В старое время начальник полиции неплохо выгадывал на задержанных. Городское управление выделяло ему определенную сумму на содержание каждого арестованного. Когда я поступил в полицию, шеф буквально заставлял нас охотиться за пьяницами. Стоило кому-нибудь показаться на улице подвыпившим, и ему приходилось ночевать в полиции. Но потом, еще до того как я стал начальником, зарплату повысили, расходы на содержание арестованных включили в бюджет, так что полиция арестовывает уже не так рьяно.

- И так они и сидят в этих дырах до суда?

- О, нет! Если мы решим все-таки привлечь вашего друга, то завтра же доставим его в суд, и если судья утвердит арест, то переведем его в Салем либо в Линн.

- Ну и как? Решили все-таки привлечь?

- А уж это зависит от прокурора. Мы ему представим весь наш материал, он задаст еще вопросы кое-какие и решит. Он может принять решение о привлечении его не за убийство, а просто как важного свидетеля.

- Когда вы дадите мне свидание?

- Да хоть сейчас. Можете спуститься к нему в камеру, а то я велю привести его сюда.

- Мне бы хотелось побыть с ним наедине, если не возражаете.

- Пожалуйста, рабби. Я велю доставить его сюда и оставить вас одних. Надеюсь, вы не припрятали оружие, ножовку или напильник? - спросил он смеясь.

Раввин тоже засмеялся и похлопал себя по карманам. Лэниген открыл дверь и крикнул, чтобы кто-нибудь из полицейских доставил арестованного к нему в кабинет. Затем он вышел и оставил раввина одного. Минуту спустя в кабинет вошел Бронштейн.

Он выглядел гораздо моложе жены, но раввин подумал, что это объясняется разницей не столько в возрасте, сколько в здоровье. Вид у него был растерянный.

- Я вам очень благодарен, рабби, что вы пришли, но отдал бы очень много,чтобы эта встреча состоялась где-нибудь в другом месте.

- Я понимаю.

- Понимаете, я даже поймал себя на том,что я рад, что моих родителей нет больше в живых - да, да,

и что у меня нет детей. Потому что,если даже поймают убийцу, я все равно не смог бы посмотреть им в глаза.

- Я вас очень хорошо понимаю, но все-таки не забывайте, что беда может постигнуть любого и каждого. Только покойники застрахованы от этого.

- Да, но уж больно все это безобразно...

- А где вы видели благообразную беду? Старайтесь просто не думать об этом. А теперь расскажите мне о несчастной этой девушке.

Бронштейн ответил не сразу. Он встал и принялся ходить по кабинету взад-вперед, словно чтобы собраться с мыслями и совладать со своими чувствами. Затем он внезапно остановился перед раввином и торопливо заговорил:

- Я ее никогда не видел до этого, готов поклясться в этом на могиле матери. Да, я встречался с другими женщинами. Кое-кто скажет, что если бы я по-настоящему любил свою жену, то не изменял бы ей ни при каких обстоятельствах. Может, и не изменял бы, если бы у нас хоть дети были, или если бы у меня темперамент был другой. Так или иначе, а я не отказываюсь от того, в чем действительно виноват. Были у меня женщины, не отрицаю, но все это носило мимолетный характер. И я всегда вел себя с ними честно. Никогда не скрывал, что у меня жена. Не оправдывал себя тем, что жена, дескать, меня не понимает. Ни разу даже не намекал на то, что, может быть, разведусь с женой. Все было предельно ясно с самого начала. У меня были известные потребности, физические потребности. Кругом полно женщин, которые находятся в таком же положении. В мотелях я останавливался не с этой девушкой. Это была замужняя женщина, которую муж оставил, и которая подала на развод.

- Если б вы назвали полиции фамилию...

- Я этого не сделаю ни в коем случае. - Он энергично замотал головой. - Это могло бы помешать разводу. У нее даже смогут забрать детей. Однако не волнуйтесь, рабби. Если дело дойдет до суда и от этого будет зависеть моя судьба, она явится сама.

- Вы встречались с ней каждый четверг?

- Нет, не каждый. Ни в прошлый четверг, ни в позапрошлый. Дело в том,что она стала ужасно бояться, как бы муж не установил за ней слежку.

- Поэтому вы решили поволочиться за этой девушкой? Так сказать, в виде замены?

- Буду с вами откровенен, рабби. Когда я к ней подошел, я имел в виду, конечно, не платоническую дружбу. Подошел я к ней в ресторане "Прибой". Если бы полиция на самом деле была заинтересована установить факты, а не лезла бы из кожи вон, лишь бы пришить мне дело, они бы порасспросили официанток, посетителей. Не может быть, чтобы никто не помнил, как все было. Я сидел за одним столиком, а она за другим. Потом я к ней подошел и представился. Это была совершенно случайная встреча, это видели все. Потом, когда мы вместе поужинали и поговорили, я заметил, что бедная девушка в сильнейшем расстройстве, хоть и старалась скрыть это и казаться веселой. Разве это не указывает на то,что она предчувствовала недоброе?

- Возможно. Во всяком случае это вполне заслуживает внимания.

- Мне ее стало жалко. Я даже совсем забыл, что подошел-то я к ней с совершенно иными целями. От всего этого ничего не осталось. Мне просто хотелось поразвлечь ее. Мы поехали в Бостон, пошли в кино. - Поколебавшись мгновение, он тут же принял какое-то решение. Нагнувшись вперед и понизив голос, словно боялся, что их могут подслушать, он сказал: - Я вам сейчас что-то скажу такое, раввин, чего не сказал полиции. Эту серебряную цепочку,которая была на ней и которой ее задушили, я же ей и купил, да простит мне Господь. Когда мы пошли в кино.

- И вы ничего не сказали полиции?

- Нет. Я не обязан снабжать их уликами против меня же. По тому, как они меня допрашивали, я понял, что они непременно выдадут эту покупку за доказательство того, что я, дескать, заранее готовил преступление. С вами же, рабби, я решил быть откровенным до конца.

- Очень хорошо. А куда вы пошли потом?

- После кино мы зашли в ресторан, попили кофе с печеньем, а затем я ее отвез домой. Я спарковал машину перед самым ее домом, на виду у всех.

- Вы зашли к ней?

- Что вы, рабби! Мы просто сидели некоторое время в машине и беседовали. Я даже не пытался обнять ее. Просто мирно беседовали. Потом она меня поблаго-

дарила, вышла из машины и вошла в дом.

- Вы не договорились о новой встрече?

- Нет, - покачал Бронштейн головой. - Мы провели с ней приятный вечер, и с меня этого было достаточно. Выходя из машины, она была гораздо спокойнее, чем за ужином. Но никакого желания встретиться с ней еще раз у меня не было.

- И вы поехали домой?

- Точно.

- А жена уже спала?

- Пожалуй. Порой у меня такое чувство, будто она только прикидывается спящей, когда я возвращаюсь поздно. Как бы то ни было, а она уже лежала в постели и свет был потушен.

- То же самое сказала и она, - улыбнулся раввин.

- Значит ли это, что вы были у нее? - Бронштейн резко вскинул голову. - Как она? Что она говорит обо всем этом?

- Да, я был у нее. - Раввин как бы снова видел перед собой хрупкую, бледную женщину в коляске, с гладко зачесанными волосами, в которых уже начинала пробиваться седина, с высоким гладким лбом, тонкими чертами лица и живыми карими глазами.- По-моему, она держится молодцом.

- Молодцом?

- Ну, не без того. Какое-то усилие она все же над собой сделала, но у меня создалось впечатление, что она абсолютно уверена в вашей невиновности. Она сказала, что если бы вы сотворили такое дело, она бы об этом узнала по вашим глазам.

- Увы, суд этого не примет в качестве доказательства, но вообще она права: мы с ней действительно очень, очень близки. В большинстве семей жена занята больше детьми, так что ей не до мужа. Моя же жена болеет вот уже десять лет, так что мы уделяем друг другу гораздо больше времени, чем другие супруги. Поэтому мы и понимаем друг друга без слов. Не знаю, понимаете ли вы меня, рабби?

Раввин кивнул.

- Конечно, если она только притворилась спящей...

- Она сказала, что всегда ждет вас по вечерам, кроме четверга. Я высказал предположение, что, может быть, ее утомляет кружок, который собирается у нее по четвергам, но она заверила меня,что кружок

здесь ни при чем. Она знала, что по четвергам вы встречались с какой-то женщиной, и просто не хотела смущать вас.

- Господи Боже мой! - Он закрыл лицо руками.

Раввин бросил на него сочувственный взгляд, но тут же решил, что лучше этого не показывать.

- Это ее нисколько не огорчало, она сама мне в этом призналась. Она понимает...

- Она сама это сказала? Что понимает?

- Да. - Раввину стало неловко и он поспешил переменить тему. - Скажите, мистер Бронштейн, ваша жена когда-нибудь выходит из дому?

- О, да! - ответил он, и его лицо подобрело. - Когда хорошая погода,я ее катаю немножко на машине. Я вообще люблю ездить, в особенности когда она рядом. Мне тогда кажется, что все у нас так, как было когда-то. Никакой коляски, которая постоянно напоминает о ее болезни, хотя у меня есть в багажнике складная на всякий случай. Когда хорошая погода, я иной раз останавливаюсь на набережной, сажаю ее в коляску и гуляю с ней вечером у моря.

- А как она садится в машину?

- Очень просто. Я ее поднимаю на руки и опускаю на переднее сиденье.

- Из того, что вы мне сказали, я понял, что имеются один или два пункта, на которые стоит обратить внимание полиции. Может, они и сами догадались, а может быть, и нет, - сказал раввин, вставая.

Бронштейн тоже встал. Поколебавшись мгновение,он протянул раввину руку.

- Я вам очень, очень благодарен, рабби, что вы пришли.

- Как они к вам здесь относятся?

- О, хорошо. - Он кивнул в сторону камер. - После допроса они меня даже запирать не стали, так что я могу гулять по коридору. Изредка заходят и полицейские поболтать, они мне даже журналы принесли. Не знаю, рабби, удобно ли...

- Да?

- Я бы вас очень просил передать жене, что у меня все в лучшем виде и что беспокоиться ей не стоит.

- Я ей позвоню, мистер Бронштейн, - обещал раввин и улыбнулся.

21

Расставшись с Бронштейном, раввин с грустью подумал, что его первая попытка помочь кончилась тем, что он напал на два новых факта, которые еще больше усугубляли положение несчастного Бронштейна. Миссис Бронштейн, правда, сказала ему во время их беседы, что хотя она и не ждала мужа по четвергам, но лишь притворялась спящей. Однако, если она даже явится на суд и покажет, что никаких признаков расстройства она у мужа не заметила в ту ночь, это все равно ничего не даст: присяжные ей поверят не очень - жена все-таки. Да это и ничего не доказывает. Всего больше его занимало, однако, описание того, как Бронштейн поднимал жену на руки и сажал в машину. Раввину почему-то казалось, что нелегко перенести труп из одной машины в другую, но вот сам Бронштейн доказал, что ничего сложного в этом нет - он не раз это делал.

Правда, у Бронштейна был большой Линкольн, а не малолитражка, как у раввина, так что разница все-таки есть. Вернувшись домой, он въехал в гараж, вышел из машины и, нахмурив брови, принялся рассматривать ее. Немного погодя он крикнул Мирьям и попросил ее выйти на минутку.

Она вышла, остановилась рядом и тоже стала смотреть на машину.

- Царапина?

Вместо ответа, он обнял ее за талию. Она нежно улыбнулась ему, но он ничего этого не заметил. Он протянул руку и открыл дверцу.

- Что случилось, Дэйвид?

Он закусил нижнюю губу, изучая внутренность кузова, затем, ни слова не говоря, чуть-чуть нагнулся и поднял ее на руки.

- Дэйвид!

Он понес ее к открытой дверце. Она замурлыкала.

- Откинь голову назад, - распорядился он, пытаясь опустить ее на сиденье.

Вместо этого, она обняла его за шею и, продолжая хихикать, потерлась щекой о его лицо.

- Ну же, Мирьям...

Она принялась теребить губами его ухо.

- Да отстань ты, ради Бога. Я пытаюсь...

Она вызывающе заболтала ногами.

- Вот если бы нас видел мистер Вассерман!

- Балуетесь?

Они обернулись, и перед их глазами, с улыбкой во все лицо, в дверях предстал Хью Лэниген.

Раввин поспешно опустил жену на пол.

- Мне хотелось проделать один опыт, - пояснил он, краснея. - Знаете, нелегко все-таки опустить труп на сиденье...

- Согласен с вами, - кивнул Лэниген, - но хотя миссис Смолл весит, пожалуй, куда меньше, чем весила убитая, однако и вам, рабби, куда до Бронштейна.

- Да, разница, конечно, есть, - ответил раввин, проводя гостя в дом. Усевшись в кабинете раввина, Лэниген поинтересовался, как прошло свиданье.

- Я лишь сегодня познакомился с ним, - ответил раввин. - Он, знаете ли, не похож на человека, который мог бы совершить такое преступление...

- Рабби, рабби! - перебил его Лэниген. - Если б вы видели на своем веку столько преступников, сколько довелось видеть мне, вы бы знали, что на внешность положиться нельзя. Что ж вы думаете? Что у вора вороватые глаза, а у мошенника - хитрые? Нет, смотрят они открыто, прямо в глаза и даже бровью не моргнут. Вас, я слышал, называют Народом книги, и в соответствии с этим раввин, я полагаю, тем более человек книги. Я глубоко уважаю книги и книжников, но в делах, подобных этому, нужны не книжные знания, а практический опыт.

- Но если внешность и поведение обманчивы, тогда вообще ни на что нельзя положиться, - мягко возразил раввин. - Как же тогда действует суд присяжных? На чем они основывают свои решения?

- На доказательствах, рабби. На математически точных доказательствах. Если же таковых нет, то на высокую степень вероятности.

Раввин чуть заметно кивнул. Затем он, вроде совершенно не к делу, спросил:

- Вы когда-нибудь слышали о Талмуде?

- Это ваш кодекс законов, не так ли? Но какая тут связь?

- Ну, Талмуд не совсем наш кодекс законов. Уж скорее Моисеево Пятикнижие. Талмуд - это комментарий к закону. Не думаю, чтобы между вашим делом и

Талмудом существовала непосредственная связь, но полной уверенности у меня нет, так как в Талмуде вы найдете все что угодно. Впрочем, я не столько имею в виду его конкретное содержание, сколько метод его изучения. Когда я начал проходить в молодости наши еврейские науки: язык, грамматику, литературу, Священное писание, нам их преподавали совершенно так же, как преподают любые другие дисциплины в обычной школе. Мы точно так же сидели за партами либо столиками, перед нами на возвышении сидел за отдельным столом учитель, он читал уроки и писал на доске, задавал уроки на дом и спрашивал, словом - как всюду в школах. Когда же мы дошли до Талмуда, методика обучения резко изменилась. Представьте себе длинный такой стол,вокруг которого сидит на скамейках группа учащихся. Во главе стола сидит учитель - у моего учителя была длинная такая борода, как у библейского патриарха. Мы читаем фразу, короткое изложение какого-нибудь закона. Затем следуют возражения,пояснение, споры древних раввинов по поводу правильной интерпретации этой фразы. Сами того не замечая, мы выдвигаем собственные аргументы, возражения, дополнения, тончайшие различения, так называемый "пилпул". Время от времени учитель брался отстаивать какое-нибудь положение, и мы обрушивали на него целый шквал вопросов и контраргументов. Так, верно, выглядит охота на медведя: на огромного зверя наскакивает свора лающих собак, и стоит ему отогнать какую-нибудь одну, как на ее место наседают другие. В ходе спора возникают все новые и новые ситуации и идеи. Помню, как мы разбирали небольшой абзац, где речь шла о том, как определить ущерб в случае пожара, возникшего от искры, вылетевшей из-под кувалды кузнеца. Целых две недели мы препирались по поводу этого абзаца, а когда мы с ним с сожалением расстались, у нас было такое чувство, будто только начали. Изучение Талмуда оказало на нас огромное влияние. Наши великие ученые изучали его всю жизнь - не потому, что точная интерпретация закона была так уж важна для решения проблем той или иной эпохи (во многих случаях отдельные законы давно уже превратились в мертвую букву), а оттого, что они были до самозабвения увлечены именно аналитическим методом изучения Талмуда. Благодаря ему у них возникали все новые и новые идеи.

- И вы пытаетесь теперь применить этот метод к нашей проблеме?

- А почему бы нет? Давайте проанализируем степень вероятности вашей теории и посмотрим - устоит ли она?

- Что ж, давайте.

Раввин поднялся с кресла и начал прохаживаться по кабинету.

- Давайте начнем не с трупа, а с сумки.

- А почему?

- А почему нет?

- Окей, вы специалист, вам и карты в руки, - пожал Лэниген плечами.

- Дело в том, что сумка гораздо более плодородное поприще хотя бы уже потому, что она затрагивает трех действующих лиц, труп же только двух: жертву и убийцу. Помимо них, сумка затрагивает, не так ли, еще и меня, так как нашли-то ее в моей машине.

- Согласен.

- Рассмотрим теперь каким образом сумка могла оказаться там, где ее нашли? Ее могли оставить в машине сама убитая или тот, кто ее убил, но ее мог положить туда еще кто-нибудь, о котором мы пока ничего не знаем, который не только вне подозрения, но и вообще нигде не фигурирует.

- У вас есть какие-нибудь новые факты? - подозрительно спросил Лэниген.

- Никаких.Я просто разбираю все возможные версии.

В дверь постучали, и вошла Мирьям с подносом на руках. На нем были пустые чашки.

- Может, хотите кофе?

- Спасибо, - поблагодарил Лэниген. - Хотим, но при условии, что вы присоединитесь к нам.

- А можно?

- Конечно. Никаких секретов мы не обсуждаем. Просто раввин дает мне первый урок Талмуда.

Он подождал, пока она не принесла кофейник.

- Что ж, рабби, вот мы с вами установили всех, кто м о г оставить сумку в машине. И что это нам дает?

- Первый вопрос, который приходит на ум, заключается в том: почему у нее вообще была сумка? Лично я думаю, что женщины механически берут с собой сумки.

- Многие прикрепляют к ней ключ, - подсказала миссис Смолл.

- Правильно, - кивнул Лэниген. - У Элспет Блич он был на кольце, а это последнее прикреплено цепочкой к ушку молнии какого-то внутреннего отделения.

- Итак, вместо того чтобы снять кольцо с молнии, она предпочла захватить с собой сумку, - продолжал раввин. - Теперь давайте разберем друг за другом всех тех, кто мог оставить ее в машине. Начнем - просто, чтобы раз и навсегда покончить с этой версией, - с третьего неизвестного. Это мог быть человек, который случайно проходил мимо и нашел сумку где-нибудь неподалеку от машины. Но он непременно открыл бы ее, хотя бы только для того чтобы узнать, кому она принадлежит, и вернуть ее хозяину. Если же не из этих побуждений, то из простого любопытства. И тут опять: если бы это был человек нечестный, он присвоил бы ценные вещи из сумки. Однако он этого не сделал.

- Откуда вы знаете? - спросил Лэниген, внезапно оживившись.

- Вы же сами сказали, что нашли в сумке массивное золотое кольцо. Раз нашедший сумку не взял кольцо, то он, верно, не дотронулся и до денег, если даже они там были.

- Да, в кошельке были несколько бумажек и мелочь кое-какая, - подтвердил Лэниген.

- Очень хорошо. Итак, сумку нашел не бесчестный человек.

- Согласен, но что же из этого?

- Пока ничего. Это просто расчищает путь. Теперь предположим, что сумку нашел честный человек, который, желая вернуть ее хозяйке, положил ее в машину, считая, что либо она принадлежит хозяину машины, либо же этот последний уж потрудится вернуть ее владелице. Но в таком случае, почему же он бросил ее на пол, а не положил на переднее сиденье, на виду у водителя? Ведь я мог проездить целую неделю и вовсе ее не заметить.

- Что ж, выходит, что сумку никто и не находил: ни бесчестный человек, ни честный. А я никогда и не утверждал, что ее кто-то нашел.

- Пойдем теперь дальше. Возьмем девушку.

- Какую девушку? Ведь Элспет Блич к тому времени уже не было в живых.

- Почему вы так думаете? Проще всего объяснить факт нахождения сумки в моей машине тем, что она

сама оставила ее там.

- Послушайте, рабби. Погода ведь стояла теплая, и вы, наверное, открыли окно, хоть и опустили жалюзи. Правильно?

- Правильно.

- А на каком расстоянии вы находились, по-вашему, от машины? Вот я вам подсчитаю. Машина стояла в шести метрах от здания. Ваш кабинет - на третьем этаже, то есть на высоте трех с половиной метров. Добавьте еще один метр на высоту окна. Если вы теперь припомните школьную свою геометрию, то прямая,проведенная от машины до окна вашего кабинета,является гипотенузой прямоугольного треугольника. Возьмите теперь теорему Пифагора, подсчитайте, и вы получите расстояние в семь метров с чем-то. Прикиньте метра три на расстояние от окна до вашего стола, и получится, что вы сидели всего в десяти метрах от машины. И если бы кто-нибудь захлопнул дверцу, а тем более если бы двое затеяли спор в машине, в результате которого девушку задушили, то вы не могли бы не услышать, как бы ни были погружены в чтение.

- Это-то так, но ведь меня могло уже не быть в синагоге, - возразил раввин.

- Вряд ли. Вы сказали, что ушли в начале первого; ну, в двадцать минут первого, как вы сами и высчитали. Но в это самое время Нормэн как раз поднимался по Марпль-стрит по направлению к синагоге и обозревал всю местность вплоть до самой синагоги. С этого момента и до трех минут второго, когда он отбил часы в ящике на углу, стоянка все время была у него на виду. Оттуда он спустился по Вайн-стрит, где живут Серафино и где, значит, должна была проходить и Элспет Блич.

- Ладно, а дальше?

- Ничего, рабби, не выйдет, - покачал Лэниген головой. - После предварительного осмотра медэксперт определил, что смерть наступила где-то около часу - минут двадцать в ту или иную сторону. Но это только на основании температуры тела, степени окоченения и так далее. Когда, однако, мы допросили Бронштейна, мы установили, что, выходя из кино, они перекусили, так что медэксперт смог определить час наступления смерти по содержимому желудка, а это гораздо точнее. И вот у него получилось,что девушка скончалась н е п о з д н е е часа.

- Все-таки нельзя полностью исключить и возможность того, что, несмотря на близкое расстояние, я все-таки ничего не слышал. Когда я, знаете ли, читаю... Впрочем, окна-то машины ведь были подняты, и если они беседовали тихо, то и впрямь не было бы слышно. К тому же, ее задушили,так что она могла и не успеть крикнуть...

- Как называется вот эта штука, которую вы носите на голове, рабби? - спросил Лэниген, показывая на ермолку раввина.

- Вот это? Это - "кипа", - ответил раввин, дотрагиваясь рукой до черной шелковой ермолки.

- Вы меня простите, рабби, - сказал Лэниген, - но говорите вы так невнятно, будто прикрываете рот вот этой кипой. С какой стати стали бы они так осторожно захлопывать дверцу и говорить между собой шопотом? Ведь они же не знали, что вы рядом. Если они сели в машину, когда дождя еще не было, они, пожалуй, открыли бы окошко - тепло ведь было. Если же бы они сидели в машине уже когда шел дождь, Нормэн бы их обязательно заметил. А кроме того, ничего не указывает на то, что они сидели в машине. Вот посмотрите. - Он открыл свой портфель,достал какие-то бумаги и разложил их на столе. Все трое нагнулись над ними. - Вот тут точный перечень всех предметов, которые мы нашли в машине. А вот чертеж внутренности кузова, на котором указано, где именно мы нашли тот или иной предмет. Вот здесь мы нашли сумку, на полу у заднего сиденья. Вот здесь, в пластиковой этой корзинке мы нашли скомканные салфетки, а на них следы губной помады вашей супруги. Сзади, прямо под передним сиденьем, мы нашли на полу шпильку, но и она принадлежит вашей жене. В пепельнице спереди было несколько окурков со следами помады. Помада соответствует той, которой пользуется ваша жена, а и сигареты, судя по начатой пачке во внутреннем отделении, тоже были ее. В пепельнице заднего сиденья мы нашли только один окурок того же сорта со следами той же помады...

- Минуточку, - вмешалась Мирьям. - Этот окурок я никак не могла оставить: я ни разу не сидела сзади.

- То есть как не сидели? Откуда же окурок? Чепуха какая-то!

- Почему чепуха? - мягко возразил раввин. - Лично

я сижу всегда за рулем, а жена, когда садится в машину, - рядом. Если разобраться, то на заднем сидении у нас вообще никто ни разу не сидел. Мы купили машину с год назад, и как-то так вышло, что за все это время, кроме нас, никто на нашей машине не ездил. Странного тут нет ничего. Вы сами когда-нибудь сидели в своей собственной машине сзади?

- Но ведь окурок!... Помада - ваша, сигареты - того же сорта, что и ваши. Посмотрите, вот перечень того, что было в сумке. Сигарет там не было.

Раввин внимательно прочитал перечень.

- Но вот зажигалка... Значит, она курила. Что же касается помады, то вы сами сказали, что она пользовалась той же помадой, что и Мирьям. В конце концов та тоже была блондинкой.

- Одну минуточку, - перебил его Лэниген. - Шпильку-то нашли сзади; значит, вы не могли не...

- Ничего подобного. Нашли-то ее на полу. Куда же она могла упасть, если не назад?

- Да, это правильно, но все равно многое тут еще неясно. Сигарет ведь у нее все-таки не было - по крайней мере в сумке. Правильно я говорю?

- Правильно, но она ведь сидела не одна.С ней сидел убийца, а у него, верно, сигареты были.

- Не хотите ли вы сказать, рабби, что девушку убили в вашей машине?

- Точно. Окурок со следами помады в пепельнице заднего сиденья свидетельствует о том, что какая-то женщина сидела сзади. Сумка на полу заднего сиденья свидетельствует о том, что это была Элспет Блич.

- Ладно. Допустим, что это так. Пускай ее даже задушили в вашей машине. Но какое это имеет отношение к Бронштейну?

- Очень простое. Оно снимает с него всякую вину.

- Вы хотите сказать, что так как у него была своя машина...

- Именно. Зачем ему было заехать во двор синагоги и пересесть?

- Может, он ее убил в своей машине, а затем пересел в вашу?

- А окурок в пепельнице? Нет, она сидела в моей машине живая.

- А может он ее силой затолкал в вашу машину?

- Но зачем?

- Может быть, не хотел оставить следы в своей...

- Нет, вы так-таки не поняли всего значения окурка. Раз она в машине курила - значит, чувствовала себя свободно. Когда тебя держат за горло или грозятся убить, тогда небось не курят. Да вот еще: раз она сняла дома платье, зачем бы она потом набросила на себя, кроме пальто, еще и дождевик?

- Потому что шел дождь, конечно.

- Но ведь машина стояла перед самым домом, - нетерпеливо мотнул раввин головой. - Сколько там? Да метров пятнадцать. На ней ведь было пальто. Зачем ей еще дождевик? Чтобы пробежать пятнадцать метров?

Лэниген встал и принялся ходить по кабинету взад-вперед. Раввин следил за ним глазами, но остерегался перебить ход его мыслей. Однако, видя, что молчание начальника полиции слишком затянулось, он сказал:

- Конечно, Бронштейн обязан был явиться в полицию, как только узнал об убийстве. Он вообще не должен был связаться с ней в ресторане. Но как бы мы его за это ни осуждали, а понять его можно; в особенности если принять во внимание положение в его семье. Опять же, как бы мы ни осуждали его за то, что он не явился в полицию, но и это можно понять. Публичный арест, допрос, шумиха, все это, по-моему, достаточное наказание. Вы со мной согласны, мистер Лэниген? Послушайтесь моего совета и отпустите его.

- Но тогда у нас никто даже на подозрении не останется...

- О, уж это совсем на вас не похоже.

- Что вы имеете в виду? - спросил шеф, покраснев.

- Я никак не могу представить себе, что вы станете держать человека в тюрьме только для того, чтобы можно было сообщить газетчикам, что расследование продвигается успешно. Кроме того, это вам только будет мешать. Вам придется придумывать все новые и новые теории, копаться в его прошлом,подгонять факты, хорошо зная в глубине души, что ищете не там.

- Ну...

- Вы же знаете, что его можно обвинить только в одном: что он не явился в полицию сразу.

- Но завтра приедет прокурор, чтобы снять с него допрос...

- Но ведь никуда он не денется, Бронштейн-то. Он явится на допрос, можете не сомневаться. Если

хотите, я поручусь за него.

- Что ж, - вздохнул Лэниген, взявшись за портфель. - Так и быть, отпущу его. - Он направился к двери, но на пороге обернулся и сказал:

- Я надеюсь, вы понимаете, рабби, что всем этим вы отнюдь не улучшили свое собственное положение...

22

ЭЛ БЕКЕР БЫЛ НЕ ИЗ ТЕХ, кто забывает оказанную ему услугу. Наутро после освобождения Бронштейна из-под стражи, он отправился к Эйбу Кессону, чтобы лично отблагодарить его за хлопоты.

- Да, я поговорил с прокурором, но ничего не добился. Как я тебе уже сказал, расследование этого дела ведет местная полиция. По крайней мере пока.

- Это что же - так принято?

- Ну, как тебе сказать? И да и нет. Права и обязанности этих органов очерчены не очень резко. Делами об убийстве занимается, как правило, полиция штата. Но и районный прокурор, которому придется ведь выступить обвинителем на суде. Тоже и местная полиция, так как она лучше всех знает местные условия.Тут очень много зависит от районного прокурора, от того, хватит ли в местной полиции специалистов и так далее. Если бы все это случилось в крупном городе - скажем, в Бостоне, - то дело было бы передано, конечно, бостонской полиции, так как у нее и лабораторий хватит, и специалистов. И у нас тоже поручают обычно Хью Лэнигену. Он-то ведь и арестовал Мела, он же его и освободил из-под стражи. И я тебе скажу еще что-то: Лэниген отпустил его в результате какой-то новой интерпретации фактов, которую ему подсказал не кто иной, как раввин. Вообще-то фараоны не любят признаваться в том, что не они сами напали на какой-нибудь новый след, а кто-то другой навел. Но ведь Хью Лэнигена и не назовешь обыкновенным фараоном.

Эл Бекер не очень-то принял слова Эйба Кессона всерьез. Он, правда, не сомневался, что раввин все-таки поговорил с Лэнигеном. Вполне могло быть, что какое-нибудь его замечание действительно позволило начальнику полиции взглянуть на дело с неожиданной какой-то стороны, но в то он никак не

верил, что раввин смог выдвинуть новую версию, которая бы полностью снимала вину с его друга. Все же он решил сходить к нему и поблагодарить.

Встреча не обошлась и в этот раз без неловкости. Поэтому Бекер сразу перешел к делу.

- Насколько я слышал, вы немало содействовали освобождению Мела из-под стражи, рабби.

Все было бы куда проще,если бы раввин стал скромничать и отнекиваться, но он просто сказал:

- Да, мне это, кажется, удалось.

- Я не стану говорить вам, рабби, как сильно я привязан к Мелу. Он мне все равно что младший брат, так что вы, конечно, понимаете, как я вам благодарен. Сказать,что я был вашим горячим сторонником...

- Да, этого не скажешь, - перебил его раввин улыбаясь, - и от этого вы чувствуете себя теперь неловко. И совершенно напрасно, мистер Бекер. Я уверен, что вы действовали не из личных мотивов. Вам действительно кажется, что я не соответствую своей должности. Это ваше полное право. Я же помог вашему другу совершенно так же, как помог бы любому другому, и как помогли бы, я уверен, и вы в подобной ситуации.

Позже Бекер позвонил Эйбу Кессону и рассказал ему о беседе с раввином. Под конец он сказал:

- Все-таки тяжелый он человек. Я пришел к нему, чтобы отблагодарить за помощь и попросить более или менее извинения за то, что действовал не в его пользу на правлении. Что же сделал он? Чуть не сказал мне прямо в лицо, что не нуждается в моей дружбе и что я волен строить ему козни и впредь.

- Судя по твоему же рассказу, дело было не совсем так. Знаешь, Эл, ты, пожалуй, чересчур хитрый,чтобы понять такого человека, как наш раввин. Ты привык читать между строк и всюду тебе мерещатся какие-то задние мысли. Подумал ли ты когда-нибудь о том, что у раввина никаких задних мыслей и нет, а говорит он именно то, что думает?

- Ну, давно известно, что для вас с Джейком Вассерманом и Райхом наш раввин - пуп земли. Что бы он ни делал, все хорошо. Но...

- А тебе он разве сделал плохо, Эл?

- О, я вовсе не отрицаю, что он оказал нам с Мелом услугу. Я ему и благодарен за это. Но ты же не хуже меня знаешь, что его бы все равно выпустили:

доказательств-то у них нет никаких.

- Ты в этом уверен? Тогда ты просто не имеешь понятия о том, как такие дела делаются. Обычно, когда тебя в чем-нибудь обвиняют, все шансы за то, что если ты преступления не совершал, тебя выпустят. Но в таком деле, как это, надо считаться еще и с другими факторами. Это уже не простое судебное дело, а с сильной примесью политики и престижа. Теперь для них уже не так важно - виновен ли человек, или нет. Их теперь занимает другое, а именно: хватит ли у них улик, чтобы отдать его под суд? Если он невиновен, то пусть его защитник это докажет. А не докажет, тем хуже для обвиняемого. Дело принимает характер игры - вроде футбола: с одной стороны прокурор, с другой защитник, а обвиняемый служит как бы мячом.

- Да, но...

- И вот еще что, Эл. Если ты действительно хочешь разобраться во всем этом, то задай себе простой вопрос: что ж теперь будет? Кого они теперь будут подозревать в первую очередь? Я скажу тебе кого. Да раввина же. И вот, какого бы ты мнения ни был о нем, дураком ты его не назовешь никак. Можешь не сомневаться,что он не хуже нашего с тобой понимает, что снимая вину с Бронштейна, он навлекает немалые неприятности на самого себя. Подумай над этим, Эл, и ты сам ответишь себе на вопрос: в самом ли деле раввин такой уж тяжелый человек?...

23

В ВОСКРЕСЕНЬЕ ЛИЛ ДОЖДЬ. Полил он с самого утра, и в коридоре, а также в классных помещениях воскресной школы пахло сыростью пальто и резиной дождевиков. Мистер Вассерман и Эйб Кессон стояли в подъезде и смотрели на дождь, подпрыгивающий на асфальте стоянки.

- Уже половина одиннадцатого, Джейкоб, - сказал Кессон. - Вряд ли они еще придут.

- Маленький дождик, и уже они струсили.

- Эйб Райх и Мейер Гольдфарб приехали, а больше вряд ли кто приедет, - сказал подошедший Эл Бекер.

- Подождем еще минут пятнадцать, - решил Вассерман.

- Раз они до сих пор не приехали, они уже вообще

не приедут, - счел Кессон.

- Может, позвонить кое-кому? - высказал мысль Вассерман.

- Если они испугались дождя, - сказал Бекер, - то звонки не помогут.

- А ты уверен, что они именно дождя испугались? - с издевкой в голосе спросил Кессон.

- Чего же еще?

- По-моему, они просто попрятались в кусты. Неужели ты не понимаешь, Эл? Народ хочет остаться в стороне.

- В стороне от чего? - резко спросил Бекер. - На что ты намекаешь, черт возьми?

- Я не намекаю, а говорю прямо. Убили девушку, правильно? Вдруг в этом замешан наш раввин? Что у нас сегодня на повестке дня? Продление контракта с раввином, не так ли. Вот из-за этого они и не приехали. Допустим, они проголосуют за продление договора, а потом окажется, что он виновен. Что тогда скажут их друзья, в особенности их христианские друзья? Как это отразится на их бизнесе? Теперь ты понял, Эл?

- Мне это не приходило в голову, - медленно протянул Бекер.

- Это потому, что тебе,вероятно, и вообще не приходило в голову, что это мог сделать раввин, - сказал Кессон, как-то странно взглянув на Бекера. - Скажи правду, Эл, тебе не звонят последнее время?

Бекер бросил на него недоуменный взгляд, зато Вассерман изменился в лице.

- О, вам-то позвонили, я вижу!

- О каких ты звонках говоришь? - спросил Бекер.

- Скажите ему, Джейкоб.

- Стану я обращать внимание, - пожал старик плечами. - Идиоты, мракобесы, сумасшедшие, чего их вообще слушать? Я просто вешаю трубку.

- Тебе тоже звонят? - спросил Бекер у Кессона.

- Еще бы! Джейкобу они звонят, потому что он президент конгрегации, но я ведь участвую в политической жизни, так что меня знают все.

- И что же ты сделал?

- То же, что и Джейкоб, - пожал Кессон плечами. - Что тут можно сделать. Когда убийцу поймают, все прекратится само собой.

- Ну нет! Что-то все-таки нужно предпринять. По

крайней мере, сообщить об этом полиции или городским депутатам или...

- И что же они сделают? Вот если бы узнать точно, кто это балует, уж я бы знал, что делать.

- Да-а, дела невеселые, что и говорить.

- Для тебя это ново, а? Тоже и для вас, Джейк. Но не для меня. Как только избирательная кампания, так они сразу и начинают звонить. Понимаете, этих сумасшедших ведь всюду полно - озлобленных неудачников, которых хлебом не корми, а дай только ополчиться против кого-нибудь. Взятые по отдельности, они в большинстве случаев народ безобидный, но если и собрать их в кучу, они тоже тревоги не внушают. Пишут похабные письма в редакции или лицам, чьи фамилии попадаются в газетах. Если же это местный деятель, то звонят.

- Ну что ж, собрание сегодня, боюсь, уже не состоится, - сказал Вассерман, взглянув на часы.

- Но ведь и раньше не всегда бывал кворум, - заметил Бекер.

- Это правильно, но что же я скажу раввину? Чтобы он подождал еще неделю? А ты уверен, что в будущее воскресенье у нас соберется кворум? - спросил Вассерман с укором.

Бекер побледнел. И тут же его прорвало.

- Что же, и еще раз отложим. Но ведь голоса-то тебе обеспечены? Чего ж он хочет? Чтобы ему дать письменно?

- Да, но ты забываешь голоса оппозиции, которую ты же и сколотил, - напомнил Кессон.

- О них ты можешь не беспокоиться, - промычал Бекер. - Я уже поговорил с ними. Теперь они все за продление договора.

✡

Вечером Хью Лэниген заглянул к раввину.

- Я пришел поздравить вас с победой, рабби. По имеющимся у меня сведениям, оппозиция повержена в прах.

Раввин деланно улыбнулся.

- Я вижу, вас это не очень радует, - сказал Лэниген.

- Понимаете, получается, будто я забрался через заднюю дверь.

- Ну так что ж? Вы, конечно, думаете, что добились назначения или избрания или как оно у вас там

называется,благодаря тому, что вы сделали для Бронштейна. Очень хорошо. Я, рабби, на этом собаку съел и могу научить вас кое-чему. Кстати, вы, евреи, уж больно скептичны, критичны, логичны, что ли...

- А я всегда думал, что нас считают в высшей степени импульсивными...

- И правильно считают, но только тогда,когда речь идет об эмоциях. У вас совершенно отсутствует политическое чутье, зато нам, ирландцам, оно врождено. Когда вы боретесь - на выборах ли, или еще где-нибудь, - вы боретесь за какую-то идею. И если терпите поражение, вы утешаете себя тем, что все-таки вы не из личных мотивов боролись, а за какое-то дело, боролись честно и по правилам. Именно еврей, должно быть, сказал, что он предпочитает быть скорее правым, чем стать президентом. Ирландец так не скажет. Он знает, что пока его не избрали, он не может ровно ничего. Поэтому его главная цель - выйти победителем. Второй основной политический закон заключается в том, что человека избирают не по здравому рассуждению, а благодаря тому, какая у него прическа, какой акцент, как одевается и так далее. Кстати, разве не этими же критериями мы руководствуемся, когда выбираем себе спутницу жизни? Бросьте же ломать себе голову над тем, как и почему вас избрали. Главное - избрали.

- Мистер Лэниген прав, Дэйвид, - вмешалась Мирьям. - Ведь мы же с тобой знаем, что если они не продлили бы договора, мы бы нашли себе другое место - во всяком случае не хуже, чем здесь. Тебе, однако, здесь нравится. Кроме того, мистер Вассерман сказал, что тебе наверняка повысят жалованье, и это тоже весьма кстати.

- Не только кстати, но эти деньги, считай, уже израсходованы, - скороговоркой сказал раввин.

- Опять книги? - поморщилась она.

- Нет, в этот раз не книги, - мотнул он головой,- а новая машина. Одна лишь мысль о том, что эта несчастная девушка... Каждый раз, когда я сажусь за руль, мне становится не по себе. Поэтому я и стараюсь ездить как можно меньше.

- Я понимаю, - сказал Лэниген, - но когда мы поймаем убийцу, это у вас, может быть, пройдет.

- Вот как? У вас есть какие-нибудь новые шансы?

- Материал поступает все время. Работаем день и

и ночь. Вот-вот и ниточка появится.

- Иными словами, вы попали в тупик?

Лэниген ничего не ответил, а только пожал плечами и деревянно улыбнулся.

- Давайте не будем об этом, - предложила Мирьям.- Лучше я вас угощу чаем.

- Предложение дельное, - согласился Лэниген.

Они сидели за чаем, болтая о городских делах, о погоде, политике - словом, обо всем и ни о чем. Наконец Лэниген с сожалением встал.

- Я с большим удовольствием посидел бы с вами еще, но надо работать.

В эту самую минуту зазвонил телефон. Хотя раввин и сидел ближе, все равно Мирьям вскочила и побежала отвечать. Сказав "хэлло", она слушала некоторое время, крепко прижимая трубку к уху.

- Вы ошиблись номером, - решительно сказала она под конец и положила трубку на рычаг.

- Что-то нас больно часто стали неправильно соединять последнее время, - заметил раввин.

Лэниген, держась уже за ручку, перевел недоумевающий взгляд от раввина к его жене, у которой вроде порозовели щеки. С чего бы это? Ему показалось, что она незаметно покачала головой в ответ, так что ему ничего не осталось, как улыбнуться на прощание и выйти.

✡

Каждый вечер в передней полукруглой нише "Каюты" собиралась почти одна и та же компания. Бывало, их приходило человек шесть, но чаще - не более трех-четырех. Они называли себя "рыцарями круглого стола" и вели себя частенько довольно-таки шумно. Хотя Альф Кентуэлл, хозяин таверны, был довольно строг и любил хвастать, что у него, дескать, приличное заведение, все же на них он смотрел сквозь пальцы - все-таки постоянные клиенты. Да и шумели они только промеж себя. Когда же ему - раза два или три - пришлось все-таки отказать им в спиртном и вежливо, но твердо выпроводить их вон, они нисколько не обиделись и пришли назавтра,как ни в чем не бывало. Они только извинились: "Кажется, мы вчера немножко пошумели. Ты уж не взыщи, Альф. Больше не будем".

Когда Стэнли вошел в понедельник, как обычно, в половине десятого, там уже сидело четверо. Бэц

Эплбери, высокий худощавый мужчина с длинным носом, шумно приветствовал его уже с порога. Он брал подряды на малярные работы, у него была даже своя контора, и Стэнли частенько подрабатывал у него.

- Эй, Стэн, - крикнул он, - иди сюда, выпей с нами!

- Ну что ж... - промолвил Стэнли после некоторого колебания и направился к столу.

По их общественному положению они стояли несколько выше его. Кроме Эплбери, за столом сидели Гарри Кливс, хозяин ремонтной мастерской, Дон Уинтерс, владелец небольшой бакалейной лавки, и Мальколм Ларч, который занимался страховыми делами и недвижимостью. У каждого был свой собственный бизнес, тогда как сам он работал по найму.

- Иди, садись с нами, Стэн, - добавил Ларч, отодвигаясь немножко на круглой скамье. - Что будешь пить?

Они все пили виски, но он пил обычно эль, и чтобы они не подумали, будто он хочет поживиться за их счет, он бросил:

- Эль, как всегда.

- Правильно, Стэнли. Кто-то же должен будет развезти нас по домам.

- За мной дело не станет, - благодушно ответил Стэнли.

Гарри Кливс, огромный блондин с круглым детским лицом, смотрел в свой стакан и не обращал никакого внимания на Стэнли. Вдруг он повернулся к нему и с серьезным видом спросил:

- Ты по-прежнему работаешь в этой еврейской церкви?

- В синагоге? Да. По-прежнему.

- Ты у них уже давненько, - заметил Эплбери.

- Да года два, а то и все три.

- Ты тоже напяливаешь на голову этакую черную шапочку, какую носят они во время молитвы?

- Конечно. Когда идет служба и мне приходится быть там...

Эплбери оглянул собравшихся за столом.

- Вы слышали? Когда у них служба и ему приходится быть там!

- А не может ли быть, что уже из-за одного этого ты тоже стал евреем?

Стэнли оглянул всю компанию и, решив, что они его

разыгрывют, засмеялся.

- Сказал! Так просто евреем, небось, не станешь!

- Нет, конечно, - подтвердил Эплбери и с укором добавил: - Разве ты не знаешь, Дон, что для этого надо обрезать одно место. У тебя не отрезали, Стэн?

- Вот дает! - громче прежнего захохотал Стэнли, окончательно убедившись, что они хотят подшутить над ним.

- А вообще будь осторожен, Стэн, - добавил Уинтерс. - Работая у них, ты таким же станешь хитрым, как они, и, пожалуй, уже и работать не захочешь.

- Ну, не такие уж они и хитрые, - сказал Эплбери. - Как-то мне пришлось сделать одну работу у кого-то из них на мысу. Тот - толстый такой был еврей - спросил о цене. Ну, я, конечно, заломил - чтобы было с чего сбавить. И что ты думаешь? "Согласен, - сказал, - только делайте аккуратно". Впрочем, жена все время путалась в ногах: то ей колер не понравился, то "вот эту стену сделайте, пожалуйста, чуть-чуть темнее, мистер Эплбери, а вот здесь шпаклевка не совсем ровная, мистер Эплбери", так что ничего он, пожалуй, и не переплатил. Смазливая, скажу я вам, была бабенка, в узких таких черных брючках - их, кажется, тореадорскими зовут,- и задница так и ходила у нее ходуном: я даже сосредоточиться не мог на работе.

- А я слышал, что Хью Лэниген вроде им уже заявление подал на переход в ихнюю веру, - вставил Гарри Кливс. Все засмеялись, но он не обратил на них никакого внимания, а резко повернулся к Стэнли. - Ты, Стэн, ничего об этом не слышал? Они не делают там никаких приготовлений, чтобы окрестить Лэнигена по-своему?

- Не-е-е...

- Кстати, я тоже что-то такое слышал, Гарри, - сказал Мальколм Ларч. - Не то чтобы Хью собирался перейти в их веру, а только лишь, будто в деле об убийстве той девушки он прямо лезет из кожи вон, чтобы скрыть малейшую улику, которая могла бы указывать на причастность ихнего раввина. Он советуется с ним решительно во всем.

- Ну что ты такое говоришь? - перебил его Кливс.- Если убил раввин, разве станет Хью прикрывать его?

- Не знаю, но только я слышал, будто они пытались пришить дело Бронштейну, который не ходит в ихнюю

синагогу, но потом оказалось,что у этого Бронштейна большой блат у какой-то важной птицы, так что пришлось его отпустить. Те, от которых я слышал все это, говорят, что теперь они попытаются пришить дело кому-то постороннему, не из ихней бражки. К тебе, Стэн, Хью не приставал ли? - невинно обратился он к Стэнли.

Теперь у Стэнли уже не оставалось никаких сомнений, что они его разыгрывают, но вместо того чтобы посмеяться вместе с ними, ему стало как-то не по себе. Состроив на лице улыбку, он ответил:

- Нет, не приставал.

- Одного лишь я не пойму, - задумчиво протянул Кливс.- Что могло толкнуть раввина на это убийство?

- Я от кого-то слышал, что это у них религиозный обряд такой, - пояснил Уинтерс. - Врут наверно.

- Я тоже думаю, что вранье это все, - поддержал его Ларч. - Не знаю, как в других местах: в Европе, скажем, либо в Нью-Йорке, где они заправляют решительно всем, но здесь они вряд ли станут.

- Тогда почему же все-таки?- не унимался Уинтерс.

- Она ведь была беременна, не так ли? - Кливс снова повернулся к Стэнли. - Не это ли причина, Стэн?

- Да ну вас к Богу в рай, вы все тут спятили! - огрызнулся Стэнли.

Все захохотали, но Стэнли почувствовал себя нисколько не лучше.

- Эй, Гарри, разве ты сегодня звонить не будешь?- спросил Ларч.

- Поздно уже, - ответил Кливс, взглянув на часы.

- Лучше поздно, чем никогда. - Он подмигнул друзьям. - Правильно я говорю, Стэн?

- Вроде правильно...

Раздался новый взрыв смеха. У Стэнли на лице тоже застыла улыбка. Ему хотелось уйти, но он все-таки не мог решиться. Все молча смотрели, как Кливс набирал номер в будке и что-то говорил в трубку. Немного погодя он вышел из будки автомата, подняв большой палец в знак того, что все, мол, в лучшем виде.

Наконец Стэнли встал, пропуская Кливса на его место.

- Ну, мне, братцы, пора.

- Ну что ты, Стэн!

- Время-то детское, Стэн!

- Да ты ж ничего не пил!

Эплбери схватил его за рукав, но Стэнли рывком высвободил руку и направился к выходу.

24

КАРЛ МЭКОМБР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОРОДСКОГО СОБРАНИЯ депутатов, был мнителен по натуре. Высокий, сухопарый и седой, он уже сорок лет участвовал в местной политической жизни и половину этих лет состоял городским депутатом. Он, правда, получал в год на полста долларов больше, чем остальные депутаты - двести пятьдесят, вместо двухсот, - но это,конечно, никак не могло считаться сколько-нибудь приличным вознаграждением за многочисленные и разнообразные его труды: участие в заседаниях, беготня по городским делам, а главное - изнурительные избирательные кампании каждые два года.

Понятно, что это увлечение политикой отражалось невыгодно на его бизнесе - небольшом галантерейном магазине. Перед каждой новой избирательной кампанией между ним и женой шли нескончаемые споры о том, следует ли ему выставлять свою кандидатуру на новый срок, и во всей избирательной кампании, говорил он, самое трудное было - сагитировать собственную жену.

- Как же ты не почимаешь, Марта? Нельзя мне уйти сейчас. Вот-вот подойдут к концу переговоры о покупке у наследников всей недвижимости покойного Даллопа, а кроме меня, никто в этом деле не разбирается. Если бы хоть Джонни Райт выставил свою кандидатуру - он тоже участвовал в переговорах, - я бы все-таки мог тогда уйти. Но он ведь уезжает на зиму во Флориду. Вот уже десять лет, как мы пытаемся заполучить эти участки, и именно теперь, когда дело, считай, уже в шляпе, я вдруг ухожу. Да понимаешь ли ты, в какую сумму это обойдется городу?

До этого была новая школа, а то новая канализационная сеть, медицинский центр, а еще до этого - зарплата служащих городских учреждений. Порой он и сам недоумевал: как типичный янки он, конечно, ни за что не признается в какой-то там любви к родному городу. Вместо этого, он уверял самого себя, что

просто любит делать дело, да это и его долг, коль это у него получается лучше, чем у других.

Управлять городом, говорил он всегда, это означает - не решать вопросы по мере того, как они возникают - тогда уже слишком поздно, - а,скорее, предвидеть и ускорить, либо не допустить их возникновения. Именно такая ситуация создалась теперь, в связи с рабби Смоллом и убийством в синагоге, как окрестили его газеты. Ему не хотелось обсудить этот вопрос на официальном заседании. Хотя городской комитет состоял всего из пяти членов, но и их было много, тем более что ему нужны были всего лишь трое, чтобы провести потом решение.

Он пригласил к себе Хибера Нюта и Джорджа Коллинза, старейших членов городского комитета, старейших не только годами, но и по политическому своему стажу. И вот они сидели все трое в гостиной, попивали чай с мороженым и хрустящим печеньем, которыми их угощала Марта Мэкомбр. Они болтали о погоде, о делах, о политическом положении. Наконец Карл Мэкомбр перешел к делу.

- Я собрал вас, чтобы поговорить об этом деле, касающемся синагоги в районе Чильтон. События принимают тревожный характер. Намедни я как-то зашел в "Каюту" и слышал там довольно неприятные разговоры. Меня никто не видел, так как я сидел в боковой нише, зато я видел и слышал все. Была там кучка завсегдатаев, какая всегда собирается в таких местах, чтобы выпить пива и поболтать. Так вот, они все в один голос утверждали, что убил-то раввин и что евреи подкупили полицию, отчего та ничего и не делает; что Хью Лэниген дружит с раввином и они ходят друг к другу в гости.

- Это не Бац ли Эплбери разорялся? - задал вопрос Джордж Коллинз, добродушный, улыбчивый мужчина в летах. - На днях я его позвал по поводу окраски фасада, так он то же самое болтал. Я его, конечно, высмеял и обозвал ослом.

- Это-то тебя и тревожит, Карл? - спросил Хибер Нют, юркий, вспыльчивый мужчина, который, казалось, вечно на что-то сердился. Кожу на его лысине словно кто-то нарочно оттянул, и когда он сердился, на ней проступала толстая синяя жила. - Тоже мне! Кто же станет обращать внимание на этого болтуна! - Он был явно возмущен, что его вызвали по такому пустяку.

- Ты неправ, Хибер. Там сидел не один лишь Эплбери. И все они с ним соглашались. Боюсь, что такие разговорчики ведутся и в других местах, и это может стать опасным.

- А что делать, Карл? - благодушно сказал Коллинз. - Только и остается,что обозвать их ослами, как я это и сделал.

- И чего ты этим добился? Болтает по-прежнему. Нет, Карл, тебя не это тревожит. Из-за какого-то Эплбери ты бы нас не собрал. Говори же прямо, в чем дело?

- Дело, конечно, не в Эплбери. Такие же разговоры я слышал и у себя в магазине. И не со вчерашнего, а с самого дня убийства. И мне эти разговоры не нравятся. Когда арестовали Бронштейна, все вроде улеглось, но когда его выпустили, опять пошли разговоры и даже пуще прежнего. Общее мнение сводится к тому, что раз не Бронштейн, то, значит, убийца раввин, но его не арестовывают только потому, что он дружен с Хью Лэнигеном.

- Ерунда! - отрезал Нют. - Хью Лэниген собственного сына арестует, если тот провинится.

- Скажи, а разве не сам раввин добился освобождения Бронштейна? - поинтересовался Коллинз.

- Это точно, но народ-то ведь этого не знает.

- Ну что ж, вот-вот поймают убийцу, тогда все и затихнет, - добавил Коллинз.

- А откуда ты знаешь, что убил не раввин? - спросил Нют.

- А откуда ты знаешь, что убийцу вообще найдут? - спросил Мэкомбр. - Мало ли преступлений так и остаются нераскрытыми? А тем временем вред может произойти немалый.

- Какой вред? - спросил Коллинз.

- Да они могут разжечь ту еще вражду. Евреи, знаешь, народ чувствительный и обидчивый, а тут ведь об их раввине идет речь.

- Тем хуже для них, - буркнул Нют. - Что ж нам теперь, надеть шелковые рукавицы, потому что они, видите ли, чувствительны?

- Постой, постой! В Барнардз-Кроссинге проживает свыше трехсот еврейских семейств, - начал Мэкомбр.- Так как большинство живет в районе Чильтон, их дома можно оценить, примерно, тысяч в двадцать каждый. Им самим они, конечно,обошлись дешевле, но я говорю

о сегодняшней рыночной цене. Для целей налогообложения мы принимаем половину рыночной цены, что составляет триста помножить на десять тысяч, то есть три миллиона долларов. Сумма, как видите, довольно приличная, и налоги с нее - тоже приличные.

- А при чем тут евреи? Не они, так христиане будут жить и платить налоги, - буркнул Нют. - Всего и делов.

- Ты их, я вижу, не больно жалуешь, евреев-то?

- А что? Признаться, не очень.

- А как насчет католиков и цветных?

- И их тоже.

- А как насчет янки? - вставил Коллинз с усмешкой.

- Он и янки не жалует, - ответил за него Мэкомбр, тоже с усмешкой. - И знаешь почему? Потому что он сам янки. Мы, янки, никого особенно не жалуем, но миримся со всеми.

Хибер Нют тоже засмеялся.

- Ну вот, - продолжал Мэкомбр. - Для этого я вас и собрал сегодня. Я много думал о нашем городе, о том, какие все-таки поразительные перемены произошли здесь за последние пятнадцать-двадцать лет. Сегодня наши школы не уступают наилучшим во всем штате. У нас городская библиотека, какой не часто сыщешь в небольшом городе, подобном нашему. Мы построили новую больницу, проложили десятки километров дорог и канализации. Город не только вырос, в нем жить стало лучше. И кто же сделал все это? Да население Чильтона - еврейское, а также христианское. Будем смотреть правде в глаза. Население чильтонского района - я имею в виду христианское - не очень-то походит на нас, жителей Старого города. Они скорее походят на своих еврейских соседей. Это молодые специалисты, ученые, инженера и так далее. У всех высшее образование, в том числе и у жен, и детей они тоже пошлют в колледж. А ведь вы же знаете, что привело их сюда...

- Их привело сюда, - перебил его Нют, - то обстоятельство, что здесь море, а до Бостона всего полчаса езды.

- Не говори. Не один наш город расположен у моря, а бюджет у них - половина нашего, хоть ставки и намного выше, - спокойно возразил Мэкомбр. - Нет, их привело сюда что-то другое. Может быть, дух,

который занес сюда и оставил нам в наследство этот старый распутник Жан-Пьер Бернар. Когда в Салеме охотились за ведьмами, их немало сбежало сюда, а мы их и спасли. У нас никогда за ведьмами не охотились, и я не допущу, чтобы начали охотиться сейчас.

- Нет, Карл, что-то, видно, произошло, - упорствовал Коллинз, - что-то очень серьезное, не то бы ты не тревожился так. Это никак не болтовня Бэца Эплбери или разговоры обывателей в магазине. Что-то я не помню, чтобы ты принимал так близко к сердцу обывательскую болтовню. Что же все-таки произошло, Карл?

- Понимаешь, помимо всего этого, в городе пошли телефонные звонки, - сдался Мэкомбр со вздохом. - Иной раз даже поздно ночью. Вчера у меня был Бекер, хозяин автомагазина. Пришел показать проспект новой полицейской машины. Но это был только предлог, конечно, потому что как только мы разговорились, Бекер ловко ввернул про то, что Вассерману, президенту синагоги, Эйбу Кессону - вы его, конечно, знаете, - досаждают этими звонками. Я поговорил потом с Хью Лэнигеном, и он сказал, что ничего об этом не слышал, но нисколько, мол, не удивится, если звонят и раввину.

- А что можно предпринять, Карл?

- Ну, всякое. Если бы мы, избранные городские депутаты, дали понять всем,что мы против всего этого, смотришь они и угомонятся. И так как кампания направлена в основном против раввина, - хотя если хотите знать мое мнение, он тут решительно ни при чем и служит всего лишь удобной мишенью для горлопанов вроде Бэца Эплбери, - то я и подумал, а не следовало бы ли нам воспользоваться этой нелепой затеей Торговой палаты, выдуманной года два или три тому назад? Я имею в виду церемонию благослóвения судов при открытии ежегодной Регаты. Первый раз благословил, помню, монсиньор Обрайен, потом доктор Скиннер...

- В прошлом году благословил пастор Миллер, - подсказал Коллинз.

- Правильно. Всего, значит, два протестанта и один католический священник. Почему бы нам не объявить, что в этом году благословение будет поручено рабби Смоллу? Это будет достаточно прозрачным намеком, что мы не одобряем этого хулиганства.

- Да ты в уме ли, Карл? У евреев даже клуба нет морского. Среди "Аргонавтов" множество католиков, вот они и настояли тогда, чтобы благословил монсиньор Обрайен. Правда, "Норд" и "Атлантик" - клубы протестантские, но евреев там тоже почти нет ни одного. Они ни за что не согласятся. Помнишь, они даже против монсиньора возражали.

- Вот что. Эти клубы обходятся городу очень и очень недешево, и если мы им скажем, что городской комитет единогласно так решил, то они, небось, не посмеют возражать.

- Но как же ты, черт возьми, потребуешь от яхт-клубов, чтобы они приняли благословение от еврейского раввина? Это же все равно, что поручить ему крестить их детей.

- Сказал тоже! Кто благословлял суда, пока Торговая палата не выдумала эту муру?

- Никто не благословлял.

- Выходит, яхты ни в каком благословении и не нуждаются. Да что-то я и не заметил, чтобы они улучшили свои показатели с тех пор, как их стали благословлять. Значит, худшее, что можно возразить, это то, что никакой пользы благословение раввина не принесет. Я и сам так думаю, то есть что пользы от его благословения будет не больше, чем было от благословения монсиньора и пасторов. Но и вреда будет не больше.

- Ну, тебя не переспоришь. Пусть будет по-твоему. От нас-то чего тебе надо?

- Ничего мне от вас не надо. Просто, я схожу к раввину и официально приглашу его от имени города Мне нужна будет только ваша поддержка, если на заседании возникнуть трудности какие-нибудь.

✲

Джо Серафино стоял у входа и оглядывал посетителей в зале.

- Ничего вроде, Ленни, - сказал он своему помощнику.

- Да, прилично, - согласился тот. Затем, стараясь не шевелить даже губами, добавил шопотом: - Ты заметил фараона за третьим столиком от окна?

- Откуда ты знаешь, что это фараон?

- О, у меня на них форменный нюх. Этого же я знаю лично. Он из полиции штата.

- Он тебя о чем-нибудь спрашивал?

- Да он тут не первый, - пожал старший официант плечами. - С убийства твоей няни они тут все время вертятся. Но войти в зал, сесть за стол и заказать что-нибудь - этого еще не было.

- А что это за женщина рядом с ним?

- Наверно жена.

- Тогда он, может быть, пришел просто так? - Он внезапно нахмурился. - А что здесь делает эта девчонка, как ее - Стелла, кажется?

- Фу, забыл тебе сказать. Ей нужно поговорить с тобой. Я обещал сказать ей, когда ты придешь.

- Чего ей надо-то?

- Кажется, ищет работу. Если хочешь, я ее мигом выпровожу. Скажу, что ты занят сегодня и сам ей потом позвонишь.

- Правильно. Так и скажи. Хотя нет. Лучше я поговорю с ней все-таки.

Он вошел в зал и принялся ходить от одного столика к другому, останавливаясь то и дело, чтобы поздороваться с тем или иным старым клиентом. Не спеша и не глядя в ее сторону, он подошел к столику, за которым сидела девушка.

- В чем дело, детка? Если ты насчет работы, то зря заняла столик.

- Мистер Леонард велел. Он сказал,что лучше ждать в зале, чем в вестибюле.

- Пускай так. Зачем ты пришла?

- Мне нужно поговорить с вами - наедине.

Ему послышалась какая-то угрожающая нотка в ее голосе и поэтому он ответил:

- Что ж, поговорим. Где твое пальто?

- В гардеробе.

- Пойди и забери его. Ты знаешь, где стоит моя машина?

- Там же, где и тогда стояла?

- Да. Выйди к машине и жди меня там. Я сейчас приду.

Он обошел еще несколько столиков, пока не дошел до двери, ведущей на кухню. Он нырнул в дверь и минуту спустя пересек стоянку. Усевшись за руль и открыв девушке вторую дверь, он сказал:

- Ну вот, тут никто нам мешать не будет. Так в чем же дело?

- Сегодня утром меня искала полиция, мистер Серафино...

- И что ж ты им сказала? - поспешно спросил он, но тут же спохватился, что этого не следовало делать. Кашлянув, он как только мог равнодушно поинтересовался о цели этого странного визита.

- Не знаю. Меня не было дома. Я живу еще с одной женщиной, с ней они и поговорили. Они велели ей записать фамилию и номер телефона, по которому просили позвонить, когда я вернусь. Но я попросила ее сказать, если они позвонят сами или придут еще раз, что меня с самого утра не было дома. Мне хотелось поговорить сначала с вами. Я ужасно боюсь, мистер Серафино.

- Чего тебе бояться? Ты даже не знаешь, чего им от тебя надо.

Хоть и темно было в машине, все же он заметил,что она кивнула.

- Кажется, знаю. Они спросили соседку, помнит ли она, когда я вернулась домой тогда ночью?

Он пожал плечами в знак полнейшего безразличия.

- Ты ж тогда работала здесь, вот они и хотят спросить тебя кое о чем. Они всех расспрашивают. Чистая формальность. Если они придут еще раз, скажи им всю правду. Побоялась, мол, пойти домой одна, тем более что это был первый раз, и потому в начале второго я тебя отвез до самого дома.

- О, нет! Раньше, мистер Серафино.

- В самом деле? Ну, скажем, в час.

- Да нет же. Когда я вошла к себе, я посмотрела на часы. Была ровно половина первого, мистер Серафино.

Он начал сердиться и даже немножко побаиваться.

- Ты что это - не шантажировать ли меня вздумала? Пытаешься запутать меня в это убийство?

- Ничего я не пытаюсь, мистер Серафино, - упрямо ответила она. - Просто, отвезли вы меня в половине первого, это я знаю точно; даже чуть раньше, потому что, когда я вошла, было ровно двенадцать тридцать. Я не умею врать, мистер Серафино, и поэтому я подумала, что может быть будет лучше, если я уеду в Нью-Йорк, - у меня там замужняя сестра, - найду там какую-нибудь работу - в ночном каком-нибудь заведении - и если это у них действительно одна лишь формальность, то они, может быть, не станут меня разыскивать.

- Что ж, мысль неплохая.

- Ну вот. Но для этого мне нужно немного денег на первое время, мистер Серафино. Знаете, на проезд, а потом, - если даже буду жить у сестры, чего, пожалуй, лучше не делать, - мне все равно придется платить ей за питание и квартиру...

- Сколько же тебе надо?

- Если я сразу найду работу, то не так уж и много, но все равно не меньше, чем пятьсот долларов, я думаю.

- Хорошенькое дело! - Он нагнулся к ней. - Послушай, детка, ведь ты же знаешь, что у меня не было ничего общего с той девицей.

- Я и сама не знаю что думать, мистер Серафино.

- Как же ты не знаешь? - Он ждал, что она что-нибудь добавит, но она упорно молчала. Поэтому он несколько сбавил тон и сказал: - Нет, эта твоя поездка в Нью-Йорк ничего не даст. Наоборот, если ты вдруг исчезнешь, полиция сразу заподозрит что-то неладное. И они тебя быстренько найдут, можешь не сомневаться. Что же касается пятисот долларов, то об этом забудь. Таких денег у меня нет. - Он достал бумажник, вынул оттуда пять десятидолларовых бумажек и протянул их ей. - Я отнюдь не отказываюсь помочь тебе. Если будет туго, я еще подкину десятку время от времени, но это и все. Мало того, если будешь паинькой, я, пожалуй, возьму тебя в клуб на постоянную работу. А полицейским скажешь, что точно не помнишь, но было уже поздно - пожалуй, второй час уже. То, что ты врать не умеешь, пусть тебя не тревожит: они сочтут вполне естественным, если ты и растеряешься.

Она отрицательно покачала головой.

- Вот ты какая! Что ты задумала?

При тусклом свете рекламной вывески он заметил на ее лице ухмылку.

- Если вам нечего бояться, мистер Серафино, то вы бы мне вообще ничего не дали. Если же бояться вам есть чего, то этой суммы недостаточно.

- Послушай, детка. У меня не было ничего общего с той девицей, заруби себе это на носу. Хочешь знать, почему я тебе все-таки готов помочь? А вот почему. С хозяином кабарета полиция может поступить, как только ей заблагорассудится, и ничего ты им не докажешь. Если они возьмутся за меня, весь мой бизнес полетит к чертовой матери. Возьми того Бронштейна,

которого они тогда задержали, а потом выпустили. Чем он торгует? Машинами. И если даже арест отразится на его делах, он запросто найдет выход из положения: сбавит цены, предоставит более выгодную рассрочку, пока все не забудется, всего и делов. Если же они возьмутся за меня, тогда все: хоть совсем лавочку закрывай. А у меня жена и двое детей. И чтобы не рисковать, я и предложил тебе полста, и еще подкину. Но больше я никак не могу.

Она снова мотнула головой.

Он тоже помолчал, затем забарабанил пальцами по баранке руля. Наконец он отвернулся, и, словно говоря кому-то другому, тихо произнес:

- Что ж, раз ты так, то придется и мне. Понимаешь, в нашем деле нужно быть готовым на все: всякий попадается народ. Приходится страховаться, на случай если сам не сладишь. Ты даже не поверишь, чего только люди не сделают за пятьсот долларов. Тем более когда речь идет о смазливой чувихе. Ребята мне даже скидку дадут, а то и вовсе денег не возьмут - так сказать, для собственного удовольствия тобой займутся; они это любят. - Он краем глаз посмотрел в ее сторону и сразу понял, что она сдалась. - Я, конечно, предпочел бы по-хорошему, я не отказываюсь пособить время от времени. Если тебе нужна работа, сделаю работу. Нужно несколько долларов - для новой, скажем, робы, - что ж, можно и это. Я парень покладистый.

Он снова протянул ей деньги.

На этот раз она их взяла.

25

МЭКОМБР ПРЕДУПРЕДИЛ ПО ТЕЛЕФОНУ, ЧТО ЗАЙДЕТ.

- Мэкомбр? Разве среди наших знакомых есть какой-нибудь Мэкомбр? - спросил раввин, когда Мирьям сказала ему о звонке.

- Он сказал, что это связано с мэрией.

- Неужели это депутат звонил? Мэкомбр у них, кажется, председатель.

- Спросишь у самого, - коротко ответила она. Но, поняв, что это получилось у нее чересчур резко, тут же добавила: - Сказал, что придет в семь.

Раввин вопросительно взглянул на жену, но ничего

не сказал. Последнее время она что-то капризничала, но он не любил расспрашивать ее.

Раввин сразу узнал Мэкомбра и хотел провести его в кабинет, думая, что тот пришел по делу, касающемуся синагоги или еврейской общины. Мэкомбр, однако, явно предпочитал гостиную.

- Я к вам всего на пару минут, рабби. Мне просто хотелось спросить вас, не откажетесь ли вы принять участие в церемонии открытия регаты?

- Какого рода участие?

- Ну, вот уже несколько лет, как ввели эту церемонию. Видите ли, в регате участвуют суда всех яхт-клубов северного берега, немало является и с юга и даже того дальше. В день открытия на судейской пристани устраивается торжественная церемония: там и оркестр, и поднятие флага, а с некоторых пор - и благословение судов, участвующих в соревнованиях. В последние два года благословение поручалось протестантским пасторам, а до этого - католическому священнику, вот мы и подумали, что раз у нас есть в городе раввин, то, по справедливости, надо поручить благословение в этом году вам.

- Я что-то плохо представляю смысл этого благословения, - сказал раввин. - Насколько я понял, на соревнования съезжаются всевозможные спортивные суда. Их-то мне и благословить? Разве эти соревнования опасны?

- Нет, конечно. Не без того: бывает, что и столкнешься с рангоутом и выкупаешься, но это случается редко.

- Тогда, может быть, вы хотите, чтобы я их благословил на победу? - недоуменно спросил раввин.

- Что ж, нам, естественно, хочется, чтобы наши ребята вышли победителями, но соревнования проводятся не по городам.

- Тогда я вообще ничего не понимаю. Или вы хотите, чтобы я благословил суда вообще?

- Вот, вот. Именно в этом смысл церемонии. Чтобы, так сказать, благословить не только наши суда, но и все остальные.

- Просто не знаю, что вам и сказать, - ответил раввин с сомнением в голосе. - У меня мало опыта в такого рода делах. Видите ли,в наших молитвах очень редко содержатся просьбы. Мы не столько просим, сколько благодарим за то, чего уже удостоились.

- Не понимаю.

- Да это очень просто, - улыбнулся раввин. - Вот я вам приведу пример. Вы, христиане, молитесь так: "Отче наш, сущий на небесах... хлеб наш насущный дай нам на сей день". Наша же аналогичная молитва гласит так: "Да будешь Ты благословен, Господи, владыко мира, достающий хлеб из земли". Это, конечно, сильно упрощено, но в общем и целом наши молитвы скорее благодарственны, а не требовательны. Я мог бы возблагодарить Господа-Бога за то, что Он сотворил яхты, доставляющие нам возможность и удовольствие кататься на них. Нет, не подходит. Уж больно притянуто за волосы. Надо будет придумать что-нибудь другое. Вообще же я не специалист по благословениям.

- Это все очень любопытно, что вы говорите, - засмеялся Мэкомбр. - Не думаю, чтобы монсиньор Обрайен или доктор Скиннер считали себя специалистами по части благословений, но все-таки они не отказались же.

- Все-таки это гораздо больше соответствует их функциям, чем моим.

- А у вас разве не одни и те же функции?

- О, нет. Наши функции определяются совершенно разными традициями. Монсиньор Обрайен - священник в традиции библейских священников, сыновей Аарона. Он наделен известной властью, магической властью, которую он и осуществляет во время мессы, где, например, магически превращает хлеб и вино в тело и кровь Христа. Протестантский пастор доктор Скиннер следует традициям пророков. Он призван проповедовать слово Господне. Я же всего лишь раввин, то есть сугубо мирское лицо. Я не обладаю ни "манной" священника, ни "призванием" пастора. Если же все-таки назвать прототипа, то раввин следует скорее всего традициям библейских судей.

- Кажется, я понял, что вы имеете в виду, - медленно сказал Мэкомбр. - Для нас, однако, все это не так уж важно. Никто ведь всерьез... То есть, я хочу сказать, нам важна сама церемония.

- Вы хотели сказать, что все равно ведь никто не обращает внимания на содержание молитвы?

- Угадали, рабби, - ответил Мэкомбр с коротким смешком. - Именно это, боюсь, у меня и было на уме. Ну вот вы и обиделись.

- Да нисколько. Я так же хорошо знаю, что люди не слушают моих молитв, как и вы, что они не слушают ваших речей, пускай они и в высшей степени важные. Меня волнует не то, будет ли публика в подобающем случаю молитвенном настроении, а то - уместна ли здесь вообще молитва?

Мэкомбр был явно разочарован.

- А почему для вас так важно, чтобы благословение совершил именно мой муж? - вмешалась Мирьям.

Мэкомбр посмотрел сначала на раввина, затем на его жену и уже по одному ее открытому взгляду и решительной линии подбородка понял, что изворачиваться не имеет смысла. Он решил сказать им всю правду.

- Из-за реакции населения на это злополучное убийство. По городу ходят всякие разговоры, особенно в последние дни. У нас никогда такого не было, и эти разговоры нам ужасно не нравятся. Поэтому мы и подумали, что если мы поручим церемонию благословения раввину и широко обнародуем это, злые языки, может быть, угомонятся. Я совершенно с вами согласен, что вся эта церемония чистейшая нелепость, но отменить ее мы не властны, так как придумали ее не мы, а Торговая палата. Мне, конечно, известно, что в некоторых католических странах такие благословения устраиваются по рыбацким деревням очень часто. Но ведь там речь идет не о спортивных соревнованиях, а об улове, от которого зависит их благополучие. Да и опасность там немалая. Я бы понимал, если бы у нас устраивали такие благословения в Глостере, где с якоря снимаются настоящие суда. У нас же эта церемония лишена какого бы то ни было смысла. Тем не менее именно в этом случае она могла бы эффективно подчеркнуть тот факт, что депутаты города, то есть самые ответственные лица, решительно отмежеваются от всего этого безобразия.

- Это очень любезно с вашей стороны, мистер Мэкомбр, - ответил раввин, - но не преувеличиваете ли вы серьезность ситуации?

- Нет, уж поверьте. Лично вам они, может быть, докучать не стали, либо же досаждали, но вы не обращаете внимания - мол, что с них взять, с хулиганов-то: поймают убийцу, тогда все пройдет само собой. Беда, однако, в том, рабби, что убийцу могут и не найти, во всяком случае не так скоро, а тем

временем хорошие люди подвергаются оскорблениям и нападкам. Я не говорю, что мой план положит всему этому конец, но я уверен, что какое-то влияние он все-таки окажет.

- Я вам очень благодарен за это поистине благородное предложение...

- Вы, значит, согласны?

Раввин медленно покачал головой.

- Но почему?Разве это противоречит вашей религии?

- По сути дела - да, противоречит. Специально сказано: "Не произноси имя Господа, Бога твоего, напрасно".

- Ну, тогда говорить больше не о чем, - сказал Мэкомбр, вставая. - Все же я попросил бы вас подумать об этом. Дело ведь не только в вас лично, а во всей еврейской общине.

Когда он ушел, Мирьям воскликнула:

- Какие они хорошие люди, Дэйвид!

Он кивнул, но ничего не сказал в ответ.

Зазвонил телефон, и он поднял трубку.

- Рабби Смолл, - сказал он, затем молча слушал некоторое время. Мирьям не спускала с него глаз, обеспокоенная его внезапной бледностью.

- Вот этот-то народ и ошибается номером последнее время? - спросил он, положив трубку на рычаг.

Она кивнула.

- Всегда один и тот же?

- Нет. То мужской голос, а то и женский. Что-то я ни разу не слышала один и тот же голос дважды. Прямо ужас, что они говорят.

- Тот, который позвонил только что - кстати, у него весьма приятный голос, - спрашивал, не нужно ли нам человеческой крови для предстоящего праздника; он, очевидно, имел в виду Песах, хотя Пасха уже прошла.

- Не может быть!

- Вот тебе и не может быть.

- Ужасно, ужасно! Такой чудный городок, такие чудесные люди, и вдруг такое зверье!...

- Хулиганы, - презрительно бросил он. - Шайка мерзких хулиганов.

- Но ведь не только звонки, Дэйвид...

- Вот как? Что же еще?

- Когда я хожу по магазинам, продавцы такие холодные... Совсем не то, что раньше. Покупатели же -

это я знаю точно - просто стали избегать меня.

- Ты уверена в этом,или тебе только показалось? - спросил он, но у самого голос был не очень твердый.

- Совершенно уверена,Дэйвид. Неужели ничего нельзя сделать?

- Что, например?

- Не знаю, но ты ведь раввин, ты должен знать. Может быть, тебе следовало бы позвонить Лэнигену и рассказать ему все. Может быть, тебе надо поговорить с адвокатом? Может быть, нужно было принять предложение Мэкомбра...

Он ничего не ответил, но вернулся в гостиную, сел в свое кресло и вперил неподвижный взгляд в стену. Она предложила ему чаю, но он раздраженно покачал головой. Немного погодя она снова заглянула в гостиную, но он по-прежнему сидел в кресле, глядя в пространство.

- Расстегни мне, пожалуйста, молнию.

Он механически потянул за молнию ее платья, даже не вставая с кресла. Вдруг он рассеянно спросил:

- Что это ты вдруг решила раздеться?

- Просто я очень устала и хочу лечь спать.

- Да, конечно, - засмеялся он. - Какой глупый вопрос! Не в платье же тебе лечь спать. Если ты не возражаешь, я посижу еще немножко.

В эту самую минуту прямо перед их домом остановилась машина.

- Кто-то приехал, - сказал он. - Кто бы это мог быть так поздно?

Они подождали немного, потом действительно раздался звонок. Мирьям, которая успела тем временем застегнуть молнию, пошла открывать, но в это время снова послышалось тарахтенье мотора и скрежет шин по гравийной дорожке. Она открыла дверь и выглянула на улицу. Она еще успела увидеть задний свет машины, исчезающей в темноте.

- О, Господи! - воскликнул раввин позади нее. Она обернулась и только тогда тоже увидела: на двери кто-то намалевал свастику, и алые капли свежей краски падали на пол, точно кровь.

Он дотронулся пальцем до двери и тупо смотрел на красное пятно на руке. Мирьям не сдержалась и зарыдала.

- Прости, пожалуйста, Дэйвид!- сказала она сквозь слезы.

Он крепко прижал ее к себе, и она немного успокоилась. Затем он резко сказал:

- Принеси-ка мне тряпку и немного этой хозяйственной пасты.

Она прижалась лицом к его плечу и прошептала:

- Я боюсь, Дэйвид, ужасно боюсь...

26

ХОТЯ ГАЗЕТЫ И ОПУБЛИКОВАЛИ ПОРТРЕТ РАВВИНА в связи с убийством, миссис Серафино его не узнала, когда он позвонил в дверь.

- Я - рабби Смолл, - сказал он. - Мне необходимо поговорить с вами.

Она заколебалась: а вдруг ей не следовало впустить его? Спросить бы у мужа, но тот еще спал.

- Об этом убийстве? Не знаю, имею ли я право...

- Мне нужно заглянуть в ее комнату, - сказал он тоном, не терпящим возражений. Она действительно не посмела отказать ему.

- Что ж, можно, - сказала она после некоторого колебания и провела его на кухню. - Вход отсюда, из кухни.

В эту минуту зазвонил телефон, и она побежала назад в прихожую. Поговорив некоторое время, она вернулась и сказала:

- Извините, пожалуйста, но у нас параллельная линия в спальню, и я не хотела, чтобы муж проснулся.

- Ничего, ничего.

Она открыла дверь из кухни и пропустила его вперед. Он оглянул комнату - кровать с тумбочкой, стол с креслом рядом. Он подошел к тумбочке и прочитал названия двух-трех книг, стоявших на полочке, посмотрел на небольшой транзисторный приемник, стоявший на столе, потом нажал на кнопку и включил его. "Говорит местная радиостанция из Салема, - раздалось из приемника. - Передаем легкую музыку.."

- Не знаю, можно ли вам дотронуться до чего-нибудь, - сказала миссис Серафино.

Он обернулся к ней и смущенно улыбнулся.

- Она часто слушала радио?

- Да все время - и все эти сумасшедшие рок-н-ролли.

Дверь шифоньера не была заперта. Он попросил

разрешения, подошел ближе и заглянул в него. Дверь в ванную она ему открыла сама.

- Большое вам спасибо, - сказал он. - Я видел достаточно.

Она провела его обратно в гостиную и спросила:

- Вы нашли то, что искали?

- Да я ничего определенного не искал. Просто мне хотелось заглянуть в мирок несчастной девушки. Скажите, пожалуйста, она была красива?

- Ну, красавицей она не была, хотя все газеты в один голос пишут о ней, как о "привлекательной блондинке". Они, пожалуй, обо всех так пишут. А вообще она и была привлекательной в своем роде. Понимаете, полная такая, высокая грудь, массивные ноги, грубоватые щиколотки - о, простите, пожалуйста, я совсем забылась...

- Ничего, ничего, миссис Серафино, - успоксил он ее. - Грудь, ноги, щиколотки - все это мне знакомо. И вот еще что. Как, по-вашему: она была довольна жизнью?

- По-моему, да.

- Но друзей у нее, как я понял, не было?

- Вообще-то нет, но у нее все-таки была вот эта Силия, которая работает рядом у Хаскинсов. Они часто ходили вместе в кино.

- Я имею в виду мужчин. Вы никого не знаете?

- Если бы у нее кто-нибудь был, она бы мне обязательно рассказала. Знаете, если две женщины живут в одном доме, они делятся обо всем. Я уверена, что у нее не было кавалера. Когда она ходила в кино по четвергам, она шла либо одна, либо же с Силией. И все же в газетах было, что она была беременна, так что один какой-то мужчина у нее все-таки должен был быть.

- В тот четверг вы ничего необычного в ее поведении не заметили?

- Нет. Все было, как всегда по четвергам. Я была занята, так что она еще накормила детей обедом, но сразу после этого ушла. Обычно, правда, она уходит до обеда.

- Но все-таки ничего необычного в том не было, что она немного задержалась.

- Я бы не сказала.

- Что ж, спасибо вам еще раз, миссис Серафино. Вы оказали мне большую услугу.

Она провела его к выходу, открыла ему дверь и смотрела ему некоторое время вслед. Вдруг она крикнула:

- Рабби Смолл! Вон там идет Силия с детьми. Если хотите, то можете поговорить с ней.

Она еще успела заметить, как он прибавил шагу и догнал девушку, затем вернулась в дом.

Раввин поговорил с Силией несколько минут, затем дошел до угла и взглянул на почтовый ящик. Потом сел в машину и поехал в Салем, а уже оттуда домой.

✡

Мистер Серафино встал в начале второго. Он помылся, потер ладонью иссине-черную щетину на лице и решил лучше побриться вечером. Затем он сошел вниз на кухню. Жена играла с детьми на заднем дворе,и он им махнул рукой. Она вернулась в дом, чтобы приготовить ему завтрак, а он уселся за кухонный стол и принялся читать комиксы в утренней газете.

Пока он не кончил завтракать, никто из них не проронил ни слова. Потом она сказала:

- Ты ни за что не угадаешь, кто приходил к нам утром.

Он ничего не ответил.

- Рабби Смолл из еврейской синагоги, - продолжала она. - Знаешь, тот, в чьей машине нашли сумку.

- Чего ему надо было?

- Он хотел порасспросить меня об Элспет.

- Вот нахал! Ты, надеюсь, ничего ему не сказала.

- Почему же? Я, конечно, поговорила с ним.

- Да ты в уме ли! - изумленно взглянул он на жену. - Ведь он причастен к этому делу, а все то, что тебе может быть известно, это улики по делу.

- Но он такой приятный молодой человек... Ничуть не похож на раввина. То есть, я хочу сказать, без бороды и вообще...

- Да никто из них нынче бороды не носит. Разве ты не помнишь свадьбу у Гольдов? У того раввина тоже не было бороды.

- Но этот-то раввин даже на того ничуть не похож. Самый обыкновенный молодой человек. Скорее похож на страхового агента или автодельца, только не болтливого: вежливый такой, приятный. Ему хотелось заглянуть в комнату няни.

- И ты ему разрешила?

- Конечно!

- Но ведь полиция распорядилась дверь не открывать. Откуда ты знаешь, что он не унес чего-нибудь или не стер какого-нибудь отпечатка пальцев или не подбросил чего-нибудь?

- Но ведь я все время стояла рядом. Да и побыл он в комнате всего несколько секунд.

- Ладно, а я все-таки позвоню в полицию и доложу об этом, - сказал он, вставая.

- Но зачем?

- Затем что речь идет об убийстве, как ты этого не понимаешь! И все, что находится в этой комнате - это вещественные доказательства. И ради всего святого, больше ни с кем об этом убийстве не говори! Ты меня поняла?

- Ладно, раз уж ты так настаиваешь.

- Ни с кем, ты меня поняла?

- Да ладно уж.

- Ни единого слова никому на свете.

- Да отстань ты! Какая тебя вдруг муха укусила? Да ты весь красный.

- Вот еще! Ведь имею же я право, чтобы хоть дома меня оставили в покое.

- Ну, будет, будет, - улыбнулась она ему. - Иди лучше, сядь и выпей еще чашечку кофе.

Он сел и снова принялся за газету. Она налила ему еще одну чашку кофе, но на душе у нее было очень неспокойно.

27

РАВВИН НЕ ОСОБЕННО УДИВИЛСЯ, когда вечером к ним заглянул Хью Лэниген.

- Я слышал, вы были утром у Серафино, - начал он.

Молодой человек кивнул и тут же покраснел.

- В сыщики играем, а? - Лэниген поджал губы, пытаясь сохранить строгий вид, хотя ситуация представлялась ему скорее смешной. - Лучше не надо, рабби. Можете невзначай замутить следы, а они, видит Бог, и без того не особенно ясны. Кроме того, это может вызвать подозрения. Мистер Серафино, который позвонил нам и доложил о вашем визите, высказал мнение, что вы, может быть, пришли специально, чтобы унести что-нибудь - вероятно, что-нибудь уличающее - из комнаты убитой.

- Мне это даже в голову не приходило, - смущенно

ответил раввин. - Вы уж не взыщите. Понимаете, мне пришла одна мысль, - робко продолжал он после некоторого колебания, - и мне хотелось проверить ее.

- Что же это была за мысль?

- Видите ли, в любом деле имеется начало, имеется середина и имеется конец, - торопливо заговорил раввин. - Последний раз,когда мы беседовали об этом убийстве, мы начали, боюсь, с конца, то есть с сумки. Я уверен, что можно добиться гораздо лучших результатов, если начать с начала.

- А что, по-вашему, начало? Беременность, что ли?

- Она могла бы быть началом, но у нас нет доказательств, что она связана с убийством.

- С чего же вы хотели бы начать?

- Если бы расследование вел я, я первым делом пытался бы установить - почему девушка вообще вышла из дому после того, как Бронштейн привез ее домой?

Лэниген подумал некоторое время и пожал плечами:

- Причин могло быть много. Может, ей нужно было бросить письмо в ящик?

- Почему же она тогда сняла платье?

- Шел дождь. Может быть, она не хотела промочить его?

- Она ведь могла набросить пальто или плащ, как она, впрочем, и сделала. Кроме того, письма вынимают из ящика только в 9.30 утра. Я проверял.

- Ну, пусть не письмо. Может, ей просто хотелось пройти немножко?

- По дождю? И после того, как она провела чуть ли не весь день в городе? И опять-таки - зачем же она сняла платье? На мой взгляд, это самый важный вопрос: зачем все-таки она сняла платье?

- Зачем же, по-вашему?

- Как зачем? - просиял раввин.- Чтобы лечь спать, конечно.

Лэниген недоуменно захлопал глазами:

- Ничего не понимаю. Куда вы клоните, рабби?

- Как же вы не понимаете? - Раввин не мог скрыть свое нетерпение. - У девушки был выходной. Вернулась она поздно, а утром ей надо встать рано. Ясно, что она решила сразу лечь спать. Сняла платье,повесила его в шкаф, и если бы все шло нормально,она бы совсем разделась и легла в постель. Однако тут ей что-то помешало. По-моему, какое-то сообщение.

- Вы хотите сказать, что кто-то ей позвонил?

- Исключается. У них там параллельная линия, и миссис Серафино обязательно бы услышала.

- Тогда как же?

- Да по радио. Миссис Серафино говорит, что оно играло у нее все время. Они, знаете, включают транзистор совершенно механически... Я уверен, что она включила приемник, как только вошла в комнату.

- Не стану спорить. Включила транзистор, но какое же сообщение она могла получить по радио?

- В 12.35 Салемская местная радиостанция передает последние известия. Последние минуты они посвящают местным новостям.

- И вы думаете, что какая-то местная новость заставила ее выскочить из дому? С какой целью?

- Чтобы встретиться с кем-то.

- В такой час? Да и где? Я знаком с этой программой - личных она не передает объявлений. И почему она не надела платье, раз ей нужно было встретиться с кем-то? Действительно, рабби, вы кажется...

- Потому что времени не оставалось, - перебил его раввин. - Ей нужно было успеть ровно к часу. Она точно знала и место, где она его сможет поймать, так как ровно в час он отбивает время в ящике на углу.

- Вы имеете в виду Билла Нормэна? - Лэниген вытаращил глаза на раввина.

Тот кивнул.

- Но это же невозможно. Он как раз справил свою помолвку с дочерью Ремзея. Я тоже был там. Почетным гостем. Это было как раз той ночью.

- Я знаю. Вот об этом-то и передавали по радио. Я был сегодня на радиостанции и проверял. Подумайте минуточку над всем этим, помня постоянно, что девушка была беременна. По словам всех тех, кто ее знавал, она один единственный раз встречалась с мужчиной, а именно - на полицейском балу. Лично я думаю, что там-то она и познакомилась с Нормэном.

- Неужели она прямо на балу и забеременела?

- Вряд ли. Бал состоялся в феврале. На балу она лишь познакомилась с ним. Не могу сказать точно, как и когда они начали встречаться, но можно догадаться. Хоть я и профан в этих делах, но знаю, что, отправляясь в обход, патрульный обязан рапортовать или отбивать время в определенные интервалы. Надо полагать, что эти интервалы зависят от расстояния между полицейскими постами.

- Ну, не только от расстояния, - поправил его Лэниген. - Ему предоставляется известный запас.

- Правильно. Я и сам убедился в этом несколько недель назад, когда мне пришлось разобрать конфликт между двумя членами нашей конгрегации. Одному из них нужно было войти поздно ночью в один дом, а ключа у него не было. Он послал водителя такси за патрульным, который, как потом оказалось, регулярно заходил в одно место попить кофе и посидеть.

- А как же вы хотели? Чтобы человек все восемь часов был на ногах и ни разу не присел? Тем более зимой. Надо же человеку и обогреться.

- Правильно, - снова согласился раввин. - Вот я и подумал,что патрульные располагают достаточной свободой действия хотя бы для того, чтобы можно было задержаться и хорошенько посмотреть,если что-нибудь покажется им подозрительным. Я поговорил с Джонсоном, который обходит тот же участок, но днем. Он объяснил мне, что ночной дежурный распоряжается своим временем довольно свободно. На этом участке, например, он обычно останавливается,чтобы поболтать с ночным сторожем Гордонского блока,затем на маслозаводе; у синагоги, когда Стэнли там ночевал и так далее. И вот тут же по пути и дом Серафино. Если не считать детей,которые спят наверху, Элспет была там совершенно одна. Не раз и не два, а каждую ночь вплоть до двух утра, а то и позже. А тут проходит как раз лихой молодой полицейский, к тому же холостой,который каждую ночь должен отбить часы на углу Марпль- и Вайн-стрит,чуть ли не у самого дома Серафино. Зима, холодно, почему не зайти к знакомой девушке, не выпить горячего кофе, не поболтать часок? Условия идеальные.

- А как же по четвергам? Разве не требовала она, чтобы он выходил с ней гулять в выходной?

- А зачем? Они встречались чуть ли не каждую ночь. К тому же днем ему нужно было высыпаться, раз он ночью дежурил. По-моему,она его любила и думала, что он на ней женится. Ничто не указывает на то, что она была легкомысленной девчонкой. Наоборот, именно от этого она и не гуляла ни с кем и даже знакомиться ни с кем не хотела, как ни уговаривала ее Силия.

- Это все очень, очень интересно, - согласился Лэниген, - но построено на одних догадках.

- Согласен с вами, но зато как все сходится! Лишь при помощи этой версии можно реконструировать все события того рокового четверга так, чтобы у них был смысл. Она подозревала, что беременна и отправилась к врачу в выходной. Оделась тщательно, не забыла надеть на палец обручальное кольцо, - матери ли покойной, или сама купила в ожидании того, что оно ей скоро понадобится, - назвала себя в приемной врача Элизабетой Браун, не из-за Бронштейна, которого она тогда еще вовсе не знала, а просто потому, что это такая же распространенная фамилия, как, скажем, Смит; к тому же инициалы те же, что и у ее настоящего имени. Доктор ее осмотрел и установил, что она действительно была беременна. Если помните, Бронштейн показал, что, сидя в ресторане, она то и дело поглядывала на часы, будто кого-то ждала. Думаю, вы уже допросили официантку и установили, что девушка ничего не заказала. Лично я думаю, что так как по четвергам они не встречались, то она ему и позвонила и договорилась о встрече в этом ресторане.

- Секретарша врача показала, что она спросила - нет ли там автомата поблизости? - заметил Лэниген.

- Ну вот, - кивнул раввин. - Нормэн, видно, обещал прийти или хоть, что постарается, вот она и вошла в "Прибой" и там его и ждала.

- Но ведь потом она уехала с Бронштейном?

- Она, верно, обиделась, когда он все-таки не явился; не только обиделась, но, пожалуй, и заподозрила неладное. Бронштейн показал, что он только тогда решился подойти к ней, когда она э... вроде переборола свое нетерпение и перестала ждать. Да и то он лишь пригласил ее поужинать с ним, так как он не любит кушать один. Он был значительно старше ее, и она, видимо, ничего дурного в его приглашении не увидела. За ужином она, верно, окончательно убедилась, что он порядочный человек, и потому согласилась провести с ним вечер. Видно, ей крайне нужно было побыть с кем-нибудь - уж очень у нее муторно было на душе. Потом он отвез ее домой, и она приготовилась лечь спать. Но не успела снять платье, как услышала по радио о помолвке...

- И зная, что ровно в час Нормэн должен отбить часы на углу, - а тогда было,скажем,без пяти, и ей, значит, нужно было торопиться, - она набросила на себя пальто и накидку и побежала ему навстречу.

Так, что ли, рабби?

- По-моему, так.

- А потом? Что, по-вашему, было потом?

- Ну, шел сильный дождь. Проходя мимо синагоги, он, конечно, заметил мою машину на стоянке. Вот он и предложил ей сесть лучше в машину и спокойно поговорить обо всем. Она согласилась, они уселись сзади, и он предложил ей сигарету. Они сидели и беседовали, затем, возможно, поспорили. Возможно, она пригрозила ему, что сходит к его невесте и обо всем расскажет. Тут он и схватил сзади цепочку и... дернул. Оставить труп в машине он, понятно, не мог, так как по долгу службы обязан был хоть поверхностно, но осмотреть все машины, которые ему попадались на пути. Если бы труп обнаружили в машине, ему пришлось бы давать объяснения. Поэтому он его вытащил, понес к стенке и положил на газон. Сумка, видно, выпала у нее из рук, а он просто не заметил.

- Это все очень хорошо, рабби, но вы понимаете, надеюсь, что у вас нет и тени доказательства.

Раввин кивнул.

- Зато все определенно сходится, - задумчиво добавил Лэниген. - Если бы она пошла к Ремзеям, они бы тут же расторгли помолвку. Я их хорошо знаю. Очень милые люди, но...гордые. А ведь мне казалось, что я хорошо знаю и Билла... - Он вопросительно взглянул на раввина. - Все это уже было у вас готово в голове, когда вы пошли к Серафино?

- Не совсем.У меня было какое-то смутное чувство, но лишь при виде транзистора в ее комнате, у меня начало проясняться все. Впрочем,мне это было легче, чем вам, потому что у меня с самого начала были основания подозревать Нормэна.

- То есть как?

- Ведь он отрицал,что я ему попался навстречу тогда ночью, а я хорошо знал,что он говорит неправду. По какой причине? Из личной неприязни? Но мы с ним даже не были знакомы. Но если бы он признался, что видел меня тогда ночью, это нисколько бы не облегчило его положения, а лишь мое. Это установило бы с несомненностью, что я покинул синагогу задолго до того, как было совершено убийство. Но если он сам каким-то образом причастен к убийству, разве не был бы он заинтересован в том, чтобы направить подозрения на кого-то другого?

- Почему вы мне не сказали об этом раньше, рабби?

- Потому что у меня было только смутное чувство, да и не к лицу, знаете, раввину указывать пальцем на кого бы то ни было и сказать: вот, мол, убийца.

Лэниген ничего не ответил.

- Конечно, доказательств у нас пока никаких, - робко заметил раввин.

- Это меня нисколько не беспокоит.

- Что вы намереваетесь предпринять?

- В данный момент я еще твердо не решил, - сказал Лэниген, - какой вопрос ему задать: что именно сообщила ему Элспет Блич по телефону в четверг, или почему он не явился в "Прибой" на назначенное свидание? Тем временем я устрою так, чтобы эта Силия хорошенько его рассмотрела. Она сказала, что тогда на балу Элспет почти весь вечер провела с одним и тем же мужчиной. Если ваша версия правильна, то это должен был быть Нормэн. Заодно еще раз хорошенько порасспросим Симсонов, которые живут напротив. Если он действительно так часто заглядывал к ней, то, может быть, они его как-то заметили. - Его лицо расплылось в улыбке. - Когда мы знаем, чего именно ищем, мы быстренько находим.

28

НА ЭТОТ РАЗ ЗАСЕДАНИЕ ПРАВЛЕНИЯ БЫЛО НЕ СОВСЕМ обычным: впервые в нем участвовал и раввин. Когда Джейкоб Вассерман пришел к нему и передал приглашение, раввин был тронут.

- Вы отнюдь не обязаны, рабби. То есть, я хочу сказать, мы не будем обижаться, если вы и не придете. Просто я хочу передать вам от имени всех, что каждый раз, когда вам только захочется присутствовать, мы вам будем рады.

И вот он присутствовал на заседании. Он внимательно слушал, пока секретарь прочитал протокол предыдущего заседания, с не меньшим вниманием выслушал отчеты председателей различных комитетов. Но главным пунктом повестки дня было предложение провести освещение на стоянке.

Предложение внес Эл Бекер, ему и предоставили теперь слово.

- Я уже поговорил кое с кем. Первым долгом - с

нашим подрядчиком-электриком. Я его даже заставил прийти на место, посмотреть и назвать ориентировочную цифру. Он предложил одно из двух: либо поставить три столба, который нам обойдутся по тысячу двести долларов каждый, либо же смонтировать шесть прожекторов на самом здании. Прожекторы нам обойдутся по пятьсот долларов штука, итого три тысячи - против трех тысяч шестисот, если столбы. Затем нам нужно будет смонтировать часовый механизм для автоматического включения и выключения: он стоит не очень дорого,зато сколько сэкономит электроэнергии! В общем же и в целом вся работа нам влетит в пять тысяч. - Услышав вздохи остальных членов правления, Бекер добавил: - Я знаю, это куча денег, но ничего не попишешь. Я рад, что с нами сидит раввин, потому что он лучше всех знает, как это важно, чтобы стоянка освещалась в ночное время.

- А ты подумал, во сколько нам влетит электроэнергия? И это год за годом... Ведь в эти прожектора сороковки не поставишь. А зимой они будут гореть чуть ли не четырнадцать часов в сутки...

- По-твоему, лучше, чтобы парни тискали девок во дворе синагоги? Либо произошло еще одно такое убийство? - спросил Бекер в упор.

- Летом на эти фонари слетятся тучи комаров...

- Ну так что? Зато их не будет по соседству.

- Это тебе только так кажется, потому что их только вокруг фонарей и видно. На самом же деле они слетятся отовсюду и их здесь всюду будет полно.

- А что скажут соседи, о том ты подумал? Им ведь эти фонари не очень придутся по душе...

Раввин что-то тихо сказал.

- В чем дело, рабби? - спросил Вассерман. - Вы хотите высказаться по этому вопросу?

- Я только подумал, - неуверенно сказал раввин, - что въезд-то на стоянку не очень широкий. Почему бы не поставить просто ворота?

Воцарилось молчание. Затем они наперебой принялись убеждать друг друга.

- Конечно, это же мостовая, так что только на машине и можно въехать. Калитки никакой не нужно.

- Стэнли мог бы запереть ворота на ночь, а утром он бы их и открывал.

- Ничего страшного не будет, если мы спаркуем машины на улице в тех редких случаях, когда нам - или

какому-нибудь комитету - нужно будет собраться ночью.

Так же внезапно, как они загалдели, они вдруг замолчали и восхищенно уставились на своего молодого раввина.

✡

Раввин сидел как раз за огромным фолиантом, когда вошла Мирьям и сказала:

- Пришел мистер Лэниген.

Раввин хотел подняться, но Лэниген остановил его:

- Не вставайте,рабби. - Заметив фолиант на столе, он добавил: - Я вам не помешал?

- О, нисколько.

- Ничего особенного у меня нет. А вообще я истосковался по нашим беседам, рабби, с тех пор как с тем делом покончено. Я как раз был в вашем районе и решил заглянуть на минутку.

Раввину это было очень приятно.

- Впрочем, у меня есть к вам одно маленькое дело, которое покажется вам, я знаю, смешным. Понимаете, каждые две недели я представляю расчетную ведомость всего отделения в бухгалтерию. Проставляю каждому отработанные часы, сверхурочные, если они были, и так далее. Вы меня поняли?

Раввин кивнул.

- И что, вы думаете, они сделали? Вернули ведомость, так как я, мол, включил все часы, отработанные и Нормэном. Бухгалтер говорит, что нужно было исключить часы, отработанные им после совершения убийства, так как преступнику, мол, не положено получать зарплату, да еще от полиции. Как вам это нравится? Что мне теперь делать? Заставить их платить, или уступить и забыть об этом?

Раввин поджал губы и взглянул на фолиант, лежавший на столе.

- Может, посмотрим, что говорится на этот счет в Талмуде? - улыбнулся он.

"НАБЛЮДЕНИЯ РАВВИНА СМОЛЛА, ПОМОГАЮЩЕГО РАСПУТАТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ВЫЯВИТЬ УБИЙЦУ, ОСНОВАНЫ НЕ НА ЗНАНИИ ПСИХОЛОГИИ ПРЕСТУПНИКА, А НА ТРАДИЦИОННО-ЕВРЕЙСКОМ ЖИЗНЕННОМ ОПЫТЕ. ЧЕЛОВЕК, РАЗОБРАВШИЙСЯ В ХИТРОСПЛЕТЕНИЯХ ТАЛМУДА, ОБЛАДАЕТ НЕМАЛОЙ СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬЮ. .... ЧИТАТЕЛЯМ НОВОЙ СЕРИИ, НАДО ПОЛАГАТЬ, ЛЮБОПЫТНО БУДЕТ УЗНАТЬ, ЧЕМ ЖЕ ЗАНИМАЕТСЯ РАВВИН СМОЛЛ ВО ВСЕ ДНИ НЕДЕЛИ, ВКЛЮЧАЯ СУББОТУ".

- С И О Н

"ПОМИМО БЛЕСТЯЩЕЙ РАЗРАБОТКИ СЮЖЕТА, КНИГА ИЗОБИЛУЕТ ЗАНИМАТЕЛЬНЫМИ, ОСТРОУМНЫМИ И В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ ДИАЛОГАМИ О РЕЛИГИИ".

- BIRMINGHAM NEWS

E. M. LILIEN LIL